

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2016

№ 2(10)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзором)

Редакционная коллегия журнала
«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск,
Россия) – председатель
О.И. Блинова (Томск, Россия) –
зам. председателя
Д.А. Катунин (Томск, Россия) –
отв. секретарь
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
В.Е. Гольдин (Саратов, Россия)
А.Д. Жакупова
(Кокчетав, Казахстан)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
В.М. Мокненко
(Санкт-Петербург, Россия)
О.В. Фельде (Красноярск,
Россия)
Р. Ханзен-Кокоруш (Грац,
Австрия)
Л.И. Шелепова (Барнаул,
Россия)
Е.А. Юрина (Томск, Россия)
И. Янышкова (Брно, Чехия)

Editorial Board of the
Russian Journal of Lexicography

Tatiana A. Demeshkina (Tomsk,
Russia) – Chairperson
Olga I. Blinova (Tomsk, Russia) –
Deputy Chairperson
Dmitry A. Katunin (Tomsk,
Russia) – Executive Editor
Nikolai D. Golev (Kemerovo,
Russia)
Valentin Ye. Gol'din (Saratov,
Russia)
Aygul D. Zhakupova
(Kokshetau, Kazakhstan)
Yekaterina V. Ivantsova (Tomsk,
Russia)
Valery M. Mokienko
(Saint-Petersburg, Russia)
Olga V. Felde (Krasnoyarsk,
Russia)
Renate Hansen-Kokoruš (Graz,
Austria)
Lyudmila I. Shelepova (Barnaul,
Russia)
Yelena A. Yurina (Tomsk, Russia)
Ilona Janyšková (Brno, Czech
Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Вашенко Д.Ю. Любительские диалектные словари: специфика функционирования в Интернете.....	5
Грекова М.В. Фигуративная лексикография и ее место в современной русистике.....	18

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Бобунова М.А. Конкорданс XXI в.: новая старая форма.....	41
Савина О.Ю. Интеграция инструментов лингвистического поиска в лингводидактических целях.....	55

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Генералова Е.В. Авторское слово в историческом словаре.....	67
Лукьянова И.В. Информативные возможности толковых диалектных словарей фитонимов.....	91

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Ольховская А.И. Рецензия на книгу: Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкай Н.М. Большой универсальный словарь русского языка.....	110
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	122
----------------------------------	-----

C O N T E N T S

THEORY OF LEXICOGRAPHY

- Vashchenko D.Yu.** Non-professional dialect dictionaries: specifics of their
Internet-functioning 5
Grekova M.V. Figurative lexicography and its place in modern Russian philology..... 18

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

- Bobunova M.A.** Concordance of the 21st century: a new old form 41
Savina O.Yu. Integration of linguistic search tools for didactic purposes 55

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

- Generalova E.V.** The author's word in a historical dictionary 67
Lukyanova I.V. Informative potential of dialect phytonymy
explanatory dictionaries..... 91

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

- Olkhovskaya A.I.** Book Review: Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая,
N.M. (2016) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka*
[The Big Universal Dictionary of the Russian Language] 110

- INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**..... 122

Д.Ю. Ващенко

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОВАРИ: СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

В статье предпринята попытка построения функциональной типологии непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в словацком интернете. Отдельно рассматриваются их интернет-специфичные, авторские и собственно лексикографические характеристики, проанализированы взаимосвязи между этими параметрами. Наряду с меморативной функцией у интернет-словарей весомой является функция презентации региона. В плане авторства прослеживается тенденция перехода от индивидуального составителя к коллективному.

Ключевые слова: диалект, лексикография, интернет-коммуникация, наивная лингвистика, авторство.

Статья посвящена анализу непрофессиональных диалектных словарей, размещенных в пространстве Интернета. Будет показано, каким образом специфика Всемирной сети в качестве особой коммуникативной среды влияет на функционирование любительского словаря. Наблюдения основываются на словацком языковом материале.

Диалектная речь представлена в словацком Интернете достаточно широко, естественно, в модифицированном виде. Далее термин «диалект» будем употреблять, отдавая себе отчет в том, что речь идет не о диалекте как таковом, но о территориально маркированном языковом образовании на интердиалектной основе, содержащем в себе элементы различных страт, в том числе литературного языка и интернет-специфичной речи. Диалект может бытовать в Сети в различных формах: это могут быть лексические вкрапления в речи пользователя, отдельные реплики / части реплик в форумах, в тематических группах вида «я родом из Восточной Словакии», которые в последнее время активно появляются в социальных сетях. Кроме того, в словацком Интернете существует определенное количество порталов, где контент представлен преимущественно на диалекте.

Не менее обширное распространение в Сети имеют метадиалектные рефлексии пользователей, когда носители локального идиома пытаются осмыслить, систематизировать и зафиксировать свои знания о нем. Одной из таких внешних форм фиксации и авторефлексии является диалектный интернет-словарь [1]. Чаще всего подобные словари устроены предельно просто и представляют собой два соотносенных столбца, где один содержит диалектные слова, а другой – их литературные эквиваленты.

При всей специфичности рассматриваемого жанра следует учитывать, что язык Интернета является феноменом национального языка и многие интернет-жанры имеют досетевые корни и внесетевые аналоги (см. об этом в монографии М.Ю. Сидоровой [2]). Это полностью применимо к любительской диалектной лексикографии. Внесетевую параллель диалектного интернет-словаря представляют окказиональные словари и словарики, которые составляются жителями региона (см. [3]). В свою очередь, исследователи, которые занимаются проблемами интернет-коммуникации, отмечают, что в пространстве Всемирной сети стираются границы между авторским и коллективным, профессиональным и любительским. Так, А. Беловодская, исследуя проблему сетевой пародии, отмечает, что «произведения сетевого искусства благодаря высокой степени доступности современных ИТ чаще всего создаются непрофессионалами и имеют любительский характер» [4. С. 128]. Сказанное применимо в отношении не только сетевой литературы, но и непрофессиональных научных описаний, распространенных во Всемирной сети.

По сравнению с внесетевыми интернет-словари вписаны в более широкий семиотический и коммуникативный контекст. Свою роль в функционировании словаря играют страница размещения, ее графическое оформление и посещаемость. Словарь может предполагать последующее обсуждение представленной в нем лексики, также один и тот же словарь может быть размещен на разных порталах (система репостинга и перекрестных ссылок). Диалектный сетевой словарь не являет собой раз и навсегда фиксированный текст. Например, модераторы страницы на основе отзывов пользователей могут расширить / видоизменить его, тем самым подтверждая, что текст словаря является возобновляемым ресурсом.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется около 25 диалектных словарей, размещенных на порталах с доменом sk.

При этом страницы, на которых размещены словари, могут прекращать свое существование, и точно так же в Сети постоянно появляются новые любительские лексикографические описания. Граница между любительским и профессиональным здесь не является строгой: непрофессиональные авторы, т.е. не имеющие специального филологического образования и не входящие в научное сообщество, могут ориентироваться на диалектные словари, составленные профессионалами, причем ориентация эта имеет двоякий характер: сетевые авторы могут класть в основу своей работы те или иные принципы профессиональной лексикографии, но также составители могут противопоставлять свои словари профессиональным как более «живые» и приближенные к реальному узусу. Равным образом сетевое взаимосвязано с внесетевым в плане материально-технического воплощения: окказиональные словари могут быть оцифрованы и размещены в Сети, а объемные сетевые словари потенциально могут быть опубликованы в печати.

На русском материале проблему авторских словарей подробно рассматривает в своем диссертационном исследовании и серии статей Е.Д. Бондаренко (Казакова). Ее работа базируется на полевом и архивном, т.е. на внесетевом материале: классификация любительских словарей здесь выстроена по прагматическому принципу. В качестве основных критериев анализа автор называет следующие:

- установка составителя словаря;
- представления автора о предполагаемом адресате;
- социокультурный и языковой опыт лексикографа [5. С. 27].

К сетевому материалу указанные критерии применимы лишь частично, поскольку сетевое авторство может быть анонимным либо трудноверифицируемым (ср.: «...когда мы говорим о модели (авто)коммуникации в рамках анонимного сетевого творчества, целесообразнее использовать формулу МЫ – МЫ» [4. С. 134]. Точно так же предполагаемый адресат представляет здесь достаточно условный, хотя и значимый, конструкт в силу общедоступности информации на интернет-ресурсах.

Вышеприведенная схема будет модифицирована: сетевые диалектные словари рассматриваются по следующим параметрам: А) интернет-специфичные; В) авторские; С) собственно лексикографические. Далее будет продемонстрировано, как в сетевых диалектных словарях эти характеристики взаимосвязаны.

А) К интернет-специфичным характеристикам сетевых словарей относятся в первую очередь пути доступа к ним. Свою роль играют место размещения и рубрикация, к которой относится словарь на конкретном портале. Место размещения словаря не влияет на доступность материала, поскольку сетевые диалектные словари, как правило, размещены в открытом доступе без каких-либо ограничений, однако размещение текста на более посещаемом / менее посещаемом информационном ресурсе может существенно ограничить круг его фактических читателей (количество просмотров). В свою очередь на конкретном портале пути доступа, а также преамбула к словарю формируют первичный режим его интерпретации. Последнее связывает собственно сетевое с авторским, так как введение к словарю напрямую связано с метадиалектными рефлексиями составителя словаря / того, кто размещает этот словарь на портале (эти лица могут и не совпадать).

На глобальных порталах чаще всего бывают размещены словари, включающие в себя все те слова, которые ощущаются пользователями как локально маркированные. Так, на общесловацком портале www.birdz.sk, где представлены форумы самой разнообразной тематики, находится интерактивный «бабушкин словарь». Ср. пример, где, в отличие от большинства сетевых словарей, каждый отдельный автор имеет некоторую дополнительную характеристику по возрасту и региону проживания:

Dumbar 23 ročný chalan Rumunsko-Temešvár
 teremtete
 Mirka 7 17 ročné dievča
 Krajina kde sa neumiera...
 bitang
 Wind 23 ročné dievča
 drnda
 Die 21 ročné dievča ciernyles
 fusakle
 Ruderenee 21 ročné dievča Trenčín
 Fertucha, ručník, pudilar... neviem ale či to je staré alebo nárečové :D
 J.v.stalin 26 ročný muž Gori
 Nie je to síce k téme ale kus aj je a každý to pozná A nie si hladný? :D a starký mi furt vravel Ancijáša tvojho

На специализированном, но также общесловацком портале mojslovník.sk находится «диалектный и сленговый словарь», занимающий в нем отдельную рубрику. Особняком здесь стоит Википедия, в которой размещен словарь островного банхидского говора. Собственно, это единственный словацкий диалектный словарь в Википедии, причем он содержит лексику словацкого говора на территории Венгрии. Сначала дается общая характеристика диалекта, затем приводится очень краткая характеристика его фонетики. В конце страницы приведены две ссылки: на венгерскую научную статью, посвященную данному говору, и страницу культурно-просветительской организации «Банхидский словацкий дом».

Другая группа страниц представляет собой переходный тип между глобальным и локальным: сюда относятся словари, описывающие идиом относительно обособленной этнической группы, а также словари, находящиеся на порталах отдельных общественных либо коммерческих организаций. Так, «Большой шарышско-словацкий словарь» размещен на отдельной странице www.stofanak.sk и представляет собой масштабный любительский проект. Еще один шарышский словарь выложен на сайте www.chalupanadoline.sk туристической фирмы, занимающейся экскурсиями по Восточной Словакии. Как пишут в преамбуле составители, словарь должен способствовать более успешной коммуникации туристов с жителями региона, т.е. конкретный словарь ориентирован на «внешнего» словацкого пользователя. Пользователям из других регионов адресует свой словарь сайт www.slanskevrchy.sk, где словарь идет третьей подрубрикой в рубрике «Постройки, люди» – ср. предшествующие подрубрики «По местным долинам», «История», затем «Словарь земплинского наречия». Речь здесь идет не о конкретной административной единице, но о горной цепи, объединяющей сразу несколько населенных пунктов. На страницах, посвященных жизни тех или иных этнических групп, диалектный словарь входит в рубрику «Народная культура», так оформлены, в частности, словари на портале словацких русинов и на странице, посвященной Восточной Словакии. Существенную роль в презентации региона здесь также играют визуальный и аудиоряды.

Региональные страницы, на которых размещены диалектные словари, чаще всего представляют собой официальные порталы того или иного населенного пункта, словари здесь входят в историко-

культурный информационный блок как его составная часть, ср. страницы сел Станкованы, Мала Ида, Терхова, Малинец, Спишке Теплице. Среди них выделяются те, что помещают словарь под рубрикой, ориентированной на местных пользователей, и те, что адресуют свой словарь посетителям «извне». Так, с. Станкованы попадает в первую категорию – словарь находится в рубрике «Для жителей» – ср. там же предшествующая подрубрика «Кладбище онлайн». На сайте с. Спишке Теплице ссылка на локальный словарь расположена в самом конце после разделов «Фотогалерея», «Традиции» и «Интересные факты», при этом страница, на которой словарь размещен, – это не портал самого села, а отдельный сайт объединения местных краеведов «Мы живем в Теплице». Словарь с. Терхова также выложен на отдельной странице под названием «Пантеон славы села», которую поддерживают местные энтузиасты-краеведы. Ссылка на эту страницу расположена на связанной странице с. Терхова, однако на сайте самого села словарь не представлен. Словарь с. Мала Ида стоит под рубрикой «Интересное», куда входят два подраздела: «Интересное об уроженцах села» и «Словарь», под рубрикой «Интересное» размещен также словарь с. Удол. Наконец, словарь с. Малинец также относится к рубрике «Разное», при этом он представлен в виде PDF-файла, в преамбуле указано, что деньги на издание словаря в данный момент отсутствуют. Сходная ситуация наблюдается со словарями сел Муранска Длга Лука и Горна Марикова.

В) К собственно авторским характеристикам относятся анонимность словаря либо наличие у него фиксированного автора, в случае наличия информации об авторе характер и объем этой информации. Кроме того, к авторским параметрам словаря принадлежит, на наш взгляд, само название словаря, поскольку оно отражает представление непрофессионального автора об объекте своего исследования.

В большинстве случаев авторы сетевых словарей являются анонимными, однако у более развернутых словарей может быть указан конкретный автор. Релевантными здесь являются происхождение и место проживания автора, но не его образование, также могут быть обозначены члены семьи составителя, помогавшие ему в работе над словарем. Так, конкретный автор есть у горальского словаря: это «Карол Гочал, постоянно проживающий в Израиле, родом из села Оравске Веселе». Автором шарышского словаря обозначен некто по имени Станислав, иные сведения о нем отсутствуют. В словаре

с. Удол те, кто ведет страницу, выражают свою благодарность составителям словаря «Штефану Мурцеку и его жене из Кошиц». Наконец, авторами словаря с. Терхова являются «Ян Лауренчик и его семья – Катка, Яна и Анна-Мария».

Вместе с тем в нашей выборке представлен один сетевой диалектный словарь, размещенный непосредственно на личной странице его составителя. Речь идет о блоге жителя Восточной Словакии по имени Ян Томаш, словарь под названием «Земплинский словарь наречия, на котором говорят в окрестностях Сечовце, Даргова, Бачкова...» здесь занимает отдельную рубрику наряду с текстами мемуарного содержания.

Отдельную проблему представляет разграничение словарей и разговорников: в сетевой лексикографической практике эти понятия часто смешиваются. Частыми являются общие номинации типа «Наш словарь», ср. также уже упомянутый «бабушкин словарь» с сайта *birdz.sk*. В данном случае наименование «словарь» также условно. Нередко в заглавие словарей добавляются определения «любительский» или «неполный», как в случае со словарями сел Горна Марикова и Муранска Длга Лука.

С) Из собственно лексикографических характеристик сетевых диалектных словарей нас будут интересовать их принцип устройства и общий объем. По объему словари делятся на три группы: 1) порядка 50 слов; 2) порядка 150–200 слов; 3) около 500–600 слов.

В качестве примера словаря небольшого размера приведем здесь фрагмент словаря с. Терхова, который авторы исходно обозначают как «малый словарь». Он представляет собой список слов, где диалектным лексемам ставятся в соответствие литературные.

babicuľa – pôrodná asistentka
blikšjej, daljej – bližšie, ďalej
céra – dcéra
čosika, kdesika – čosi, kdesi
čut' o tem – počuť, vedieť o tom
déžd' – dážď
diveli, plateli – divili, platili
drábvof, mužvof – drábov, mužov
dvojit' – vykať
d'e – kde

ešče – ešte

ež – až

Не так много слов включает в себя и интерактивный «бабушкин словарь», сама дискуссия оказалась сравнительно непродолжительной. Небольшой объем и сходный принцип устройства также имеет пародийный двухчастный «англо-восточнословацкий словарь» с сайта www.vychodnare.webnode.sk, где текст фактически представляет собой не словарь, но пародию на двуязычный разговорник. Отметим, что указанный словарь уже перешел в область сетевого фольклора: на различных страницах он размещен в разных вариантах, заменяются некоторые реалии, добавляются новые выражения (ср. его в модифицированном виде под названием «английско-шаришский словарь» на портале slovodne.cz). Пародийный эффект здесь основан на неполной эквивалентности фраз из правого столбца фразам из левого, диалектные фразы, как правило, отличаются от английских большей экспрессивностью и наличием пейоративной лексики. Ср. пример:

- CAN WE HAVE A BEER, PLEASE – Ta šturime po pifku, ňe?
- WHERE ARE THE TOILETS, PLEASE – Idzem srac!
- I LIKE POTATOES – Žerem grul'e.
- OH, HE IS SO HANDSOME! – Ta bars šummy toten chlop!

Похожим образом устроен словарь на туристическом сайте www.chalupanadoline.sk, который также носит пародийный характер и представляет собой нечто среднее между словарем и разговорником. В первой его части лексемы собраны в тематические группы, каждой лексеме при этом дается «неформальное» толкование, во второй части словаря без перевода на литературный язык приводятся типовые фразы – формулы общения, по мнению составителя словаря, наиболее актуальные для коммуникации в регионе.

Džvirata / Zvieratá + "odborný" výklad:

- suka – žena od psa
- pes – stráži dom
- mačka – žena od kocúra
- kocur – chýba hlodavce na poli a na dvore
- kura – znáša vajcia na fajnú praženičku
- kohut – dozerá na to, aby kura znášala tie vajcia

- kurčatka – **ked nie je praženička, kura sa zmeni na kvoku a vynosi malé kurky = kuriatká**
- brabeňak – **malé čierne, alebo červené šesťnohové stvorenia, čo štípu a je ich všade veľa – mravce**

Kolo chiži / Okolo domu:

- postav vodu na šparhet – **daj vodu na pec**
- harence najdzeš na žemi pri dzveroch na hokerľiku – **hrniec nájdeš na podlahe pri dverách na stolčeku**
- naškrobaj gruľe – **oškrabaj zemiaky**
- zos bortvišom pozmivaj žem – **s metlou poumývaj podlahu**
- neznaš jak, ta štur sebe ruki do rici a še kukaj jak to budzem robic ja, ne !? – **nevieš ako, tak si vopchaj ruky do zadku a pozeraj sa ako to budem robim ja, určite !**
- ic poumivac grati – **umy riad**
- co budzeme neška varic ? – **co budeme dnes varit' ?**
- jesc – ta to taki glupi zvik, každi dzeň – **jest', to je taky hlupy zvyk, každý deň**
- doňeš paru košalky drefka ku pecu a zlož ohňa – **nanos niekoľko opáliek dreva k peci a urob oheň**

Всего данный словарь насчитывает порядка 50 слов и 30 выражений.

Средний относительно других сетевых диалектных словарей объем (порядка 200–300 слов) выдерживается у трех словарей, которыми мы располагаем, это словарь из Википедии, словарь с. Станкованы и словарь с. Спишке Теплице. Все они представляют собой списки слов, без приведения толкований. В словаре с. Спишке Теплице слова собраны по тематическим группам, внутри которых уже выстроены в алфавитном порядке.

Odevy

- Ciganky – **čierne súkenné kapce**
- cutle – **škaredé šaty, alebo šaty ktoré vyšli z módy**
- fartuch – **kuchynská zástera**
- fusekle – **hrubé ponožky**
- graty – **oblečenie, odev**
- gace – **nohavice**
- hazuntragle – **traky na nohavice**

Наибольший в выборке объем имеют, в частности, такие сетевые лексикографические труды, как «Диалектный и сленговый словарь» со словарного портала, а также словари сел Сланске Врхи и Мала Ида – все они насчитывают порядка 600 слов. Диалектные интернет-словари большого объема, за исключением словаря с. Мала Ида, отходят от схемы «диалектное слово / литературный эквивалент». Так, в «Диалектном и сленговом словаре» после литературного эквивалента в скобках приводится регион, в котором встречается данное слово. В словаре с. Сланске Врхи предпринимается попытка экспликации значения слов, ср.:

baňura	miesto s hlbšou vodou v potoku	Lapaľi me ribi u baňure u jarku
baraňa	trsnatec klobúčkatý, huba hlava	Našol mi tri baraňe hlavi
bars	veľmi	Tota chustočka bars šumna
baršoň	zamat	Bľusku mam z činskoho baršoňu
baržej	o trochu viac	Ty baržej nechceš jak chceš

Впрочем, иногда слово остается без толкования, авторы в качестве иллюстрации, минуя толкование, приводят устойчивое сочетание с конкретным словом и (или) пример употребления слова в составе фразы.

В целом в словацком фрагменте Интернета наблюдается устойчивая тенденция к размещению диалектных словарей на страницах отдельных населенных пунктов, наряду с меморативной установкой составителей достаточно ярко прослеживается тенденция к презентации своего региона как обладающего определенной культурно-языковой спецификой. При этом в большинстве случаев сохраняется анонимное авторство. Наряду с автором в функционировании диалектного словаря большую роль играют лица, поддерживающие соответствующий сетевой ресурс.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении лексем, представленных в сетевых словарях, и реальной речевой практики составителя. За рамками этой статьи остается вопрос о дифференциальном / интегральном характере словарей (по нашим данным, в Сети одинаково распространены оба типа), об интерактивных свойствах сетевых диалектных словарей и об их влиянии на метадиалектные

рефлексии пользователей. Все это и многое другое составляет общую перспективу исследований в данной области.

Литература

1. Ващенко Д.Ю. Диалектные интернет-словари как феномен проявления локальной идентичности // Die Welt der Slaven, Sammebande. B. 60. Beiträge zum 19. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav), 14–16 september 2015, Warschau – Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. 2016. – P. 284–292.
2. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика, русский язык: межличностное общение. М.: 1989.ru, 2006. – 192 с.
3. Бондаренко Е.Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 371 с.
4. Беловодская А. Сетевая пародия как лингвокогнитивный феномен (в контексте современного анонимного сетевого творчества): дис. ... д-ра филол. наук. – Вильнюс, 2012. – 290 с.
5. Казакова Е.Д. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект // Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык: Тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г. – СПб., 2012. – С. 26–28.

Источники

- http://sk.wikipedia.org/wiki/B%C3%A1nhidsk%C3%A9_n%C3%A1re%C4%8Die#N.C3.A1re.C4.8Dov.C3.BD_slovn.C3.ADk
<http://www.goralske-narecie.estranky.sk/clanky/ukazka-slovnika.html>
<http://www.holosy.sk/node/939>
<http://www.stofanak.sk/slovník/>
<http://www.birdz.sk/forum/slovník-starej-mamy/132289-tema.html>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-1/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-2/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník-2/>
<http://www.slovodne.cz/slovodne/anglicko-spisky-slovník/>
<http://www.chalupanadoline.sk/index.php/slovník-na-preitie/slovník-aritiny>
<http://www.mojoslovník.sk/narecovy-slangovy-slovník/A>
<http://www.vranov.sk/Kultura/Folklor-a-ludove-tradicie/Zemplinske-ludove-narecie>
<http://www.stankovany.sk/slovník/?st=wd&fr=60>
<http://www.slanskevrchy.sk/Zempl/Tlumac.html>
<http://www.zijemevteplici.sk/index.php/mnu-narecie>
<http://www.malaida.sk/-ida-narecie>
<http://slavni.terchova-info.sk/historia/terchovske-narecie/>
<http://www.udol.sk/zaujímavosti/narecovy-slovník/>
http://www.muranskadhalka.sk/dokumenty/laicky_slovníkkomplet_v_2.0.pdf
<http://www.obechornamarikova.sk/clanky/aktuality-a-spravy/marikovske-narecie---slovník-vyrazov--neuplny-.html>
http://radava.sk/?page_id=102
<http://www.jantomas.estranky.sk/clanky/zemplinsko.html>

NON-PROFESSIONAL DIALECT DICTIONARIES: SPECIFICS OF THEIR INTERNET-FUNCTIONING

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 5–17.

DOI: 10.17223/22274200/10/1

Daria Yu. Vashchenko, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: daranis@mail.ru

Keywords: dialect, lexicography, Internet-linguistics, non-professional linguistics, authorship.

The article is devoted to dabbler dialect dictionaries available on the Slovak Internet. It shows how the specifics of the global network affect the functioning of dabbler dictionary, given the fact that the Internet blurs the boundaries between the author and the collective, the professional and the amateur. Compared to offline, online dictionaries make part of a broader, semiotic and communicative context. The Internet-specific characteristics of online dictionaries are the ways of access to them: placement and categorization, which refer to the dictionary for a specific portal. Global portals most often place dictionaries which include all the words that users feel as locally marked. Another group of pages is a transitional type between the global and the local: dictionaries which describe idioms of relatively isolated ethnic groups, as well as being portals of public or commercial organizations. Regional webpages which contain dialect dictionaries often represent official portals of the settlement, dictionaries here are placed in the historical and cultural information block. Authors' features include the anonymity of the dictionary or the presence of a fixed author, in case of the existence of information about the author, the character and scope of this information. In most cases, authors are anonymous, but authors of more extensive dictionaries may be specified. Relevant are the origin and place of residence of authors, but not their education, family members of authors who assisted them in their work can also be given. A separate issue is the distinction between dictionaries and phrasebooks: in practice these concepts are often mixed. From the actual dictionary characteristics relevant are their principle of construction and the total volume. By volume, they are divided into three groups: 1) about 50 words; 2) about 150 to 200 words; 3) about 500–600 words. Dictionaries of larger volume attempt to explicate the meanings of the words.

In the Slovak fragment of the Internet, along with the memorative orientation, compilers show the trend to present their region as having certain cultural and linguistic specifics. In addition to the author, an important role in the functioning of a dialectal dictionary belongs to the support of the appropriate network resource. The questions of the relationship between the lexemes presented in online dictionaries and actual speech practices of the originator remain debatable. Outside the article is the question of the differential / integral nature of dictionaries and their interactive properties.

References

1. Vashchenko, D.Yu. (2016) [Dialectal online dictionaries as a manifestation of the phenomenon of local identity]. *Die Welt der Slaven, Sammebande* [The world of Slavs, anthologies]. B. 60. Contributions to the 19th European Meeting of European Slavic Linguistics. Polyslav). 14-16 September 2015. Warsaw: Harrassowitz Verlag, Wiesbaden. pp. 284–292. (In Russian).
2. Sidorova, M.Yu. (2006) *Internet-lingvistika, russkiy yazyk: mezhlichnostnoe obshchenie* [Internet linguistics, Russian language: interpersonal communication]. Moscow: 1989.ru.

3. Bondarenko, E.D. (2015) *Naivnaya lingvistika dialektonositeley: etnosotsio-lingvisticheskiy aspekt* [Naive linguistics of dialect speakers: the ethnosocio-linguistic aspect]. Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.
4. Belovodskaya, A. (2012) *Setevaya parodiya kak lingvokognitivnyy fenomen (v kontekste sovremennogo anonimnogo setevogo tvorchestva)* [Network parody as a linguocognitive phenomenon (in the context of contemporary anonymous network art)]. Dr. Diss. Vilnius.
5. Kazakova, E.D. (2012) [The author's dictionary of a dialect speaker: the pragmatic aspect]. *Narodnaya lingvistika: vzglyad nositeley yazyka na yazyk* [Folk Linguistics: the native speakers' look at the language]. Abstracts of the international conference. St. Petersburg. 19–21 November 2012. St. Petersburg. pp. 26–28. (In Russian).

Sources

http://sk.wikipedia.org/wiki/B%C3%A1nhidsk%C3%A9_n%C3%A1re%C4%8Die#N.C3.A1re.C4.8Dov.C3.BD_slovn.C3.ADk
<http://www.goralske-narecie.estranky.sk/clanky/ukazka-slovnika.html>
<http://www.holosy.sk/node/939>
<http://www.stofanak.sk/slovník/>
<http://www.birdz.sk/forum/slovník-starej-mamy/132289-tema.html>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-1/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-2/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník/>
<http://vychodnare.webnode.sk/news/anglicko-vychonarsky-slovník-2/>
<http://www.slovodne.cz/slovodne/anglicko-spissky-slovník/>
<http://www.chalupanadoline.sk/index.php/slovník-na-preitie/slovník-aritiny>
<http://www.mojslovník.sk/narecovy-slangovy-slovník/A>
<http://www.vranov.sk/Kultura/Folklor-a-ludove-tradicie/Zemplinske-ludove-narecie>
<http://www.stankovany.sk/slovník/?st=wd&fr=60>
<http://www.slanskevrchy.sk/Zempl/Tlumac.html>
<http://www.zijemevteplici.sk/index.php/mnu-narecie>
<http://www.malaida.sk/-ida-narecie>
<http://slavni.terchova-info.sk/historia/terchovske-narecie/>
<http://www.udol.sk/zaujímavosti/narecovy-slovník/>
http://www.muranskadlhaluka.sk/dokumenty/laicky_slovníkkomplet_v_2.0.pdf
<http://www.obechornamarikova.sk/clanky/aktuality-a-spravy/marikovske-narecie---slovník-vyrazov--neuplny-.html>
http://radava.sk/?page_id=102
<http://www.jantomas.estranky.sk/clanky/zemplinsko.html>

М.В. Грекова

ФИГУРАТИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЕЕ МЕСТО В СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКЕ¹

В статье рассматриваются различные словари образных слов и выражений русского языка, составляющие особое направление русистики, которое обозначено термином «фигуративная лексикография». Разнообразные по целям и структуре словари объединены общим объектом описания, в качестве которого выступают лексические, паремиологические и фразеологические единицы, иносказательно выражающие представления о называемых объектах и составляющие образный фонд русского языка. Выявляются принципы фигуративной лексикографии, которые до последнего времени не рефлексировались как определённая программа лексикографического исследования образного словарного фонда, но были реализованы в практике создания словарей, описывающих различные фрагменты лексической, паремиологической и фразеологической репрезентации образной системы.

Ключевые слова: фигуративная лексикография, лингвокультурологический словарь, образная лексика, фразеология, пищевая метафора.

Целью данной статьи является определение состава, объёма, границ, особенностей фигуративной лексикографии как особого направления русистики², посвященного созданию словарей, описывающих вторичные номинации с образным значением. Эта цель обусловлена необходимостью решения ряда задач прикладного характера, связанных с практической работой по созданию «Словаря русской пищевой метафоры» [1], первый том которого «Блюда и продукты питания» уже вышел в свет, второй том «Гастрономическая деятельность» подготовлен к печати; однако многие проблемы концептуальной организации материала и его семантизации требуют теоретического осмысления и научного освещения. При разработке концепции данного словаря потребовалось изучить и проанализировать сложившуюся традицию фигуративной лексикографии, выявить принципы и приёмы лексикографирования вторичных образных но-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 14-04-00207а – «Русская пищевая традиция в зеркале языковых образов: лингвокультурологическое и лексикографическое описание», 2014–2016 гг.

² Это направление может быть выделено в любой лексикографии. В данной статье анализируется, как фигуративная лексикография развивается в русистике.

минаций, обладающих ёмкой двуплановой семантикой, которая включает экспрессивно-оценочный и культурологический компоненты коннотаций. Поэтому **задачи**, конкретизирующие цель, носят в большей степени теоретический характер: 1) определение корпуса словарей, описывающих образные средства русского языка, анализ способов толкования семантики, особенностей построения микро- и макроструктуры, обусловленных целями лексикографирования; 2) выявление принципов фигуративной лексикографии, которые до последнего времени не рефлексировались как определённая программа лексикографического исследования образного словарного фонда, но при этом были реализованы в практике создания словарей, описывающих различные фрагменты лексической и фразеологической репрезентации образной системы; 3) освещение того, как данные принципы реализованы в «Словаре русской пищевой метафоры» [1], призванном системно отразить образный фонд русского языка, представляющий метафорическую и символическую концептуализацию мира в терминах пищевого кода культуры.

Образные средства языка как объект фигуративной лексикографии

Антропологическая парадигма современного языкознания предполагает изучение языка в его неразрывной связи с человеком и культурой (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия и др.), поскольку человек воспринимает мир опосредованно, через культуру и язык, а язык, в свою очередь, отражает взгляд человека на мир. В связи с этим современные словари ориентируются на выявление и описание фоновых знаний, закреплённых за языковыми единицами: разного рода ассоциаций, коннотаций (экспрессивных, образных, символических, культурологических), социокультурных стереотипов. В современных словарях представлено многоаспектное описание лексикографируемых единиц. Дается собственно лингвистическая информация, связанная с отражением семантики, стилистики, грамматики, функционирования толкуемых языковых единиц, а также информация культурологического, социологического, психологического характера [2. С. 180]. Следовательно, в задачу лексикографов входит разработка способов оптимальной подачи этой информации; моделирования такой макро- и микро-структуры словаря, которая позволила бы полно, точно и лаконично

описать языковой материал, а в ряде случаев – представить системность описываемого фрагмента лексико-семантической системы.

Плодотворно развивается в этом направлении лексикографическое описание образных единиц языка. За последние двадцать лет вышли в свет разнообразные словари, описывающие различные фрагменты образной системы языка и демонстрирующие новые подходы к лексикографической презентации языковой образности ([3–24] и др.). Именно этот фонд словарей мы, вслед за Е.А. Юриной, предлагаем обозначить термином «фигуративная лексикография», в котором определение «фигуративная» является синонимом термину «образная» и восходит к английским «figurativeness» ‘образность’ и «figurative language» ‘образный язык’. Фигуративная лексикография – это особое направление русистики, которое занимается составлением и изучением словарей, лексикографирующих образный строй русского языка. Данный термин также коррелирует с таким понятием, как «фигура речи» ‘иносказательное выражение, использующее слова в переносных значениях и несущее экспрессивный стилистический эффект’ [1. С. 3]. Объектом фигуративной лексикографии являются разнообразные по целям и структуре словари, объединённые образным характером единиц описания, обладающих метафорической внутренней формой, реализующих иносказательный, фигуральный способ представления мысли или идеи. К числу таких лексикографических трудов можно отнести фразеологические [3–11] и лингвокультурологические словари [1, 12–15], словари образных слов и выражений [16–19], пословиц и поговорок [20, 21], поэтических образов [22, 23], дискурсивных метафор [24].

Под языковой образностью, вслед за Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блиновой, Н.А. Илюхиной, М.А. Лукьяновой, Е.А. Юриной и др., понимается свойство лексических, фразеологических, текстовых единиц, проявляющееся в их способности обозначать явление, факт, ситуацию внеязыковой действительности опосредованно, иносказательно, через аналогию с другими фактами, явлениями, основанную на сходстве, смежности, ассоциативном сближении, метафорических и символических культурно обусловленных ассоциациях. Подобное свойство обнаруживается у лексических и фразеологических единиц языка, паремий, текстов тропеического характера, включающих сравнения, метафоры, метафорические эпитеты, олицетворения, которые обладают двуплановой семантикой, образной внутренней

формой¹. При этом носители языка осознают нетождественность исходного образного основания и результирующего понятийного содержания образного слова или выражения и наличие культурной коннотации [27. С. 5–8].

Лексикографическое описание образных средств языка традиционно осуществлялось по дифференциальному принципу, когда в одном словаре описывается определённый структурный тип образной единицы. Например, фразеологические словари ориентированы на описание идиом [3–11]; словари образных сравнений включают устойчивые компаративы [19]; словарь образной лексики русского языка описывает языковые метафоры и метафорические дериваты [16]; словари пословиц, поговорок, крылатых фраз – «паремиологический фонд» и «крылатику» [18, 20, 21].

Обширной областью фигуративной лексикографии является фразеология. Со второй половины XX в. до настоящего времени в трудах А.Н. Баранова, А.К. Бириха, Д.О. Добровольского, В.П. Жукова, М.Л. Ковшовой, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.И. Молоткова, Л.И. Степановой, В.Н. Телия, А.И. Федорова и др. активно исследуются семантические, грамматические, структурные свойства фразеологических единиц, их происхождение и функционирование в речи. Это способствовало созданию разнообразных фразеологических словарей.

В полном объёме фразеологизмы русского языка были собраны и подробно описаны во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [11]. Впервые автором были представлены разнообразные трансформированные употребления фразеологических единиц, ситуации их употребления в речи. Этот словарь долгое время считался основным типом толкового фразеологического словаря современного русского языка. В нём дано свыше 4000 словарных статей. В словаре преобладают устойчивые обороты идиоматического характера. По мнению авторов, фразеологический словарь не только фиксирует образные единицы, но и отражает национальные особенности языка, его самобытность.

За последние двадцать лет появилось более ста специальных фразеологических словарей разных жанров, составленных научными коллективами и представителями научных школ, разработаны от-

¹ Подробно см.: [26. С. 130–138; 2. С. 20–29].

дельные принципы лексикографирования образных фразеологических единиц. Московская фразеологическая школа под руководством В.Н. Телия разрабатывает глубокий семантический анализ фразеологизмов с учётом их образной мотивации и культурной коннотации на материале русского и других национальных языков [29]. Первым результатом этой работы стал «Словарь образных выражений русского языка» [17]. Макроструктура данного словаря моделируется по идеографическому принципу и состоит из 16 тематических групп, внутри которых образные выражения расположены в алфавитном порядке. «Большой фразеологический словарь русского языка» под ред. В.Н. Телия [4] не имеет аналогов в российской фразеологии. Толкования фразеологических единиц сопровождаются разъяснением их использования в речевых ситуациях, стилистическими пометами и контекстными иллюстрациями, демонстрирующими все жанры письменной речи. Показаны образно-смысловые гнезда фразеологизмов в одной, общей для них словарной статье. В данном словаре фразеологизмы представлены как знаки языка культуры и сопровождаются не только лингвистическим толкованием, но и культурологическим комментарием, который эксплицирует культурные смыслы, заложенные во фразеологических единицах.

А.Н. Барановым, Д.О. Добровольским создан «Фразеологический объяснительный словарь русского языка» [3]. Он включает около тысячи идиом современного русского языка и около двух тысяч значений. Толкование идиом раскрывает образную составляющую их семантики – метафору, лежащую в основе значения. Для многих идиом предусмотрены краткие эквиваленты, а также комментарии – информация о происхождении фразеологизмов, описание грамматических особенностей употребления, характерные черты прагматики [3].

В словаре А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» [7] были введены разнообразно трансформированные употребления фразеологических единиц, включены индивидуально-авторские употребления фразеологизмов. По мнению составителей словаря, это способствует фиксации реального речевого бытования фразеологизма, описанию его речевых потенций и особенностей его употребления в конкретном языке. В нём впервые представлена полная функционально-семантическая характеристика фразеологических единиц, которая включает подробное истолкование зна-

чений и различных их употреблений в современном русском литературном языке, выявление основных типов трансформаций и стилистических способов преобразования фразеологизмов в тексте. Фразеологические единицы представлены в словаре в разнообразных контекстах, репрезентирующих типовые ситуации их использования.

В пространство фигуративной лексикографии также включаются словари образных сравнений. Одним из первых в отечественной и зарубежной лексикографии словарей, описывающих около 1500 наиболее употребительных сравнений, является «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [19]. Материалом данного словаря стали общенародные (устойчивые) сравнения литературного употребления, являющиеся по происхождению фольклорными или книжными. Данный лексикографический труд составлен на основе специальной картотеки, в которую включено более 60 000 цитат из художественных произведений, мемуарных, эпистолярных и публицистических источников периода от А.С. Пушкина до наших дней. В словаре принят алфавитно-гнездовой принцип подачи материала.

Образная лексика долгое время не вычленялась как особый тип единиц лексикона, и её лексикографирование осуществлялось в рамках составления толковых словарей. Системный подход к лексикографированию языковой метафоры оформился в конце 80-х гг. прошлого века и был представлен в работе Г.Н. Скляревской «Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики» [30]. В этот период появляются первые словари образных слов, которые также относятся к продуктам фигуративной лексикографии. Впервые образная лексика и фразеология в их единстве были описаны на материале среднеобского диалекта в «Словаре образных слов и выражений сибирского говора» под редакцией О.И. Блиновой (первое издание – 1997 г., второе издание – 2001 г.) [17]. Составители данного словаря с опорой на уже имеющиеся достижения в области лексикографирования языковых метафор [31, 32] в толковом словаре разработали структуру словарной статьи с учётом специфики лексикографируемого материала: добавлены пометы культурологической характеристики образного языкового средства. Позднее О.И. Блиновой, Е.А. Юриной был издан «Словарь образных слов русского языка» [16]. Объектом лексикографирования в данном словаре являются

образные языковые метафоры и собственно образные слова – дериваты с метафорической внутренней формой.

Вместе с тем появляются словари, комплексно описывающие образный лексико-фразеологический и паремиологический фонд в его целостности, обусловленной семантической общностью образов, выраженных в языковых единицах разного структурного типа¹. Например, «Словарь образных слов и выражений народного говора» под ред. О.И. Блиновой [17] включает языковые метафоры, образные сравнения, идиомы, пословицы и поговорки, свойственные средне-обскому диалекту. В этом случае критерием отбора толкуемых в словаре единиц выступает само свойство образности языкового средства, а не его структурная разновидность. Дифференциация осуществляется на основании наличия / отсутствия образности. Словарь описывает различные образные единицы как лексико-фразеологическую подсистему диалекта.

Частью фигуративной лексикографии также является словарное описание образных средств поэтической речи. Система образов художественной речи была представлена в «Словаре поэтических образов» Н.В. Павлович [22], где описаны парадигмы поэтических образов, которые употребляются разными поэтами и писателями на протяжении трёх веков. Кроме того, поэтические образы зафиксированы в «Словаре языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.)» Н.Н. Ивановой [23], в котором лексикографическому описанию и семантической классификации подверглись следующие типы единиц языка поэзии: описательно-метафорические сочетания, перифрастические сочетания, словасимволы. Словарная статья состоит из двух частей: списочной и иллюстративной. Первая часть содержит перечень образных парадигм (характеризуется семантической связью опорных образных слов), внутри которой находятся образные ряды (лексико-фразеологические ряды), каждый из которых скреплён единым образным словом (опорное слово). Вторая, иллюстративная, часть сло-

¹ Словарное описание образной лексики (языковые метафоры и метафорические дериваты) впервые было представлено в словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1912), но не получило своего продолжения. В этом словаре наряду с фразеологизмами представлены образные слова, цитаты, пословицы, пословичные выражения, поговорки и изречения [25. С. 6–7].

варной статьи обеспечивает примерами образные парадигмы [23. С. 11, 15].

Кроме того, словарное описание образных средств языка может преследовать задачи концептуального лексикографического представления определённого фрагмента (или ряда фрагментов) образной системы языка, выраженного языковыми и речевыми средствами образного характера. Примером может служить «Словарь русской политической метафоры» А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова [24], в котором описываются метафорические номинации явлений политической сферы в публицистических текстах, распределённых в словаре по характеру общих и частных метафорических моделей. Отбор языкового материала в словарь обусловлен образным (метафорическим) характером номинаций представленной сферы внеязыковой действительности (сферы-мишени). В качестве источников для словаря составители использовали материалы съездов народных депутатов, политические дискуссии, отражённые в средствах массовой информации. «Словарь русских политических метафор» отличается построением макро- и микроструктур. Он разделён на две части: в первой представлен корпус метафорических контекстов, в которых политические реалии выступают сферой-мишенью для метафорических проекций, во второй – сферой-источником. Структура словарной статьи включает заглавное слово, называющее понятие, которое в политических текстах представлено метафорически. Вслед за заглавным словом приводится серия контекстов, демонстрирующих дискурсивную метафору. За поля словарной статьи вынесены номинации метафорических образов, через призму которых фигурально характеризуется толкуемое понятие. Таким образом, в словаре отсутствует принятая в традиционной лексикографии дефиниция, поскольку на первый план выходит демонстрация метафорических моделей.

Словарное описание единиц образной системы русского языка представляет языковое воплощение определённого культурного кода. Примером могут служить словари лингвокультурологического типа: «Русское культурное пространство» под ред. В.В. Красных [12]; Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» [13], «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря» под редакцией Л.Г. Бабенко

[14]; Скляревская Г.Н. «Словарь православной церковной культуры» [15] и др. В лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» [12] представлены метафоры, прецедентные тексты, идиомы, описывающие функционирование образов животных в их языковых текстовых репрезентациях. По мнению авторов данного словаря, любой культурный концепт имеет в языке зону образного выражения, которую фиксирует лингвокультурологический словарь, представляющий образную лексику, фразеологию, паремиологию, отражающую интерпретацию толкуемых концептов культуры. Данный словарь авторы определяют как словарь «фиксирующего типа», который описывает то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель русского национального лингвокультурного сообщества.

Следовательно, образные средства языка могут быть представлены в словарях в соответствии с такими дифференциальными признаками: 1. По структурному характеру образной языковой единицы. 2. По принципу комплексного описания образных средств языка, функционирующих в рамках языковой подсистемы (диалект, поэтический язык). 3. По принципу комплексного описания образной языковой репрезентации определённого фрагмента концептуальной системы: а) метафорического обозначения сферы-мишени; б) метафорического (образного) функционирования исходной сферы-донора.

Тенденции развития фигуративной лексикографии свидетельствуют о всё более детальной и глубокой проработке способов словарного изъяснения различных аспектов содержания толкуемых единиц. Современный словарь является не только собранием образных слов и/или выражений, он представляет собой продукт и отражение определенной научной концепции. Словари конца XX – начала XXI в., описывающие фрагменты образной системы языка, существенно отличаются от первых подобных лексикографических изданий. Во-первых, словарные статьи представляют результаты глубокого семантического анализа образных выражений с учётом их истории, этимологии, культурного фона и символического значения. Во-вторых, авторы опираются на огромные контекстные базы и обширные картотеки, созданные благодаря использованию машинного фонда и современных корпусных технологий. Это позволяет автоматизированно обрабатывать материал и проводить выборку необходимых единиц.

Таким образом, виртуальное пространство фигуративной лексикографии включает создание фразеологических словарей (собственно фразеографию), словарей образных слов и выражений, образных сравнений, перифраз, пословиц и поговорок, поэтическую и лингвокультурологическую лексикографию, описывающую образное воплощение концептов и культурных кодов в языке. Составителями словарей, описывающих поэтические (А.И. Васильев, А.Л. Голованевский, Н.В. Павлович и др.), дискурсивные (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов) и языковые метафоры (Г.Н. Складневская и др.), фразеологический состав языка (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, А.В. Жуков, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и др.), пословицы, поговорки и крылатые фразы (Л.П. Дядечко, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежкова и др.); прецедентные феномены, образы и символы (Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.), были выработаны отдельные принципы лексикографического описания образных лексических и фразеологических единиц, но не были теоретически осмыслены и системно представлены. Решению данной задачи посвящен следующий раздел этой статьи.

Принципы фигуративной лексикографии

1. Принцип словарной презентации вторичных образных значений. Исходя из данного принципа, составители словарей, во-первых, определяют границы объекта лексикографирования, в качестве которого выступают слова и выражения, обладающие вторичными образными значениями метафорического, символического, перифразического, иносказательного характера. В некоторых словарях учитывается тематика образного основания: в словаре Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой «Телесный код культуры» [13] объектом лексикографирования являются соматические фразеологизмы. В «Большом фразеологическом словаре русского языка» [4] толкуемые фразеологические единицы распределены в соответствии с семантикой выделенных авторами полей наивно-языковой картины мира, включающие в себя многообразие «кодов культуры». Для «Словаря устойчивых сравнений русского языка» [19] автор отобрал сравнения, имеющие антонимы и синонимы, и наиболее употребительные обороты, не входящие в синонимно-антонимические ряды. Во-вторых, данный принцип предполагает описание выбранного фрагмента образного строя русского языка в его целостности и системности. Авторы разрабатывают различные способы лексикографического пред-

ставления фрагмента образной системы на уровне макроструктуры (систематизация по тематическим рубрикам, семантическим сферам, ключевому слову фразеологизма и т.п.) и дополнительных компонентов в структуре словарной статьи (изъяснение мотивирующего основания, презентация речевой трансформации, лингвокультурологические комментарии и др.). Это позволяет представить все многообразие информации, необходимой для правильной интерпретации лингвистических и экстралингвистических особенностей образной лексики и фразеологии. Например, в «Словаре образных слов и выражений сибирского говора» [17] образная лексика и фразеология представлены в их семантическом единстве. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [21] включает пословицы, поговорки, молвушки, присловия, приговорки, присказки, загадки, приметы, дразнилки и считалки.

2. Экспликация мотивирующего компонента образной единицы. Образное основание формирует важнейшую часть семантики, поэтому его разъяснение необходимо, с одной стороны, для толкования значения лексикографируемой единицы (О.И. Блинова, М.Л. Ковшова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, Е.А. Юрина и др.), раскрытия глубинной семантики и характера образной аналогии, выявления метафорических моделей, выводимых из семантики образных единиц. С другой стороны, раскрытие внутренней формы образных слов и выражений объясняет особенности употребления образных единиц, их сочетаемость. В «Словаре образных слов русского языка» [16] представлено изъяснение мотивирующего основания образной номинации. Во «Фразеологическом объяснительном словаре русского языка» [3] поясняется образный компонент в той степени, в которой влияет на актуальное значение и позволяет реконструировать сам образ. Данный принцип реализован в современных словарях, являющихся ядром фигуративной лексикографии.

3. Разъяснение закреплённых за образными словами и выражениями экспрессивных и эмотивных коннотаций. Реализация данного принципа позволяет показать основные функционально-стилистические и семантические различия и особенности, характерные для образных единиц. Традиционно в словарях используются эмоционально-оценочные и экспрессивные пометы, например: бран. – бранное, ирон. – ироническое, ласк. – ласкательное (А.Н. Ба-

ранов, Д.О. Добровольский, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко) и др. Но для более полного и разноаспектного анализа семантики образных слов и выражений авторы «Большого фразеологического словаря русского языка» [4] отказались от помет и выделили эмоционально-оценочное отношение говорящего в отдельную подзону словарной статьи: в зонах толкований и иллюстраций обозначены грамматические и стилистические запреты на высказывания о третьем лице, о собеседнике или о самом говорящем.

4. Раскрытие культурного содержания. За образными словами и выражениями закрепляются культурный фон и культурная коннотация, которые способствуют погружению в пространство культуры: при употреблении образных слов и выражений носителем языка осознается не только образ, лежащий в основе таких единиц языка, но и культурная информация, ассоциативно связанная с образом. Прояснение культурно-символического содержания (обрядовый, ритуальный, мифологический, сакральный смыслы; общекультурные сведения) дает возможность для более глубокого семантического анализа. На практике этот принцип реализуется в форме лингвокультурологического комментария или культурно-исторической справки (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия и др.). Целью историко-этимологического комментария в словаре «Фразеологизмы в русской речи» [7] стало выявление исходной мотивировки фразеологизма как источника всех зафиксированных позднейших трансформаций. Фразеологизмы в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [4] рассматриваются авторами как знаки языка культуры, поэтому в словарную статью введен лингвокультурологический комментарий, раскрывающий взаимодействие языка и культуры. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [21] содержит исторические и лингвострановедческие комментарии, этимологические справки для разъяснения непонятных слов, историзмов и диалектизмов. Практически все словари, интерпретирующие в лексикографической форме образный лексический и фразеологический фонд, являются лингвокультурологическими либо по цели толкования, либо по возможности использования их в качестве источника лингвокультурологических исследований.

5. Принцип ориентации на функционирование образных средств языка в речи, учёт речевого узуса. Иллюстративный материал позво-

ляет более полно толковать образные единицы, выявлять разнообразные смысловые оттенки, возможные трансформации и выделять ситуации употребления. В словаре «Фразеологизмы в русской речи» [7] представлены разнообразные трансформированные употребления фразеологических единиц, включены индивидуально-авторские употребления фразеологизмов. Иллюстративный материал в «Словаре устойчивых сравнений русского языка» [19] отражает варианты, факультативные и подвижные компоненты и диапазон объектов речевого приложения сравнений.

6. Концептуальная организация макроструктуры словаря. Образная лексика и фразеология диктуют необходимость особого расположения материала, отражающего структурно-семантические связи единиц и единство метафорического образа. Например, в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [4] фразеологизмы сгруппированы в образно-смысловые гнезда, внутри которых образные выражения расположены в алфавитном порядке, это объясняется тем, что фразеологизмы вне словарной презентации образуют семантические гнезда. «Словарь поэтических образов» [22] состоит из 23 больших тематических разделов, каждый из которых включает более мелкие рубрики. В «Словаре устойчивых сравнений русского языка» [19] принят алфавитно-гнездовой принцип подачи материала. Гнездо включает образные сравнения, объединенные общим субъектом сравнения, а уже гнезда располагаются в алфавитном порядке. «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» [21] состоит из 47 глав, организованных по тематическому принципу. Сам материал представлен как рассказ-объяснение, как диалог с читателем, комментарии к которому дает автор.

Таким образом, представленные в обзоре словари различаются по типу объекта, целям и задачам, при этом прослеживается общая тенденция в принципах и подходах к лексикографированию образных средств языка, проявляющаяся, во-первых, в особой концепции макроструктуры словаря (отход от алфавитной подачи в направлении к различного типа смысловой рубрикации, отражающей структурно-семантические связи); во-вторых, в более подробной и полной семантизации толкуемых единиц с учётом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Лексикографическая презентация фрагмента общезыковой образной системы

В основе концептуального лексикографического описания образных средств языка, вербализующих базовые и частные метафорические модели, лежит положение о системности языковых образов, представленных в разных вариантах в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Наибольшей популярностью пользуется когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, получившая признание, критическое осмысление и развитие в работах Р. Гиббса, Ж. Фоконье и М. Тёрнера, В. Эванса, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, В.Н. Телия, А.П. Чудинова и др. В рамках когнитивного подхода метафора понимается как смысловая модель, по которой осуществляется мышление по аналогии, т.е. одна концептуальная область описывается языковыми единицами другой концептуальной области [2. С. 18]. В семасиологическом и лингвостилистическом ключе идеи системной организации образно-символического лингвоконцептуального кода представлены в теории лексико-фразеологической образности (Н.Ф. Алефиренко, О.И. Блинова, Н.А. Илюхина, С.М. Мезенин, Г.Н. Скляревская, Е.А. Юрина и др.). Согласно этой теории образность определяется как языковая функционально-семантическая категория, имеющая семантическую основу (двуплановость значения) и средства её выражения (метафорическая внутренняя форма слова). По определению Е.А. Юриной, образный строй языка понимается как «закреплённая в узусе национально и культурно обусловленная система образов, метафорически реализованная в семантике лексических и фразеологических единиц языка и формирующая языковую картину мира его носителей» [2. С. 19]. Образный строй языка, с одной стороны, – это системное лингвистическое явление, имеющее семантический уровень и знаковую форму выражения. С другой – когнитивные структуры, входящие в систему представлений языковой личности, на которых базируются языковые способности к образному ассоциированию, реализуемые в речевой деятельности [Там же].

Объектом словарного описания в рамках фигуративной лексикографии может выступать тот или иной фрагмент образной системы русского языка. Идея составления «Словаря русской пищевой метафоры» [1] зародилась в контексте бурного развития фигуративной лексикографии в начале XXI в. и была подготовлена имеющимся в

томской лингвистической школе опытом создания словарей образных слов и выражений русского литературного языка [16] и народных говоров [17]. Структура данного словаря разработана с опорой на выделенные принципы фигуративной лексикографии, которые были отрефлексированы в процессе практической работы по его созданию. Концепция складывалась индуктивно: от практики составления словаря к последующему теоретическому обоснованию принципов и способов его создания.

«Словарь русской пищевой метафоры» является первым в отечественной лингвистике словарём, который представляет систему образных средств русского языка, отражающих метафорические проекции из сферы «Еда» в различные понятийные области. Объектом лексикографирования являются образные средства русского языка, называющие различные явления окружающего мира по аналогии с продуктами питания и блюдами русской национальной кухни. Данный фрагмент образной системы был избран в качестве объекта лексикографирования в силу высокой метафорической активности кулинарии как исходной сферы-донора, что проявилось в большом количестве лексико-фразеологических средств (3550 единиц), а также высокой частотности употреблений в разных типах дискурса (о чём свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка). Важной задачей составителей является отражение системности описываемого фрагмента образного строя языка с точки зрения сохранения единства исходных образов, иносказательно выражающих представления носителей русского языка о различных явлениях внеязыковой действительности.

Вербальными единицами представленного фрагмента образной системы языка являются образные слова и выражения, в числе которых языковые метафоры (ЯМ): *посудина* ‘о громоздком или неисправном водном или воздушном судне’; собственно образные слова (СО): *чашевидный* ‘о бутонах цветов, напоминающих по форме чашу’; двухкомпонентные образные номинации (ОН): *глазное яблоко* ‘анатомический термин, называющий глаз’; сравнения с компаративным элементом *как, словно, будто* (В сравн.): *как горох* ‘о мелких предметах, изображениях’; родительный сравнения (Род. сравн.): *цвета соли с перцем* ‘о тёмных волосах, перемешанных с седыми или осветленными прядями’; творительный сравнения (Твор. сравн.): *костью в горле* ‘досаждающим препятствием, неприятным явлением’;

фразеологические единицы (ФЕ): *дать / задать перцу* ‘отругать, отчитать кого-л. за серьёзный проступок, устроить скандал’; пословицы (Посл.): *на халяву и уксус сладкий* ‘то, что достается без усилий, бесплатно, принимается без претензий, не оценивается критически’; поговорки (Погов.): *остатки сладки* ‘даже последняя малая часть чего-л. имеет ценность’. Концептуальными единицами выбранного фрагмента образной системы языка являются типовые образные представления – частные метафорические модели, выводимые из семантики целого ряда образных единиц языка, для которых характерно единство исходного мотивирующего образа, денотата образной номинации и основания метафорической проекции.

«Словарь русской пищевой метафоры» состоит из трёх томов: «Блюда и продукты питания», «Гастрономическая деятельность», «Образ мира в зеркале пищевой метафоры». Первые два тома составлены по тематике исходной сферы-источника метафорических проекций и демонстрируют метафорическое функционирование гастрономических образов. Третий том построен по идеографическому принципу, демонстрирующему сферы-мишени метафорических проекций. Расположение материала в первом и втором томах данного словаря строится по тематическому, гнездовому и алфавитному (внутри гнезда) принципам, например: 1. Продукты растительного происхождения: 1.1. Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия. 1.2. Фрукты. 1.3. Овощи. 1.4. Ягоды. 1.5. Грибы. 1.6. Орехи. В каждом подразделе представлены лексико-фразеологические гнезда, вершиной которых выступает исходная гастрономическая номинация. Такая макроструктура словаря позволяет системно представить фрагмент образного строя русского языка, связанный с метафорическим, образным и символическим переосмыслением вещного мира, социальной и политической жизни, экономических процессов, эмоций.

Словарная презентация лексико-фразеологического гнезда включает: I. Толкование исходного значения мотивирующей единицы, например: *мука* ‘рассыпчатый продукт питания белого цвета, получаемый путём перемалывания зёрен различных культур, измельчённых до порошкообразного состояния; в основном применяется при приготовлении хлебобулочных изделий’. II. Толкование образных значений, представленных единицами лексико-фразеологического гнезда. Например: *мука (ЯМ)* ‘что-л. измельчен-

ное до порошкообразного состояния»; *как мука* (В сравн.) ‘о чем-л. рассыпчатым, порошкообразным, напоминающем по структуре муку’, ‘о чем-л. бледного, серовато-белого цвета’; *[всё] перемелется – мука будет* (Посл.) ‘тяжелые времена пройдут, и все будет хорошо. Говорится человеку, чтобы его успокоить’. III. Лингвокультурологический комментарий (подробнее см.: [33]). Первый том включает 168 лексико-фразеологических гнезд, объединяющих 1705 лексико-семантических вариантов образных слов и выражений, второй том – 104 гнезда, 1845 толкуемых единиц. IV. Толкование типовых образных представлений. Формулировки типовых образных представлений в «Словаре русской пищевой метафоры» репрезентируют модель и ценностно-понятийные основания уподобления определенно-го концепта из гастрономической сферы концептам из других понятийных сфер. Например, представления, связанные с метафорической проекцией образа муки, описаны в словаре следующим образом: 1. Серовато-белая мука выступает образным эталоном для характеристики предметов подобного цвета. 2. Образ муки, измельченной до порошкообразного состояния, проецируется на сыпучие или рыхлые вещества аналогичной структуры. 3. Процесс размалывания зерна в муку ассоциативно связывается с преодолением жизненных трудностей для получения положительных результатов [1. С. 57].

Таким образом, представленные в статье результаты анализа различных по типу и структуре словарей образных слов и выражений свидетельствуют, что фигуративная лексикография является актуальным направлением современной русистики. Это подтверждают количественный состав вышедших за последние двадцать лет словарей, описывающих образный фонд русской речи (более 30), их типологическое и содержательное разнообразие, концептуальный принцип организации, широкий охват лексикографируемого языкового и дискурсивного материала, глубина семантического и культурологического анализа, содержащегося в изъяснении семантики. В качестве основных тенденций фигуративной лексикографии можно выделить следующие: расширение фокуса толкования за счёт толкования образной составляющей; усложнение структуры словарной статьи путём введения новых рубрик, например функционально-семантической характеристики фразеологических единиц, лингвокультурологического комментария, указание метафорической моде-

ли, истолкование типового образного представления; добавление разнообразных комментариев и помет; интегративный характер описания, включающий помимо подробного толкования семантики сведения из области этимологии, истории языка, культуры и др.; комплексное лексикографирование различных образных средств языка, объединенных общностью исходной мотивирующей и/или предметно-понятийной семантики.

Литература

1. *Словарь русской пищевой метафоры*. – Т. 1: Блюда и продукты питания / под ред. Е.А. Юриной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – 428 с.
2. *Юрина Е.А.* Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. – Кокчетав: Келешек, 2013. – 238 с.
3. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка. – М.: Эксмо, 2009. – 704 с.
4. *Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий* / отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 784 с.
5. *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 448 с.
6. *Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв: в 2 т. / сост. А.И. Федоров*. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995.
7. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: слов. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
8. *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Современный фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс, 2009. – 443 с.
9. *Жуков А.В., Жукова М.Е.* Словарь современной русской фразеологии. – М.: АСТ-Пресс, 2015. – 416 с.
10. *Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г.* Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Эллис, 2008. – 472 с.
11. *Фразеологический словарь русского языка: св. 4 000 словарных статей* / под ред. А.И. Молоткова. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1978. – 543 с.
12. *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: – Вып. 1: (Зооморфные образы) / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных*. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
13. *Гудков Д.Б., Ковшова М.Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
14. *Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): проспект словаря* / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.
15. *Скляревская Г.Н.* Словарь православной церковной культуры. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 480 с.

16. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 364 с.
17. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – 312 с.
18. Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.; под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 368 с.
19. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 800 с.
20. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Рус. яз., 2000. – 544 с.
21. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 729 с.
22. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 848 с.
23. Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во «Русские словари»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 666 с.
24. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
25. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний. – СПб., 1912.
26. Юрина Е.А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в. – Томск, 2012. – С. 129–144.
27. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. – Томск, 2008. – №1. – С. 5–13.
28. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 153 с.
29. Ковшова М.Л. Вероника Николаевна Телия [Электронный ресурс] // Фразеологический семинар проф. В.М. Мокиенко. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2011. – URL: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/telia.htm> (дата обращения: 30.01.2016).
30. Склярёвская Г.Н. Языковая метафора в толковом словаре: Проблемы семантики. – М.: Препринт АН СССР. Ин-т рус. яз., 1988. – 58 с.
31. Шенделева (Юрина) Е.А. Образное слово в словаре (на материале русского литературного языка) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 106–116.
32. Блинова О.И. Образное слово в толковом словаре // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка: тез. докл. – Л., 1990. – С. 115–117.
33. Юрина Е.А., Грекова М.В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») // Язык и культура. – Томск, 2014. – № 4(28). – С. 126–144.

FIGURATIVE LEXICOGRAPHY AND ITS PLACE IN MODERN RUSSIAN PHILOLOGY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 18–40.

DOI: 10.17223/22274200/10/2

Marina V. Grekova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: marinagrekova@gmail.com

Keywords: figurative lexicography, cultural linguistic dictionary, figurative units, food metaphor.

The purpose of this article is to determine the composition, volume, borders, features of figurative lexicography as a special direction of Russian studies on the compiling of dictionaries that describe secondary nomination with figurative meanings. This aim is due to the necessity of solving a number of applied problems related to the practical work on the creation of *The Dictionary of Russian Food Metaphor*, the first volume of which, *Dishes and Foodstuff*, has already been published, the second volume, *Culinary Activities*, is being prepared for publishing. However, many of the problems of the conceptual organization of the material and its semantization require theoretical understanding and scholarly coverage.

Figurative lexicography is a special trend in Russian studies which is engaged in the preparation and study of dictionaries that fix the figurative fund of the Russian language. The object of figurative lexicography is dictionaries, diverse in purpose and structure, united by the figurative character of descriptions of units that have a metaphorical inner form and express the allegorical, figurative way to represent thoughts or ideas. These lexicographical works include phraseological and cultural linguistic dictionaries, dictionaries of figurative words and phrases, proverbs and sayings, poetic images, discursive metaphors. Authors of dictionaries that describe the poetic (A.I. Vasiliev, A.L. Golovanevskiy, N.V. Pavlovich etc.), discursive (A.N. Baranov, Yu.N. Karaulov) and language (G.N. Sklyarevskaya etc.) metaphors, the phraseological fund (A.N. Baranov, D.O. Dobrovolsky, A.V. Zhukov, A.M. Melerovich, V.M. Mokienko, V.N. Telia etc.), proverbs, sayings and catch phrases (L.P. Dyadechko, V.M. Mokienko, S.G. Shulezhkova etc.); precedent phenomena, images and symbols (D.B. Gudkov, V.V. Krasnych etc.) worked out some principles of lexicographical description of figurative lexical and phraseological units, but they have not been theoretically conceptualized and systematically presented.

The principles of figurative lexicography are: 1. The principle of dictionary presentation of secondary figurative meanings. 2. Explication of the motivating component of a figurative unit. 3. Explanation of expressive and emotive connotations assigned to figurative words and expressions. 4. Representation of the cultural content. 5. Orientation on the functioning of figurative units in speech. 6. Conceptual organization of the dictionary macrostructure.

The structure of the *Dictionary of Russian Food Metaphor* is based on the outlined principles of figurative lexicography which were reflected in the practical work on its creation. This dictionary is the first dictionary in the national linguistics to present a system of figurative units of the Russian language that reflect the metaphorical projection from the sphere “Food” in a variety of conceptual areas. The object of lexicographing is figurative units of the Russian language that name various phenomena of the world by analogy with food and dishes of Russian national cuisine.

References

1. Yurina, E.A. (ed.) (2015) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
2. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of language images]. Kokshetau: Keleshek.
3. Baranov, A.N. & Dobrovol'skiy, D.O. (2009) *Frazeologicheskiy ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Eksmo.
4. Teliya, V.N. (ed.) (2009) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskiy kommentariy* [Big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Culturological commentary]. 4th ed. Moscow: AST-PRESS.
5. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2009) *Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
6. Fedorov, A.I. (1995) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII – XX vv.: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late 18th–20th centuries: in 2 vols]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN.
7. Melerovich, A.M. & Mokienko, V.M. (1997) *Frazeologizmy v russkoy rechi. Slovar'* [Idioms in the Russian language. A dictionary]. Moscow: Russkie slovari.
8. Zhukov, A.V. & Zhukova, M.E. (2009) *Sovremennyy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Modern phraseology dictionary of Russian]. Moscow: AST-Press.
9. Zhukov, A.V. & Zhukova, M.E. (2015) *Slovar' sovremennoy russkoy frazeologii* [Dictionary of modern Russian phraseology]. Moscow: AST-Press.
10. Alefirenko, N.F. & Zolotikh, L.G. (2008) *Frazeologicheskiy slovar': Kul'turno-poznavatel'noe prostranstvo russkoy idiomatiki* [Phraseology dictionary: Cultural-cognitive space of Russian idioms]. Moscow: Elpis.
11. Molotkov, A.I. (ed.) (1978) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4 000 slovarnykh statey* [Phraseology dictionary of Russian language: Over 4000 entries]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
12. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskiy slovar'* [Russian cultural space: a linguoculturological dictionary]. Vol. 1. Moscow: Gnozis.
13. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul'tury: materialy k slovaryu* [The body code of Russian culture: materials for a dictionary]. Moscow: Gnozis.
14. Babenko, L.G. (ed.) (2010) *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii): prospekt slovary* [The concept sphere of the Russian language: key concepts and their representation (based on the vocabulary, phraseology and paremiology): prospect of a dictionary]. Ekaterinburg: Ural State University.
15. Sklyarevskaya, G.N. (2008) *Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury* [Dictionary of the Orthodox church culture]. Moscow: AST: Astrel'.
16. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2007) *Slovar' obraznykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of figurative words of the Russian language]. Tomsk: UFO-Plus.

17. Blinova, O.I. (ed.) (2001) *Slovar' obraznykh slov i vyrazheniy narodnogo govora* [Dictionary of figurative words and expressions of a folk dialect]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Teliya, V.N. (ed.) (1995) *Slovar' obraznykh vyrazheniy russkogo yazyka* [Dictionary of figurative words of the Russian language]. Moscow: Otechestvo.
19. Ogol'tsev, V.M. (2001) *Slovar' ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskii)* [Dictionary of set comparisons of the Russian language (synonyms & antonyms)]. Moscow: Russkie slovari: Astrel': AST.
20. Zhukov, V.P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian proverbs and sayings]. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Zimin, V.I. (2008) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazheniy* [The dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow: AST-Press.
22. Pavlovich, N.V. (1999) *Slovar' poeticheskikh obrazov. V 2-kh t.* [Dictionary of poetic images. In 2 vols]. Moscow: Editorial URSS.
23. Ivanova, N.N. & Ivanova, O.E. (2004) *Slovar' yazyka poezii (obraznyy arsenal russkoy liriki kontsa XVIII – nachala XX v.): Bolee 4500 obraznykh slov i vyrazheniy* [Dictionary of poetry language (the figurative arsenal of Russian lyrics of the late 18th – early 20th centuries): More than 4,500 figurative words and phrases]. Moscow: AST: Astrel': Russkie slovari: Tranzitkniga.
24. Baranov, A.N. & Karaulov, Yu.N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskiy i partnery.
25. Mikhel'son, M.I. (1912) *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazyaniy* [Russian thought and speech. Own and alien. Experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables]. St. Petersburg.
26. Yurina, E.A. (2012) Motivologicheskie osnovy teorii leksicheskoy obraznosti [Motivological bases of the theory of lexical imagery]. *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.* [Topical issues of linguistics in the 21st century]. Proceedings of a conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 129–144. (In Russian).
27. Blinova, O.I. & Yurina, E.A. (2008) Obraznaya leksika russkogo yazyka [The figurative vocabulary of the Russian language]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1. pp. 5–13.
28. Yurina, E.A. (2005) *Obraznyy stroy yazyka* [The imagery of the language]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Kovshova, M.L. (2011) *Veronika Nikolaevna Teliya*. [Online] Available from: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/telia.htm>. (Accessed: 30th January 2016).
30. Sklyarevskaya, G.N. (1988) *Yazykovaya metafora v tolkovom slovare: Problemy semantiki* [Language metaphor in thesauruses: Problems in semantics]. Moscow: Preprint AN SSSR. In-t rus. yaz.
31. Shendeleva (Yurina), E.A. (1998) [Figurative word in the dictionary (on the material of the Russian literary language)]. *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii* [Problems of lexicography, motivology, word formation]. Proceedings of the conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 106-116. (In Russian).
32. Blinova, O.I. (1990) [Figurative word in an explanatory dictionary]. *Aktual'nye problemy razrabotki novogo akademicheskogo slovarya russkogo yazyka* [Topical issues of

the development of a new academic dictionary of the Russian language]. Proceedings of the conference. Leningrad. pp. 115–117. (In Russian).

33. Yurina, E.A. & Grekova, M.V. (2014) Culturological commentary in “Russian dictionary of culinary metaphors” (based on the thematic group “dairy products”). *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(28). pp. 126–144. (In Russian).

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 81'374

DOI: 10.17223/22274200/10/3

М.А. Бобунова

КОНКОРДАНС XXI В.: НОВАЯ СТАРАЯ ФОРМА

В статье рассматривается традиционная лексикографическая форма конкорданса, которая в настоящее время претерпевает изменения. С опорой на современные авторские словари отмечаются характерные черты конкорданса нового поколения. Анализируется структура конкордансов необрядовой лирической песни, создаваемых курскими лингвофольклористами.

Ключевые слова: словарь, конкорданс, словарная статья, язык фольклора, фольклорная лексикография.

Одной из известных лексикографических форм является конкорданс – «алфавитный перечень всех слов какого-либо текста с указанием контекстов их употребления» [1. С. 449]. Наиболее часто данная форма используется в авторской лексикографии, которая «понимается как теория и практика составления словарей языка отдельных авторов (писателей, ученых, философов и т.п.) и групп авторов» [2. С. 5]. В прошедшие столетия указанный тип справочника особое развитие получил за рубежом, о чем свидетельствует большое количество имеющихся конкордансов (об этом см.: [3. С. 26–67]), причем не только к творчеству иноязычных авторов, но и русских: Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, А.А. Ахматовой и др.

Несмотря на то что первые писательские словари, созданные в России (к стихотворениям Г.Р. Державина, сочинениям и переводам Д.И. Фонвизина), тоже имели вид конкорданса, указанная форма до конца XX в. не была должным образом оценена. Вероятно, это можно объяснить несколькими причинами. По мнению ряда лингвистов, конкорданс, создаваемый с помощью электронно-вычислительной техники по специальным программам, не содержал «никаких элементов собственно лингвистической обработки материала» [4. С. 309] и этот факт «лингвистического невмешательства» снижал роль конкорданса в изучении авторского

идиолекта. Кроме того, «советские ученые рассматривали толковый писательский словарь как единственно эффективную лексикографическую форму для анализа индивидуально-авторских приращений смысла, особенностей эстетического значения слова» [3. С. 24].

Однако на рубеже XX–XXI вв. ситуация изменилась. Этому способствовало прежде всего развитие новых информационных технологий, позволяющих создавать усовершенствованные программы для обработки текстов и обеспечивать доступ к этим программам всем заинтересованным лицам. Изменилось и отношение к конкордансу, который имеет богатый исследовательский потенциал. Например, в монографии Л.Л. Шестаковой «Русская авторская лексикография: Теория, история, современность», опубликованной в 2011 г., данному жанру авторского словаря, который, по мнению автора, заслуживает «специального комментария» [5. С. 61], уделяется особое внимание. Такой интерес к конкордансу не мог остаться незамеченным. В рецензии на книгу Л.Л. Шестаковой О.М. Карпова пишет: «В этой связи хотелось бы порадоваться за отечественных лексикографов, которые, наконец, признали конкордансы как самостоятельную и эффективную форму ПС <писательского словаря>. Очевидно, наконец, приняв и изучив тот многовековой опыт, который сложился в западноевропейской лексикографии, наши соотечественники стали особенно эффективно использовать лексикографическую форму конкорданса для русских писателей» [6. С. 20].

На данный момент русская лексикография пополнилась большим числом бумажных и электронных конкордансов к отдельным произведениям того или иного автора, к циклу произведений или всему творчеству, например: «Конкорданс и частотный словарь повести И.С. Шмелева “Лето Господне”» [7], «Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина» [8], «Конкорданс к стихам Осипа Манделштама» [9], «Словарь-конкорданс публицистики Ф.М. Достоевского» [10], «Метапоэтический словарь-конкорданс драматического текста А.П.Чехова» [11], «Конкордансы произведений Владимира Даля» [12], «Конкорданс произведений С.Т. Аксакова» [13] и др.

Большинство новых конкордансов, в целом сохраняющих привычную форму, заметно отличаются от своих предшественников

и по принципам формирования словарей, и по объему приводимых контекстов, и по наличию дополнительной информации. Не случайно и в аннотациях словарей, и в различных обзорах, и в критической литературе появляются особые термины: *конкорданс нового типа*, *конкорданс обновленного типа*, *конкорданс нового поколения*. Так, Л.Л. Шестакова, характеризуя создаваемый под ее руководством «Словарь языка русской поэзии XX века», в котором традиционная структура словарной статьи видоизменена и расширена за счет дополнительной информации, называет его *комментирующим конкордансом*, справедливо полагая, что «определение такого словаря, хотя он продолжает оставаться цитатым регистрирующим словарем по преимуществу, с помощью термина *конкорданс* уже недостаточно» [5. С. 93].

Составители обновленных конкордансов специально подчеркивают новизну формы данного традиционного жанра. Например, А.Е. Поляков, И.А. Пильщиков и М.Б. Бергельсон, рассуждая о концепции и реализации конкорданса к текстам Ломоносова, говорят о том, что он строится на основе принципиально новой методологии и технологии подготовки, отвечающей современному уровню филологической науки [14].

Отметим характерные черты конкордансов нового поколения.

1. В них прослеживается особый подход к заголовочной единице, которая представляет собой лексему, а не отдельную словоформу. Например, в «Конкордансе к стихам Осипа Манделштама» входами главных файлов являются слова, встречающиеся в текстах стихотворений, а «под словом здесь понимается не отдельная словоформа (например, *мысль*), а лексема, т.е. словарная единица, относящаяся к определенной части речи и объединяющая всю совокупность соответствующих ей словоформ. В данном случае это будет лексема **мысль** (существительное), которой соответствуют словоформы *мысль*, *мысли*, *мыслью*, *мыслей* и т.д.» [9].

2. При формировании словарей составители все чаще разграничивают омонимы, которые разрабатываются в отдельных словарных статьях. Например, в конкордансе к текстам Ломоносова «в случае омонимии к заглавной форме добавляются цифровые индексы, в основном соответствующие словарю А.А. Зализняка, например: *град*¹ [осадки] – *град*² [город], *мир*¹ [спокойствие] – *мир*² [вселенная]. Индексы добавляются также в том случае, если омонимы имеют раз-

личные грамматические признаки (часть речи), например: *знать*¹ *с.ж.неод.* – *знать*² *г.нсв.* – *знать*³ *вводн.* Многозначные слова при необходимости также могут быть разделены на подзначения, например: *свет*¹ – *свет*² [мир, бомонд], *двор*¹ – *двор*² [окружение монарха]» [14].

3. Если в традиционных конкордансах обычно не даются толкования слов, то в новых к отдельным словам (устаревшим, диалектным, именам собственным и некот. др.) нередко приводятся краткие дефиниции или энциклопедические справки для общего представления об описываемом предмете. Приведем примеры из «Словаря языка русской поэзии XX века»: **КРУЖАЛО** [в старину в России – кабак, питейный дом] [15. С. 7]; **КУКАН** [обл.; небольшой о-в на реке] [15. С. 57]; **КУКАРАЧЬ** [обл.; на корточки, на четвереньки] [15. С. 57]; **МАНИПУЛА** [основное тактическое подразделение легиона в др.-рим. армии] [15. С. 371]; **КСЮША** [ласк. к Ксения; К.К. Прохорова – цыганская певица] [15. С. 35]; **МАДЛЭН** [назв. одного из районов Парижа] [15. С. 352]; **МАНТАШЕВ** [А.И. Манташев – основатель бакинского нефтепромышленного общества] [15. С. 373].

4. Составителями все чаще используется разнообразная система помет (грамматических, стилистических, хронологических, отсылочных и др.), с помощью которых указываются характерные признаки описываемого слова. Так, в конкордансе к текстам Ломоносова отмечаются грамматические признаки, свойственные определенному классу лексем (вид – для глаголов; род и одушевленность – для существительных). Очень разнообразна система помет в «Словаре языка русской поэзии XX века»: **КРУЧИННЫЙ** [нар.-поэт.] [15. С. 18]; **КУДЛАСТЫЙ** [прост.] [15. С. 18]; **КУЛЬТУРИШКА** [пре-небр.] [15. С. 62]; **МАНИЕ** [устар.; мановение] [15. С. 371]; **МГЛЯНОСТЬ** [нов.] [15. С. 405].

5. Основная зона конкорданса – это контексты, которые традиционно ограничивались одной строкой, нередко обрывающейся на полуслове, поэтому пятая особенность обновленного конкорданса связана с объемом контекста, завершеного и достаточного для понимания значения конкретного слова.

6. Эта особенность касается порядка расположения контекстов в пределах словарной статьи, который в разных конкордансах может различаться в зависимости от поставленных составителями задач.

Например, в сводном «Словаре языка русской поэзии XX века» принят хронологический принцип подачи материала, т.е. с учетом дат написания произведений, а внутри одной даты – по алфавиту фамилий авторов.

7. Наличие дополнительных зон словарной статьи, произвольных в разных конкордансах. Например, в «Словаре языка русской поэзии XX века» есть факультативная зона комментариев к конкретным контекстам, способствующая более точному раскрытию особенностей словоупотребления, где могут приводиться названия стихотворений, некоторые исторические сведения, рифмы и т.д., например: **КШЕСИНСКАЯ** <...> Дом / Кшесинской, / за дрыгоножество / подаренный [Николаем П], / нынче – / рабочая блузница [об особняке, в к-ром после Февральской революции 1917 г. разместился штаб большевиков] *M924 (491) 77* [15. С. 84]; **МАССА** <...> Днесь Вечной Памяти Гора, Доколе солнце светит – Вожатому – душ, а не масс! [рфм.: звалась] *Цв932 (II,305)398* [15. С. 385]; **МАТУШКА** <...> А что на Рассее – На матушке? – То есть Где? – В Эсэсэсере Что нового? – Строят. [посв. памяти В.В. Маяковскому] *Цв930 (II,277)404* [15. С. 390].

8. Наличие информативных приложений к основной части словаря. Так, конкорданс к стихам Осипа Мандельштама включает пять приложений, дополняющих и систематизирующих описываемый материал: 1) список файлов; 2) изменения в текстах стихотворений; 3) статистические данные; 4) начало полного частотного списка лексем; 5) неударенные лексемы в конкордансе.

Вероятно, перечень характерных черт современного конкорданса может быть дополнен, но, на наш взгляд, указанных особенностей вполне достаточно для подтверждения ранее высказанной мысли о трансформации словарной статьи традиционной лексикографической формы и конкорданса в целом и обоснованности новой терминологии.

Работая над созданием системы словарей языка фольклора, курские лингвофольклористы давно обратили внимание на форму конкорданса, которая «дает исследователю собранные и подготовленные для анализа факты, не навязывая интерпретации этих фактов» [16. С. 274]. В настоящее время нами создана целая серия бумажных и электронных конкордансов необрядовой лирической песни, записанной в разных регионах России. Например, «конкорданс русской

народной песни: песни Сибири», примеры из которого мы будем приводить, составлен на основе 112 необрядовых лирических песен, записанных в Сибири в XIX в. и включенных в семитомный свод А.И. Соболевского «Великорусские народные песни» [17].

Хотя словарная статья наших конкордансов имеет традиционную структуру: (1) заголовочное слово, (2) статистическая характеристика, (3) исчерпывающее число контекстов с паспортизацией (номер тома и номер песни), их тоже можно считать конкордансами нового типа.

В наших справочниках особое внимание уделяется заголовочным единицам, в качестве которых в большинстве случаев выступает лексема. Однако фольклор как особая форма национального языка, характеризующаяся большим количеством переходных конструкций, требует нестандартных решений в формировании словника, где на статус самостоятельных словарных единиц претендуют специфические для устного народного творчества формы слов (например, нестандартные деепричастия *разгулявши*, *смотрячи*) и синкретичные образования, отличающиеся семантической цельностью и функциональной значимостью (например, синонимические сближения *биться-колотиться*, *горе-кручина*, *сохнуть-блекнуть*, репрезентативные пары *отец-мать*, *хлеб-соль*, конструкции на основе повторов *будить-побуживать*, *ныть-занывать*, *сизенький-сизой*): *Я со того горя-кручины пойду в зелен садик погулять...* <5,6> [17. С. 27]; *Отчего же ты, моя елинушка, стала сохнуть-блекнуть?* <4,364> [17. С. 146]; *Во горнице во новой две добры жены сидят, Хлеб-соль едят, про Ивана говорят...* <4,559> [17. С. 164]; *Она будила-побуживала Своего друга милаго...* <4,829> [17. С. 10].

Давно подмечено, что во всех жанрах русского фольклора активно используются слова с суффиксами субъективной оценки (например, *зипунишка*, *конопелюшка*, *неделюшка*, *переходичек*), имеющие особую эстетическую нагрузку. Поскольку диминутивы часто являются диалектными или собственно фольклорными образованиями, о чем свидетельствуют разные лексикографические источники, мы рассматриваем такие наименования в качестве самостоятельных словарных единиц. Так, отдельные словарные статьи в конкордансе составляют диминутивы *елинушка* ‘Фольк. Ласк. Ёлочка’ [18. Вып. 8. С. 342], *колечушко* ‘Фольк. Уменьш.-ласк. Колечко’ [18.

Вып. 14. С. 133], *кудерцы* 'Фольк. Ласк. Кудри' [18. Вып. 16. С. 9], *огничек* 'Уменьш-ласк. Огонь' [18. Вып. 22. С. 330], *пламечко* 'Ласк. Пламя' [18. Вып. 27. С. 79] и др.

В «Словаре русских народных говоров» дается указание на территориальную закреплённость лексем, поэтому впоследствии с помощью указанного словаря можно выявить зафиксированные в сибирских песнях диалектные и фольклорные наименования, использующиеся в нескольких губерниях, и «собственно сибирские» языковые единицы, сопровождающиеся в лексикографическом справочнике пометами *Сиб.*, *Южн. Сиб.*, *Том.*, *Тобол.*, *Иркут.* и др.

В конкордансе необрядовых лирических песен Сибири представлены разные типы «собственно сибирских» диалектизмов, среди них и слова с суффиксами субъективной оценки, например: *обедечек* 'Ласк. Обед' [18. Вып. 22. С. 27], *пчелонька* 'Фольк. Ласк. Пчела' [18. Вып. 33. С. 181], *росонька* 'Фольк. Ласк. Роса' [18. Вып. 35. С. 188], *сосонька* 'Ласк. Фольк. Сосна' [18. Вып. 40. С. 57]: *Ты, пчела ли моя, пчелонька, Пчела сера, синекрыленькая, Пчела, по полю полетывала...* <2,388> [17. С. 122]; *Сосонька во сыром бору росла, ягодка на верейушке* <3,46> [17. С. 146].

Одним из важных вопросов лексикографии является разграничение полисемии и омонимии. Отсутствие отчетливых границ между смежными языковыми объектами часто приводит к разнобою в выделении омонимов, а применительно к словам, находящимся за пределами литературного языка и отличающимся сложностью семантики и неразработанностью этимологии, эта задача еще более осложняется. Придерживаясь широкого взгляда на полисемию, мы тем не менее с опорой на синтагматические и парадигматические связи слов выделяем лексические и функциональные омонимы, помещаемые в разные словарные статьи, например: *ключ*¹ (приспособление для запираения и отпираения замка) и *ключ*² (родник), *коса*¹ (волосы) и *коса*² (орудие), *круг*¹ (существительное) и *круг*² (предлог).

Ключ¹ 4. Вы берите *ключи*, Отмыкайте сундуки... <4,129>; Тонула красна девица словно *ключ* ко дну <6,370>; Возьми мои золотые *ключи*, Отмыкай окован сундук... <6,541>; Он взял золоты ея *ключи*... <6,541>

Ключ² 1. Сестра-то ли плачет, – как *ключи* кипят... <6,390> [17. С. 60].

Круг¹ 1. А садились молодцы во единый *круг* <6,454>

Круг² 1. А птицы ластицы *круг* гнезда убиваются... <6,288> [17. С. 65].

Особый подход в наших конкордансах и к объему контекстов, приводимых в словарных статьях. Иллюстративные контексты в бумажной версии конкорданса представляют собой минимальные, но репрезентативные фрагменты, под которыми понимаем сочетание заглавного слова с достаточным для реализации смысла и выявления синтагматических связей лексическим окружением. В связи с этим иллюстративные примеры не ограничиваются определенным количеством печатных знаков и могут различаться по объему. В цитируемых текстах сохраняется оригинальная орфография. Все примеры даются в строчку с сохранением прописной буквы каждой новой стихотворной строки.

Еще одна особенность наших конкордансов связана с порядком расположения примеров в словарной статье. Поскольку в своде А.И. Соболевского тексты систематизированы по тематическому признаку (1 т. – низшие эпические песни, т. 2–3 – семейные песни; т. 4–5 – любовные песни; т. 6 – рекрутские, солдатские, разбойничьи песни, т. 7 – юмористические и сатирические песни), зона контекстов упорядочена по томам. Это позволяет читателю (= исследователю) увидеть преимущественное употребление того или иного наименования в песнях определенной тематики и впоследствии говорить о внутрижанровом своеобразии фольклорного лексикона.

Таким образом, разрабатываемый нами конкорданс русской народной песни, сохраняющий привычные параметры, но создающийся на основе новых подходов, имеет свои специфические черты, что позволяет говорить о нем как об обновленной лексикографической форме.

Приведем пример словарной статьи конкорданса.

Румянички 2. Разыграются *румянички* в щеках... <2,49>; Ах вы, белыя белилишки мои, Листовы алы *румянички*, Сокатитесь со бела лица долой! <2,455> [17. С. 131].

Какую же информацию можно получить из этой словарной статьи? Статистическая характеристика и паспортизация говорят о том, что слово низкочастотно и употребляется исключительно в семей-

ных песнях. В нашем конкордансе нет толкований, но контексты позволяют предположить, что существительное используется в двух значениях 'румянец' и 'румяна', о чем свидетельствуют синтагматические связи анализируемого слова и его синтаксическая функция. В первом случае *румянички* – подлежащее, с которым согласуется сказуемое *разыграются (в щеках)*, во втором – слово выступает в функции обращения (*листовы алы румянички*) в сочетании с существительным аналогичной семантики (*белые белилочки*).

Диалектный словарь подтверждает наше предположение о многозначности фольклорной лексики *румянички*, которая получает следующее толкование: 'Фольк. Ласк. 1. Румянец. 2. То же, что румыны' [18. Вып. 35. С. 259]; *румены* 'косметическая краска – румяна' [18. Вып. 35. С. 258]. Ср.: *белилочки* 'Фольк. То же, что белиленка' [18. Вып. 2. С. 213]; *белиленка* 'Фольк. Белила – косметическое средство' [18. Вып. 2. С. 213].

Обратим внимание на глаголы: в первом примере *разыграть* – производное от *разыграть* 'заставить играть (о румянцах)' [18. Вып. 34. С. 81]; во втором фольклорное наименование *сокатиться* реализует значение '3. Убираться, удаляться с лица (о румянах и т.п.)' [18. Вып. 39. С. 236].

Интересны и атрибутивные конструкции существительного. Если колоративное прилагательное *алый*, которое коррелирует с эпитетом *белый*, объяснимо, то семантика слова *листовой* вызывает вопросы. В «Словаре русских народных говоров», где это слово приводится со специфической пометой *фольк.*, значение тоже не определено (*листовой* 'Фольк. [Знач.?]') [18. Вып. 17. С. 67]), но приведен пример из свода Соболевского с указанием на территориальную маркированность: *Южн. Сиб., Гуляев, 1848. Енис.*

Как видим, словарная статья конкорданса, даже такая небольшая по объему, дает исследователю пищу для размышлений, а конкорданс в целом оказывается эффективным инструментом изучения фольклорных текстов в разных аспектах. Благодаря полной иллюстративной характеристике любой исследователь может самостоятельно выявить значение или систему значений каждого слова или сделать предположение относительно семантики анализируемой лексики. Так, иллюстративный материал словарной статьи *Прохлада*

свидетельствует о том, что данное существительное используется в сибирских песнях не в общеупотребительном значении 'приятная свежесть воздуха', о чем говорит форма множественного числа лексемы, которая находится в сочинительной связи с существительным *гульбы*: *На моей-то на сторонке все прохлады и гульбы, Все прохлады и гульбы, молодецкия игры!* <5,196> [17. С. 121]. Заметим, что в «Словаре русских народных говоров» у многозначных существительных *прохлад* и *прохлада* отмечено подходящее для указанного контекста значение 'развлечение, увеселение, забава, безделье, лень' [18. Вып. 33. С. 25].

Конкорданс также позволяет установить характерные синтагматические связи анализируемой лексемы и определить, может ли слово употребляться в устойчивых поэтических приемах. Например, словарная статья с заголовочным словом **Синий** подтверждает преимущественное употребление прилагательного в составе атрибутивной пары *синее море*, причем в песнях разной тематики, и только один раз эпитет *синий* используется для характеристики предметов одежды (*синие чулки*). А словарная статья с заголовочным словом **Собака** говорит о том, что данный зооним в сибирских песнях относится к разряду единичных наименований и в сочетании с прилагательными *зла*, *цепна* используется исключительно в составе сравнительной конструкции: *На квартирушке был сам хозяин – ровно зла цепна собака...* <6,137> [17. С. 144].

Итак, конкорданс, который оказывается надежной базой изучения языка фольклора, предстает как высокоинформативная форма словарного описания. Сохраняя привычную структуру, конкорданс обновленного типа с особым подходом и к словнику, и к иллюстративному материалу, и к упорядочению примеров в рамках словарной статьи открывает новые возможности для исследователя, который в зависимости от поставленных задач самостоятельно интерпретирует представленный в словаре языковой материал.

Полагаем, что традиционная форма конкорданса, который в отечественной лексикографии переживает второе рождение, обогащенная новыми чертами и элементами, будет востребована как в авторской, так и в фольклорной лексикографии. И не только в прикладном значении в качестве источника для создания различного рода слова-

рей, но и как самостоятельная лексикографическая форма, в ценности которой еще всем предстоит убедиться.

Литература

1. *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
2. Шестакова Л.Л. О принципах описания иноязычных вкраплений в авторских словарях разных типов // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2 (8). – С. 5–26.
3. Карпова О.М. Словари языка писателей. – М.: Изд-во МПИ, – 1989. – 108 с.
4. Винокур Г.О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
5. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 464 с.
6. Карпова О.М. Рецензия на книгу Шестаковой Л.Л. «Русская авторская лексикография: теория, история, современность» // ЯЛИК. – 2014. – № 90. – С. 19–21.
7. Балакай А.Г., Балачик Н.С. Конкорданс и частотный словарь повести И.С. Шмелева “Лето Господне” [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kuzspa.ru/images/balakaу-page/leto.htm> (дата обращения: 13.06.2016).
8. Гик А.В. Конкорданс к стихотворениям М. Кузмина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2005–2015. – Т. 1–4.
9. Митюшин Л.Г. Конкорданс к стихам Осипа Мандельштама [Электронный ресурс]. – URL: http://rvb.ru/mandelstam/m_o/concordance/description.htm (дата обращения: 13.06.2016).
10. Словарь-конкорданс публицистики Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]. – URL: <http://dostoevskii.karelia.ru/> (дата обращения: 13.06.2016).
11. *Метапоэтический* словарь-конкорданс драматического текста А.П. Чехова: слов.-справ. / под ред. К.Э. Штайн. – Ставрополь: СГУ, 2008. – 416 с.
12. *Конкордансы* произведений Владимира Даля [Электронный ресурс]. – URL: http://elibrary.petsu.ru/dahl/user_new/index.php?letter=%DB&mode=findinitforms (дата обращения: 13.06.2016).
13. *Конкорданс* произведений С.Т. Аксакова [Электронный ресурс]. – URL: <http://aksakov.do.am/index/konkordans/0-22> (дата обращения: 13.06.2016).
14. Поляков А.Е., Пильщиков И.А., Бергельсон М.Б. Конкорданс к текстам Ломоносова – концепция и реализация [Электронный ресурс]. – URL: <http://rd.febweb.ru/pollex-09.html> (дата обращения: 10.05.2015).
15. *Словарь* языка русской поэзии XX века. Т. 4 / отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2010. – 756 с.
16. Кретов А.А. Н.М. Карамзин в Японии // Филологические науки: Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 14. – Воронеж, 2000. – С. 273–278.
17. Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: песни Сибири. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2010. – 176 с.
18. *Словарь* русских народных говоров. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2013. – Вып. 1–46.

CONCORDANCE OF THE 21ST CENTURY: A NEW OLD FORM

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 41–54.

DOI: 10.17223/22274200/10/3

Mariya A. Bobunova, Kursk State University (Kursk, Russian Federation).

E-mail: bobunova61@mail.ru

Keywords: dictionary, concordance, dictionary entry, folklore language, folklore lexicography.

The article is devoted to concordance, an acknowledged and most frequently used dictionary form in author lexicography. Widely used abroad in the past centuries, this type of dictionary had been overlooked in Russia up to the end of the 20th century. However, we observe a change at the verge of the 21st century fostered by the boom of computer technologies which enable creation of progressive software word processors now available to all concerned. We have also witnessed a change in the attitude to concordance: scholars have appreciated its research potential.

The article explains that the majority of concordance dictionaries produced in the recent years basically retain the conventional form but differ essentially in respect of the principles of dictionary formation, the number of analyzed contexts and additional information presented within.

This fact explains the appearance of special terms for the nomination: *concordance of a new type, concordance of an updated type, concordance of a new generation*.

With several author dictionaries as an example, the characteristic features of a new generation concordance are concluded, among which are special approaches to the entry title, to separation of homonyms, to commentaries within a dictionary entry, to usage of different tags, etc.

The article dwells specifically on the concordances of non-ritual lyrical songs which are created by linguofolklorists from Kursk. The uniqueness of this dictionary form is proved on the instance of concordance of the Siberian songs of the 19th century which are a part of the 7-volume collection *Velikorusskie narodnye pesni* [Great Russian Folk Songs] by Sobolevsky A.I.

The presented examples of dictionary entries illustrate the efficiency of concordance in studying folklore texts in several aspects: from determination of meanings and systems of meanings up to defining characteristic syntagmatic links and studying word capacity to participate in tropes.

The author concludes that concordance gives objective and organized language facts without interpreting them, thus being a reliable basis of folklore language research. Concordance of a new type still retains a conventional structure but presents a special approach to the arrangement of vocabulary, illustrative material and examples. All this gives new opportunities to philologists in interpreting data according to their own needs and issues.

References

1. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The big dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Norint.

2. Shestakova, L.L. (2015) The principles of the description of foreign-language inclusions in author dictionaries of different types. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (8). pp. 5–26. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/8/1
3. Karpova, O.M. (1989) *Slovari yazyka pisateley* [Dictionaries of writers' language]. Moscow: Izd-vo MPL.
4. Vinokur, G.O. (1991) *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
5. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
6. Karpova, O.M. (2014) Retsenziya na knigu Shestakovoy L.L. "Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'" [Book Review: Shestakova, L.L. (2011) Russian author lexicography: theory, history, modernity]. *YaLIK*. 90. pp. 19–21.
7. Balakay, A.G. & Balanchik, N.S. (n.d.) *Konkordans i chastotnyy slovar' povesti I.S. Shmeleva "Leto Gospodne"* [Concordance and frequency dictionary of I.S. Shmelev's "The summer of the Lord"]. [Online] Available from: <http://kuzspa.ru/images/balakay-page/letto.htm>. (Accessed: 13th June 2016).
8. Gik, A.V. (2005–2015) *Konkordans k stikhotvorennyam M. Kuzmina* [Concordance to the poems of M. Kuzmin]. Vols 1–4. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
9. Mityushin, L.G. (n.d.) *Konkordans k stikham Osipa Mandel'shtama* [Concordance to the poems of Osip Mandelstam]. [Online]. Available from: http://rvb.ru/mandelstam/m_o/concordance/description.htm. (Accessed: 13th June 2016).
10. Kopotev, M.V. et al. (n.d.) *Slovar'-konkordans publitsistiki F.M. Dostoevskogo* [The dictionary-concordance of F.M. Dostoevsky's journalism]. [Online]. Available from: <http://dostoevskii.karelia.ru/>. (Accessed: 13th June 2016).
11. Shtayn, K.E. (ed.) (2008) *Metapoeticheskiy slovar'-konkordans dramaticheskogo teksta A.P. Chekhova. Slovar'-spravochnik* [Metapoetic dictionary-concordance of the dramatic text of Anton Chekhov. Reference Dictionary]. Stavropol: Stavropol State University.
12. Petrozavodsk University Faculty of Philology. (n.d.) *Konkordansy proizvedeniy Vladimira Dalya* [Concordances of Vladimir Dahl's works]. [Online]. Available from: http://elibrary.petsu.ru/dahl/user_new/index.php?letter=%DB&mode=findinitforms. (Accessed: 13th June 2016).
13. Aksakov.do.am. (n.d.) *Konkordans proizvedeniy S.T. Aksakova* [Concordance of S.T. Aksakov's works]. [Online]. Available from: <http://aksakov.do.am/index/konkordans/0-22>. (Accessed: 13th June 2016).
14. Polyakov, A.E., Pil'shchikov, I.A. & Bergel'son, M.B. (n.d.) *Konkordans k tekstam Lomonosova – kontseptsiya i realizatsiya* [Lomonosov concordance – concept and implementation]. [Online]. Available from: <http://rd.feb-web.ru/pollex-09.html>. (Accessed: 10th May 2015).
15. Grigor'ev, V.P. & Shestakova, L.L. (eds) (2010) *Slovar' yazyka russkoy poezii XX veka* [Dictionary of the language of Russian poetry of the twentieth century]. Vol IV. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

16. Kretov, A.A. (2000) N.M. Karamzin v Yaponii [N.M. Karamzin in Japan]. *Filologicheskie nauki: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaviya*. 14. pp. 273–278.
17. Bobunova, M.A. & Khrolenko, A.T. (2010) *Konkordans russkoy narodnoy pesni: pesni Sibiri* [Concordance of the Russian folk song: songs of Siberia]. Kursk: Kursk State University.
18. Sorokoletov, F.P. (1965–2013) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–46. Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

О.Ю. Савина

ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОИСКА В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

*Лингвисты, преподаватели, учителя и студенты-германисты осуществляют поиск лексикографической информации к немецкоязычным текстам с помощью традиционных и сетевых словарей и баз данных. Для повышения эффективности поиска в сетевых источниках информации автор предлагает к использованию новый программный продукт для генерации немецкоязычного текстоориентированного лексического минимума *Vokabelliste*. В статье представлены основные характеристики программы.*

Ключевые слова: интеграция лингвистического поиска, немецкоязычный текстоориентированный лексический минимум.

Поиск лексикографической информации к текстам в сетевых словарях и лингвистических корпусах осуществляется по разным алгоритмам в зависимости от его целей. Накопленная разнородная информация зачастую требует детальной ручной обработки. Для автоматизации процесса поиска и форматирования лексико-графической информации (для немецкого языка) была разработана программа *Vokabelliste* [1]. В данной статье охарактеризованы целевые группы пользователей программы, описаны источники лексикографической информации и подробно представлен функционал предлагаемого программного продукта.

В области лингводидактики можно выделить три целевые группы пользователей, стремящихся к получению углублённой лингвистической информации, это преподаватели специального вуза, школьные учителя и студенты, изучающие немецкий язык как специальность.

Пользователь *преподаватель вуза* преподаёт теоретические лингвистические дисциплины студентам-германистам и осуществляет поиск при подготовке практического (справочного) материала для лингвистического анализа текста. Например, для подбора информации о терминах, заимствованиях, метафорах, метонимиях, культурно-специфической лексике, территориально окрашенной лексике, архаизмах, неологизмах; для выбора лексики при построении семантического / функционального поля; для сбора

синонимов к отдельным лексемам текста; для подбора примеров употребления слов; для анализа коллокаций (на основе сведений о частотности); для анализа грамматических категорий слова, и др.

Пользователь *школьный учитель* обучает детей и подростков немецкому как иностранному языку (на разных уровнях) и использует лингвистические сетевые ресурсы при подготовке справочного материала к тексту для чтения. Например, для сбора новой для учеников лексики и ее переводов; для подбора примеров употребления слов в минимальном контексте, для выбора грамматических парадигм слов (имеющих сложные грамматические формы); для составления лексических парадигм (синонимы, антонимы, семантические поля); для поиска транскрипции слов, трудных для произношения и др.

Пользователь *студент* изучает немецкий как специальность (первый или второй иностранный язык) и осуществляет сбор справочного материала для чтения текста. Например, для перевода незнакомых слов; для поиска толкований значений слов; для поиска грамматических парадигм сложных слов; для подбора синонимических рядов, антонимических пар, семантических полей, коллокаций и типичного левого / правого окружения; для проверки произношения незнакомых / сложных слов и др.

Для решения вышеперечисленных поисковых задач наряду с традиционными словарями часто используются электронные (сетевые) словари, например: толковый интернет-словарь современного немецкого языка *DWDS* [2], сетевая лексическая информационная система немецкого языка *OWID* [3], онлайн-словарь *Duden* [4], поисковая лексическая система *Wortschatz* университета Лейпцига [5], грамматическая информационная система *GRAMMIS* [6], база данных Немецкие словари и грамматика *CANOO* [7], многоязычный онлайн-словарь *PONS* [8] и др. Кроме того, часть подобных задач может успешно решаться с помощью лингвистических корпусов, таких как Мангеймский корпус немецкого языка [9], Архив устного немецкого языка [10] и др.

Несомненное преимущество использования для лингвистического поиска именно онлайн-ресурсов – актуальность информации (обычно все подобные ресурсы обновляются в режиме реального времени). Наиболее авторитетные онлайн-словари и корпусы содержат исключительно аутентичные примеры функционирования

лексических единиц, что также свидетельствует об их высоком качестве.

К недостаткам можно отнести необходимость многократного и повторного обращения к одному или нескольким ресурсам, если поиск включает не один поисковый запрос, а несколько (например, при работе с текстом). Собранная таким образом информация обычно довольно разнородна и требует кропотливой ручной обработки – сортировки по типу информации, а также приведения к единому формату.

Стремление нивелировать названные недостатки с помощью одного поискового инструмента, интегрирующего лингвистический поиск по разным немецкоязычным сетевым ресурсам, привело к созданию *Программы генерации текстоориентированного лексического минимума (Recherchetool zur Erstellung von textbezogenen Vokabellisten)*, или *Vokabelliste*.

Программа *Vokabelliste* предназначена для автоматизации процессов сбора лингвистической информации из немецкоязычных лингвистических баз данных, функционирующих в режиме онлайн. Она позволяет оптимизировать трудоёмкий процесс дидактизации текстов для чтения, что способствует повышению эффективности труда учителя / преподавателя немецкого языка. Пользователями программы могут быть также студенты, изучающие немецкий язык.

Традиционно процесс сбора лингвистической информации с целью дидактизации иноязычного текста включает следующие шаги:

- 1) выбор лексем, подлежащих включению в лексический минимум, из текста для чтения;
- 2) отбор лингвистической информации по каждой из лексических единиц из разных баз данных;
- 3) приведение собранной информации в дидактически удобный вид.

При использовании программы *Vokabelliste* пользователь выполняет вручную только первый шаг: вводит текст в рабочее поле, отмечает в нем лексические единицы, для которых должна быть собрана лингвистическая информация, и указывает необходимые типы лингвистической информации.

Два следующих шага программа осуществляет автоматически: выполняет запрос к одной / нескольким базам данных по каждой из лексических единиц, маркированных в исходном тексте, копирует

отмеченные типы информации, соединяет их в единый документ и приводит в стандартный вид (рис. 1).

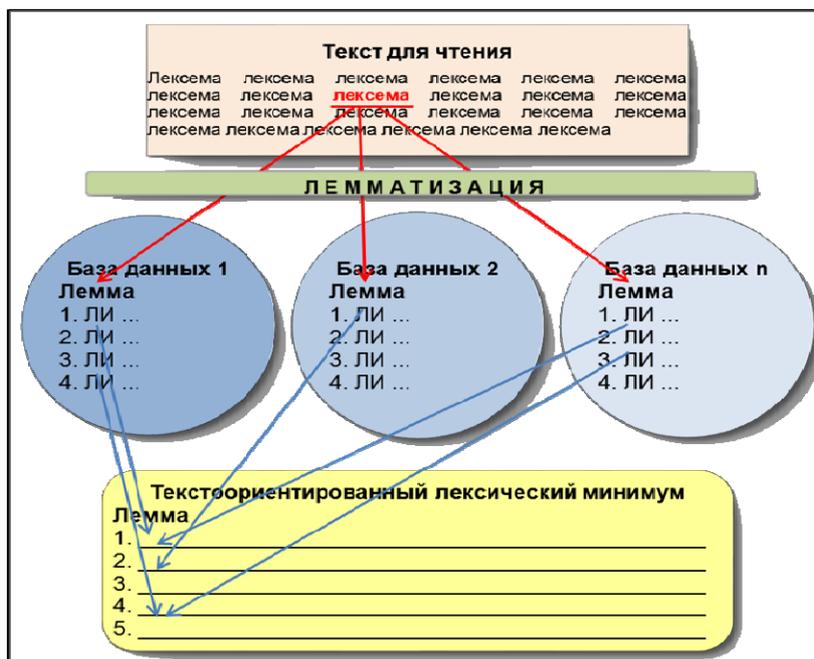

Рис. 1. Логическая модель функционирования программы *Vokabelliste* (ЛИ – лингвистическая информация)

Программа обеспечивает возможность выполнения следующих функций:

- 1) импортирование текстового файла;
- 2) выделение и отбор лексем в импортированном тексте;
- 3) выбор типов лингвистической информации из предлагаемых базами данных в качестве опций (отдельно для каждой лексемы);
- 4) направление запроса к соответствующим базам данных;
- 5) отбор соответствующих типов лингвистической информации;
- 6) накопление лингвистической информации в одном текстовом документе;

понимать, какие типы информации необходимы ему для включения в генерируемый лексический минимум, отдавать себе отчет в возможном возникновении лингвистических трудностей при отборе лингвистической информации (по причине многозначности и омонимии) и осознавать необходимость проверки готового тексториентированного лексического минимума.

Входные данные (немецкоязычные тексты) загружаются в программу в виде текстового документа или через буфер обмена. Отмеченные пользователем лексемы направляются в виде запроса в лингвистические базы данных. Программа ведет отбор информации указанных типов и собирает ее в единый документ. Выходные данные (собранная лингвистическая информация) организованы в виде текстового документа, сгенерированного в текстовом редакторе MS Word. Программа автоматически приводит лексический минимум в стандартный формат. На этом поисковый запрос считается выполненным.

Семантическими особенностями лексических единиц (омонимия, полисемия) может быть обусловлено то, что результат будет содержать избыточную информацию. В таком случае он может быть откорректирован пользователем вручную. Трудоёмкость ручной работы напрямую зависит от цели и количества собранной информации – лишнее можно просто удалить из результата (текстового документа).

В готовом лексическом минимуме информация упорядочена по типу: орфографические и фонетические особенности (произношение, правописание); грамматическая информация (часть речи, грамматические характеристики, формы слова); семантическая информация (значение); примеры употребления (примеры, соотносенные со значениями, типичные примеры); парадигматические связи (в том числе синонимы); коллокации (типичное левое и правое окружение); перевод на русский язык. Источники информации указаны в виде логотипа соответствующей базы данных (рис. 3).

Kindermädchen	
Orthographische und phonetische Besonderheiten Орфографические и фонетические особенности	
Aussprache Произношение DUDEN	Betonung: Kindermädchen Lautschrift: ['kindeme:tʃən]
Grammatische Informationen Грамматическая информация	
Wortformen Формы слова canoonet	Wortklasse: Nomen Genitiv Singular: Kindermädchens Nominativ Plural: Kindermädchen Artikel: das Flexionsklasse: s/- Besonderheiten: n-Tilgung im Dativ Plural
Semantische Informationen Семантическая информация	
Bedeutung Значение DUDEN	[jüngere] weibliche Person, die in einer Familie zur Betreuung der Kinder angestellt ist
Bedeutung Значение D W D S	(veraltend) in einer Familie fest angestelltes Mädchen, das die Kinder betreut das Kindermädchen spielte mit den Kindern
Paradigmatische Beziehungen Парадигматические связи	
Paradigmatische Beziehungen Парадигматические связи D W D S	Synonymgruppe: Kinderfrau, Kindermädchen, Nanny, Tagesmutter
Synonyme Синонимы DUDEN	Amme, Kinderpflegerin, Nanny; (veraltend) Kinderfräulein, Nurse; (veraltet) Bonne; (früher) Gouvernante
Kollokationen Коллокации	
Typische linke Nachbarn Типичное левое окружение D W D S	als (317,55), ein (162,61), das (145,36), einem (95,86), dem (94,22), ehemaliges (92,11), philippinische (84,63), philippinisches (70,88), Das (63,98), stachelige (59,4), ehemalige (58,19), philippinischen (45,89), früheres (45,47), neues (43,79)
Übersetzung ins Russische Перевод на русский язык	
Übersetzung ins Russische Перевод на русский язык D W D S	няня

Рис. 3. Пример результата поиска лингвистической информации к одной лемме (при запросе было активировано 8 опций в пяти базах данных)

Информационное обеспечение функционирования программы включает следующие немецкоязычные сетевые лингвистические базы данных:

- 1) онлайн-словарь *Duden* [4];
- 2) толковый интернет-словарь современного немецкого языка *DWDS* (*D*igitales *W*örterbuch der *d*eutschen *S*prache des 20. *J*h.) [2];
- 3) поисковая лексическая система *Wortschatz* (*D*eutscher *W*ort-schatz *P*ortal) [5];
- 4) грамматическая сетевая база данных *CANOO* (*D*eutsche *W*örterbücher und *G*rammatik *C*ANOO) [7];
- 5) многоязычный онлайн-словарь *PONS* (немецко-русское направление перевода) [8].

Процесс генерации лексического минимума может потребовать разного количества времени в зависимости от количества отобранных лексем и активированных опций (т.е. требуемого количества лингвистической информации по каждой лексеме), а также от свойств сетевого подключения.

Проведённая оценка эффективности программы по скорости выполнения поискового запроса на базе 600 наблюдений по коэффициенту линейной корреляции Пирсона показала, что скорость выполнения поискового запроса (т.е. количество единиц, обработанных программой за единицу времени) тем выше, чем больше лексических единиц в поисковом запросе. При этом скорость в любом случае выше скорости сбора информации человеком.

SWOT-анализ¹ [11] прототипа программы и перспектив его внедрения в систему автоматизированного рабочего места преподавателя-лингвиста (см. таблицу) показал, что *Программа генерации тексториентированного лексического минимума Vokabelliste* может быть использована в нескольких направлениях:

- автоматизация сбора лингвистической информации лингвистами / преподавателями при проведении лингвистических исследований;
- автоматизация сбора лингвистической информации учителями немецкого языка в лингводидактических целях;
- автоматизация сбора лингвистической информации студентами в рамках самостоятельной работы над немецкоязычным текстом.

¹ SWOT = Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).

SWOT-анализ программы *Vokabelliste*

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • экономит время пользователя на поиск лингвистической информации; • позволяет вести целенаправленный отбор информации одного типа из разных баз данных; • позволяет наглядно и эффективно сравнивать полученную информацию одного типа из разных источников; • не требует инсталляции; • имеет двуязычный интерфейс; • позволяет импортировать разные текстовые типы файлов 	<ul style="list-style-type: none"> • имеет ограниченное количество подключенных баз данных; • не позволяет оценить объем информации до ее сбора и сохранения; • имеет традиционный интерфейс; • использует несовершенный лемматизатор (который, однако, позволяет себя корректировать); • существует только на носителе; • работает только на компьютерах с предустановленным MS Word; • не справляется с многозначностью и омонимией (выдает все существующие в базах данных значения лексем, включенных в поисковый запрос); • не позволяет вести поиск аналитических лексических форм (существительное с артиклем, глаголы и прилагательные в сложных формах, отделяемые приставки, сложные слова, устойчивые словосочетания); • может включать в результаты поиска нечёткие совпадения (онлайн-словарь PONS)
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • использование при подготовке к чтению / анализу текста; • использование для выполнения поискового запроса без текста; • применение для различных целевых групп (преподаватели, учителя, студенты); • применение в научных и / или лингводидактических целях 	<ul style="list-style-type: none"> • наличие в загрузочной папке большого количества файлов (что может привести в замешательство неопытного пользователя); • возможный отказ в выполнении поискового запроса при изменении параметров доступа владельцами используемых баз данных

Разработанная *Программа генерации текстоориентированного лексического минимума Vokabelliste* повышает эффективность труда преподавателя, поскольку позволяет интегрировать лингвистическую информацию различных сетевых баз данных. Таким

образом, программа может стать одним из элементов автоматизированного рабочего места лингвиста за счет автоматизации рутинных процессов, связанных с обучением.

Литература

1. Программа генерации текстоориентированного лексического минимума «Vokabelliste»: Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015619379 / О.Ю. Савина; заявитель и правообладатель Тюменский государственный университет. Заявл. 13.07.2015; гос. регистр. 01.09.2015. Бюл. № 2015619379, опублик. 20.09.2015.
2. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache DWDS*. – URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 16.07.2016).
3. *OWID*. Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch. – URL: <http://www.owid.de/> (дата обращения: 16.07.2016).
4. *Duden-Online*. Wörterbuch. Verlag Bibliographisches Institut GmbH. – URL: <http://www.duden.de> (дата обращения: 16.07.2016).
5. *Deutscher Wortschatz Portal*. Universität Leipzig. – URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>. (дата обращения: 16.07.2016).
6. *Grammis 2.0*. Das grammatische informationssystem des Instituts für deutsche Sprache (IDS). – URL: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/> (дата обращения: 16.07.2016).
7. *Deutsche Wörterbücher und Grammatik CANOO*. – URL: <http://www.canoo.net> (дата обращения: 16.07.2016).
8. *PONS* Online-Wörterbuch. – URL: <http://de.pons.com>. (дата обращения: 16.07.2016).
9. *Deutsches Referenzkorpus. DeReKo*. – URL: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html> (дата обращения: 16.07.2016).
10. *Archiv für Gesprochenes Deutsch*. – URL: <http://agd.ids-mannheim.de/index.shtml> (дата обращения: 16.07.2016).
11. *Майсак О.С.* SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2013. – № 1. – С. 151–157.

INTEGRATION OF LINGUISTIC SEARCH TOOLS FOR DIDACTIC PURPOSES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 55–66.

DOI: 10.17223/22274200/10/4

Olga Yu. Savina, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: osavina@gmail.com

Keywords: integration of linguistic search, text-based basic learner dictionary for the German language.

The paper presents a new search tool that integrates linguistic search in various network resources in German.

Conventional using of online resources for linguistic search (network dictionaries, linguistic corpora and other databases) has its advantages and disadvantages: relevance of the information, authentic examples of the use of lexical units, but at the same time the information collected this way is usually quite heterogeneous and requires time-consuming laborious manual processing: sorting by the type of information and text formatting. The desire to neutralize the disadvantages mentioned above has led to the development of *Vokabelliste*, a lexical analyzer program for a text-based generation of a basic learner dictionary (for the German language).

The purpose of the article is to present the main characteristics of the developed program. The material of the study is based on the following German language network databases: the Duden Online Dictionary, the Digital Dictionary of the German Language, Leipzig Corpora Collection, Canoonet online language services, the multilingual online-dictionary PONS.

The methodological basis of the research was modelling (theoretical and application level). As a result, the functional prototype of the *Vokabelliste* program was developed.

Target groups of the program users are professors and schoolteachers of German, as well as students of German. To compile the basic learner dictionary using this program, the user manually performs only the choice of tokens from the text to be read, to be included in the basic learner dictionary, and specifies the necessary types of linguistic information. Next, the program automatically makes queries into databases for each of the lexical units, combines the marked types of information in a single document and provides a standard display of search results.

In the final version of the basic learner dictionary the information is ordered by type: spelling and phonetic features; information on grammar; information on semantics; usage examples; paradigmatic relations; collocations; translation into Russian.

The *Vokabelliste* program developed for the generation of a text-based basic learner dictionary improves efficiency (findings confirmed statistically), because it allows to automatically integrate linguistic information of various databases. Thus, the program can be one of the elements of an automated workplace of a linguist through the automation of routine processes.

References

1. Savina, O.Yu. (2015) *The Vokabelliste program of text-oriented lexical minimum generation*: Certificate of state registration of the computer program 2015619379; applicant and rights holder Tyumen State University. Applied on 13 July 2015; State registration on 01 September 2015. Bulletin 2015619379, published 20 September 2015.
2. DWDS. (n.d.) *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* [Digital dictionary of the German language]. [Online]. Available from: <http://www.dwds.de>. (Accessed: 16th July 2016).
3. OWID. (n.d.) *Online-Wortschatz-Informationen system Deutsch* [Online German vocabulary information system]. [Online]. Available from: <http://www.owid.de/>. (Accessed: 16th July 2016).
4. Duden-Online. (n.d.) *Wörterbuch* [Dictionary]. Verlag Bibliographisches Institut GmbH. [Online]. Available from: <http://www.duden.de>. (Accessed: 16th July 2016).

5. Leipzig University. (n.d.) *Deutscher Wortschatz Portal* [German vocabulary portal]. [Online]. Available from: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de>. (Accessed: 16th July 2016).
6. Grammis 2.0. (n.d.) *Das grammatische informationssystem des Instituts für deutsche Sprache (IDS)* [The grammatical information system of the Institute for German Language (IDS)]. [Online]. Available from: <http://hypermedia.ids-mannheim.de/>. (Accessed: 16th July 2016).
7. CANOO. (n.d.) *Deutsche Wörterbücher und Grammatik* [German dictionary and grammar]. [Online]. Available from: <http://www.canoo.net>. (Accessed: 16th July 2016).
8. PONS. (n.d.) *Online-Wörterbuch* [Online dictionary]. [Online]. Available from: <http://de.pons.com>. (Accessed: 16th July 2016).
9. IDS. (c. 2016) *Deutsches Referenzkorpus. DeReKo* [The German reference corpus. DeReKo]. [Online]. Available from: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora.html>. (Accessed: 16th July 2016).
10. *Archiv für Gesprochenes Deutsch* [Archive for Spoken German]. [Online]. Available from: <http://agd.ids-mannheim.de/index.shtml>. (Accessed: 16th July 2016).
11. Maysak, O.S. (2013) SWOT-analiz: ob"ekt, faktory, strategii. Problema poiska svyazey mezhdru faktorami [SWOT-analysis: object, factors, strategies. The problem of finding connections between factors]. *Prikaspiyskiy zhurnal: upravlenie i vysokie tekhnologii*. 1. pp. 151–157.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1'04: 81'374
DOI: 10.17223/22274200/10/5

Е.В. Генералова

АВТОРСКОЕ СЛОВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В настоящее время в отечественной лексикографии нет писательских словарей, описывающих материал донационального периода; эту нишу занимают словари отдельных памятников. Актуален вопрос наличия авторского слова в исторических словарях. В статье на базе опыта работы составителей «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» выдвинуты критерии выделения авторского материала в истории языка и рассмотрены приемы лексикографирования таких единиц.

Ключевые слова: историческая лексикография, писательская (авторская) лексикография, русский язык XVI–XVII вв., лексика, фразеология, семантика, сочинения протопопа Аввакума.

Вопрос об исторической авторской лексикографии и авторском материале в исторических словарях

Ответ на вопрос, существует ли писательская историческая лексикография, далеко не прост. Есть различные типологии авторских словарей, и ряд из них включают и деление авторских словарей по временной перспективе, в соответствии с чем выделяются исторические авторские словари, построенные на основе произведений авторов прошлых эпох, и современные, построенные на основе текстов современных авторов [1. С. 65]. Однако определение границ исторической лексикографии неоднозначно, в том числе в применении к авторскому языковому материалу, дискуссионен и вопрос о том, какие авторы принадлежат к числу современных. При выделении таких типов авторских словарей, как стилистические и исторические [2, 3], под историческим словарем понимается словарь, «характеризующий язык эпохи, когда жил и творил писатель» [2. С. 112].

Во всяком случае можно с уверенностью утверждать, что на настоящий момент в отечественной лексикографии не существует писательской лексикографии донационального периода, т.е. отсутствуют словари, описывающие язык отдельных авторов до начала

XVIII в. Первый в хронологическом отношении описываемого материала авторский словарь – это создаваемый в ИЛИ РАН словарь языковой личности М.В. Ломоносова [4, 5].

Понятны определенные объективные основания такой лакуны; они состоят в отсутствии ярко выраженного авторского начала в древнерусской литературе. «Авторское начало было приглушено в древнерусской литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон» [6. С. 8]. Возможно, именно поэтому основой английской писательской лексикографии стало изучение творчества Шекспира [7], а в отечественной традиции эту нишу авторских исторических словарей (языка до XVIII в.) заняли словари отдельных памятников.

Существуют разные типы исторических словарей отдельных памятников: классический тип словаря-словоуказателя, представленный образцовой работой О.В. Творогова «Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник)» [8], толковый словарь, ярким примером которого является исследование «Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника» [9] (в переиздании – «Словарь «Моления» Даниила Заточника» [10]), уникальный в своем роде «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» [11], где в словарной статье описаны не только значения и оттенки слов, зафиксированные в «Слове о полку Игореве», но и значения слов, в нем не отмеченные, но существовавшие в русском языке этого периода. Классическому словарю языка писателя по своим принципам наиболее близок словарь «Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника», который в лексикографической форме раскрывает своеобразие языка памятника и описывает то, что в современной традиции называется стилем: «...задача исследования – исчерпывающе описать не только лексику и фразеологию литературного языка домонгольской Руси в той степени, в какой они отражены в этом памятнике, но по возможности показать особенности словоупотребления далекого, но талантливое и оригинальное писателя» [9. С. 4].

При том что авторское начало действительно не активно в древнерусской литературе, некоторые русские книжники (те самые немногие «солисты») обладали достаточно незаурядной манерой, которая вполне могла бы быть предметом лексикографического описа-

ния. Так, перспективной кажется идея создания словаря языка митрополита Илариона или произведений Епифания Премудрого. На рубеже 1980–1990-х гг. преподаватели кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета под руководством В.В. Колесова работали над составлением словаря Кирилла Туровского, но проект этот так и не был осуществлен. Таким образом, на вопрос, есть ли авторская лексикография русского языка донационального периода, следует отвечать: нет, но, как кажется, могла бы быть.

В связи с этим актуальным является вопрос, насколько составители толковых исторических словарей сталкиваются с проблемой авторского слова.

В русском языке XVI–XVII вв. уже достаточно ощутимо авторское начало, что происходит в связи с разрушением замкнутой жанровой пирамиды, изменением понятия канона и нормы, сложением стилистической дифференциации лексики; XVII в. – «бурный пограничный век русской истории – эпоха перестройки средневековой литературной системы, вызревания новых литературных явлений, трансформации старых и возникновения новых жанровых форм» [12. С. 1]. При включении в число источников исторического словаря самобытных текстов с уникальной, авторской стилистикой можно предположить, что в ряде случаев встает проблема авторского слова в истории языка и в историческом словаре.

В настоящей статье представлен опыт работы с таким материалом составителей «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (СОРЯ) [13]. Предметом описания этого словаря является язык периода начала формирования литературного языка – XVI–XVII вв., когда активизируется авторское начало в литературе. Замысел Словаря возник у Б.А. Ларина в начале 50-х гг. XX в. после печальной истории перевоза из Санкт-Петербурга в Москву картотеки ДРС, над которым Б.А. Ларин вместе с созданным им коллективом работал в 1934–1949 гг. [14]. В Санкт-Петербурге Б.А. Ларин задумывает, используя разработанные им принципы Древнерусского словаря, создать словарь русского языка эпохи Средневековья и определяет временные границы Обиходного словаря исходя из тезиса о начальном этапе образования национального русского языка (устного и письменного) [15]. Основной задачей «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–

XVII вв.» является системное и подробное описание лексики и фразеологии складывающейся в эпоху Московской Руси общерусской народно-разговорной речи, которая становится базой русского литературного языка Нового времени. В качестве источников Словаря была взята хорошо продуманная группа памятников XVI–XVII вв., среди которых представлены тексты различной жанровой принадлежности: это частно-деловые документы, семейная и дружеская переписка, разговорники и тематические словарики XVI–XVII вв., составленные иностранцами, русские повести XVII в., русская демократическая сатира, записи былин и исторических песен, пословицы XVII в., официально-деловые и переводные памятники [13. Вып. 1. С. 5–6]. Для наблюдения взаимодействия лексики разных пластов в круг источников были включены такие произведения, как «Послания Ивана Грозного», «Домострой», «Житие протопопа Аввакума», «Повесть о Савве Грудцыне», в связи с чем актуальной становится выработка приемов адекватного описания этого материала с использованием общей системы и принципов словаря при сохранении самобытности авторских единиц.

Возможность выделения авторского языкового материала в историческом словаре

Важный для авторской лексикографии вопрос «языковое или авторское», «узусальное или окказиональное» имеет особое звучание в исторической лексикографии в связи с абсолютностью факта фиксации и относительностью его хронологизирования в истории языка [16. С. 26] и в связи с определенной случайностью письменных свидетельств (слово почему-то дошло только в одном контексте, что не обязательно доказывает нетипичность данного факта для языковой системы). Представляется, таким образом, что на историческом материале нельзя однозначно говорить об индивидуальных авторских языковых единицах, они могут быть обозначены только как условно авторские.

В основном массиве лексики исторического словаря могут быть выделены следующие условно авторские элементы:

- а) лексические единицы;
- б) фразеологические единицы;
- в) семантические единицы.

Решающим для выделения такого материала является, на наш взгляд, сочетание следующих факторов:

а) статистического критерия: именно уникальность (но всегда предполагаемая), встречаемость только в текстах определенного автора – свидетельство авторского характера слова, фразеологизма, значения, употребления;

б) критерия выразительности: появление уникальной единицы с заданной авторской целью определенного воздействия на адресата и есть становление авторского начала. Лексемы с единичной фиксацией или характерные для определенного типа текстов не редкость в истории языка, однако только ограниченной фиксации недостаточно для приписывания лексеме авторского характера: например, только в тексте иностранных разговорников и руководств по изучению русского языка иностранцами отмечены лексемы *кавьяр*, *купор*, только в тексте Вестей-Курантов зафиксированы слова *графшавство*, *езовит*, *енералисим*, *высокоможный*, однако этот лексический и семантический материал не представляет интереса для писательской лексикографии.

«Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» дает определенную информацию о возможно авторском характере лексемы, так как в СОРЯ не только описывается весь наличный в картотеке материал, но и показывается его удельный вес в языке эпохи, т.е. словарная статья адекватно отражает состояние картотеки на это слово. Обязательной зоной словарной статьи в СОРЯ является указание на частотность и распространенность слова. Показатель частотности – это цифра в круглых скобках, которая приводится при заголовочном слове и указывает на количество источников, в которых встретилась толкуемая лексема (если памятников, где зафиксировано слово, больше 25, цифра не приводится). Кроме того, каждая словарная статья сопровождается и справочным отделом за знаком +, где указываются названия источников, не вошедших в иллюстративную часть, что позволяет судить об особенностях распространенности каждого слова. См.:

ЗИМУШНЫЙ, прил. (3) *Относящийся к прошлой зиме.* И о том много писать не треба: увидишь нашего порога степени величества на сей зиме прошение миру, то уже не зимушнее! А после того сказали, что твои [шведского короля Иоганна III] послы будут к Петро-

ву дни. *Посл. Ив. Грозного, 146, 1572 г.* Лета 7104... взято у Ондреева человека Петровича Клешина у Прокофья за зимушнюю пен[ь]ку сто третьяго году денегъ дватцать рублевъ. *Сл. Смол., 99, 1596 г. + зимушний XVI в.: ДТТ II.*

Вар. зимушний.

Таким образом, цифра-показатель частотности достаточно информативна: если она равна 1, значит, слово известно только в одном источнике, и соответствующая цифра при цитатах только из произведений определенного автора показывает читателю, что, возможно, это слово характеризуется сугубо авторским характером. Так, из словарных статей на слова *блазновато*, *бессоветие* следует, что эти лексемы зафиксированы только в сочинениях протопопа Аввакума:

БЛАЗНОВАТО, нареч. (1) □ безл. предикат. *Похоже на чудо, невероятно.* А еще сказать ли тебе, старец, повесть? Блазновато, кажется, – да было так. *Авв. Ж., 117, 1675 г.*

БЕССОВЕТИЕ, с. (1) *Несогласие, разлад.* В мимошедшее времена и рабичища слаще тово ели у вас, чем вы ныне питаетесь; а в пустошном сем только ропот и бессоветие. *Авв. Письма, 211, 1673 г.*

Справочный отдел «+» оформляется к каждому значению, соответственно единственные цитаты, иллюстрирующие значение, и отсутствующий справочный отдел (или справочный отдел, включающий указание на произведения того же автора) свидетельствуют о семантических авторских единицах: см. известное только в произведениях Аввакума разговорное значение 'метаться, дергаться' глагола *биться*:

БИТЬСЯ, несов. ... **б.** *Метаться, дергаться.* А он [одержимый бесом] пуци бесится, кричит, и дрожит, и бьется. *Авв. Ж., 111, 1675 г.*

Лексические авторские единицы

Ответ на вопрос, окказиональными или узуальными являются эти лексемы, очевидно, никогда не будет окончательным, но обобщение выделенных лексических фактов авторского употребления

позволяет увидеть как раз их неслучайность и проследить определенные тенденции в словоупотреблении разных авторов. Так, среди слов, зафиксированных только в письмах Ивана Грозного, нередко встречаются полонизмы, объяснимые особенностями воспитания и образования самодержца. Например, местоимение *жадный* ‘никакой’ [ср. польск. *żaden* ‘ни один, никакой’]: *А коли та земля особно стояла, а были оне наши данцики и были в ней мистр и арцыбискуп... а по городом были князцы, а Литовского чловека и иных господарств жаднаго в них чловека не бывало: и тогда з Литвою присега и опасные листы рушены же ли были? Посл. Ив. Грозного, 226, 1581 г.), И того тебе [Стефану Баторию] жадным словом указати нельзя, коли была Лифлянтская земля не разрушена, чтоб она была послушна к королевству Полскому (Там же, 228); лексемы гнезда *израд-*: *израдный* (с вариантом *зрадный*) ‘изменнический, предательский’, *израдить* ‘изменить кому-л., обмануть кого-л., предать’ и глагол несовершенного вида *израживать* (*Прислал еси [Ходкевич] к нашего порога величеству лист свой, а в нем широко писал, як же звыкли есте зрадным обычаем уживати, як же предкове твои израдным обычаем предков наших израдив, и от подданнаго холопства отлучилися (Посл. Ив. Грозного, 255, 1567 г.)*).*

В произведениях протопопа Аввакума встречается много незафиксированных в других памятниках письменности этого периода разговорных и даже тяготеющих к просторечию слов:

БРУСИТЬ, *несов.* (1) *Бормотать, бредить.* Вот, реку, она [Ф. Морозова] во сне брусит, и слушать нечево! Разве, реку, сама забываешь меня? А что, петь, о Иване том больно сокрушаешься? *Авв. Письма, 212, 70-е гг. XVII в.*

БРЯЗНУТЬ, *сов.* (1) *кого, по чему. Ударить.* У Николы тово и не мое смирение было, да не мог претерпеть: одинако Ария, собаку, по зубам брызнул. Ревнив был миленькой покойник. Не мог претерпеть хулы на святую Троицу. *Авв. Кн. обличений, 177, 1675 г.*

ЖУРИТЬ, *сов.* (3) *Выговаривать кому-л.; поругивать; выражать порицание, наставляя. – кого.* Надобе друг друга журить, как бы лутчи. *Авв. Письма, 214, 1673 г. – кому.* На утро архимарит с братьею пришли и вывели меня; журят мне, что патриарху не покорился, а я от писания ево браню да лаю. *Авв. Ж., 66, 1675 г.* А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему [Афанасий]. *Авв. Письма, 238, 1670 г.*

ЖУРЛИВЫЙ, прил. (1) *Любящий журишь, поругивать*. Аще-де мя запретишь, аз-де из кельи да и из пустыни от тебя, отца журливова, вон поиду. *Авв. Письма, 253, 1676 г.*

ДАВЕШНИЙ, прил. (1) *Связанный с недалеким прошлым; известный, встречавшийся в недалеком прошлом*. А буде не станешь слушать, так будешь в давешнем месте, где плакание то слышала. *Авв. Ж., 118, 1675 г.*

ГРУСТКО, нареч. (2) *безл.-предикат. О чувстве грусти, печали*. Из лотки вытаща, по каменью скована окол порога тащили. Грустко гораздо, да душе добро: не пеняю уж на Бога вдругорят. *Авв. Ж., 72, 1675 г. – кому*. Зело мне груско, да уже не тронули меня [бесы] и исчезли. *Авв. Письма, 240, 1670 г.*

Много в произведениях протопopa Аввакума уникальных композит, причем часто не книжного характера, а обиходной семантики: *бабоблуд* ‘сладостлюбец, развратник’, *блюдолиз* ‘кто занимается угодничеством’, *голоус* ‘безусый юнец’, *гордоус* (и *гордоусец*) ‘заносчивый, высокомерный человек’ и др.

Этот стиль «простодушного вяканья», бесхитростного речевого поведения и составляет стилиеобразующую доминанту текста произведений Аввакума, взаимодействующую с церковно-славянским стилистическим пластом и подчиненную, как было показано рядом исследователей, задаче символического осмысления реальности [17. С. 228, 230; 12. С. 7]. Реальность действительности, ее бытовая сфера в просторечном воплощении поднимаются до уровня священных событий и соединяются скрепами с сакральной сферой [12. С. 6].

Словарь в данном случае со всей статистической бесстрастностью фиксирует эту особенность стиля протопopa Аввакума, и как раз на фоне лексики других памятников XVI–XVII вв. своеобразие языка Аввакума проявляется особенно рельефно. Таким образом, ориентируясь на цифру-показатель частотности, в корпусе исторического словаря можно легко увидеть условно авторскую лексику, а всесторонний анализ этой лексики позволяет делать выводы о ее составе.

В ряде случаев индивидуальные авторские употребления являются пропущенными словообразовательными звеньями: например, в сочинениях Аввакума есть образования женского рода (*бесчинница, исповедница* и др.), при том что памятники этого периода фиксируют только соответствующие существительные мужского рода (*бес-*

чинник, исповедник), глаголы совершенного вида (*заворчатъ, завьтъ* и др.) от зафиксированных в памятниках этого периода глаголов несовершенного вида, наконец, представляющие особый интерес как особенность стиля экспрессивные образования от нейтральных лексем, известных в текстах того же периода: *дурачок, дурачище, игуменьшко, искусненько* и др.

Фразеологические авторские единицы

Понятие фразеологизма в истории языка неоднозначно прежде всего в связи с невозможностью в большинстве случаев установления момента фразеологизации (исторический принцип и заключается в учёте «постепенного накопления идиоматичности в развитии от текучих словосочетаний к неразложимым» [18. С. 147]) и сложностью интерпретации экспрессивности на историческом материале. Описывая фразеологию обиходного языка Московской Руси XVI–XVII вв., Е.И. Зиновьева подчеркивает, что в памятниках этого периода «встречается большое количество устойчивых словосочетаний различных типов, многие из которых лишь условно можно назвать фразеологизмами в современном понимании этого термина» [19. С. 5]. Устойчивые сочетания в СОРЯ выделяются и на основе наличия семантического сдвига, и на основе фактора частой встречаемости в текстах. При этом в соответствии с классификацией фразеологизмов, предложенной Б.А. Лариным, в лексикографическом описании различаются три типа устойчивых оборотов в зависимости от степени семантической спаянности компонентов: 1) идиомы; 2) мотивированные фразеологизмы, образованные путем метафорического или метонимического переноса; 3) устойчивые сочетания с обычным значением слов-компонентов, основным критерием выделения которых являются их устойчивость и частотность в текстах памятников или семантический сдвиг [20. С. 18–19].

Авторские фразеологические единицы также могут быть выделены на основании статистического критерия: цитаты из текстов только одного автора, иллюстрирующие в корпусе СОРЯ функционирование фразеологизмов, – свидетельство уникальности и, возможно, авторского происхождения таких устойчивых сочетаний. Особенно отчетливо в корпусе СОРЯ выделяются авторские фразеологические единицы, характерные для произведений протопопа Аввакума, см., например, фразеологическое сращение *знать ветер*

‘быть легкомысленным, ветрогоном’ (Накудесил много [Алексей Михайлович], горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня. *Авв. Кн. толк., 158, 1675 г.*); фразеологические сочетания *на баснях* ‘на словах, в противоположность действительным поступкам’ (На Устюге пять лѣтъ безпрестанно мерзь [Федор] на морозѣ бось, бродя в одной рубашке... Да что много говорить? – Какъ началъ, такъ и скончалъ! Не на басняхъ проходилъ подвигъ, не какъ я окаянной. *Авв. Ж., 57, 1675 г.*); *дружне дело* ‘по-дружески; являясь друзьями’, в значении вводного слова (Друг мой миленькой Еленушка! ... Да ветъ-су и я не выдам тебя: Ты там плачь, а я здесь! Дружне дело, как мне покинуть тебя? Хотя умереть, а не хочу отстать. *Авв. Письма, 290, 1670-е гг.*).

Среди таких условно авторских фразеологизмов многие устойчивые обороты также носят просторечный характер, см.: *Дайте срок!* (Дайте только срок, собаки, не уйдете у меня: надеюся на Христа, яко будете у меня в руках! Выдавлю я из вас сок-от! *Авв. Кн. толк., 163, 1672 г.*); *дело не станет (за кем-л.)* (Не тот Аввакум, ино другой. А за ним дело не станет спасения человеческого. Колесница та таки катится, как ей надобе. *Авв. Письма, 259, 1672 г.*).

Часто встречаются бранные фразеологизмы, известные только по произведениям конкретного автора: *адов пес* в произведениях Аввакума, *скурвины дети* в сочинениях Ивана Грозного, *бешеная собака* в сочинениях и Ивана Грозного, и Аввакума, и др. Такое количество авторской бранной лексики объяснимо тем, что и Иван Грозный, и протопоп Аввакум одержимы идеей обличить, заклеить презрением, т.е. ими руководят эмоция негодования и желание обличения, что во многом и определяет образный строй произведений.

Интересно, что среди авторских устойчивых оборотов целый ряд фразеологизмов, известных только по сочинениям Ивана Грозного и протопопа Аввакума, характеризуют манеру изложения. Так, с семантикой ‘не стоит более обсуждать, продолжать разговор’ известны следующие фразеологизмы: *О чем говорить?* (А о Ирике ведь мы к тебе [королю Иоганну III] ни с кем не приказывали и за него не говаривали и не вывечивали, и коли дела не было, ино о чем говорить? *Посл. Ив. Грозного, 152, 1573 г.*); *Да что того говорить?* (Я не Авраам, – не стану чадом звать [богатого, попавшего в ад]: собака ты! За что Христа не слушал, нищих не миловал?... Да что тово говорить? – по себе я знаю: хотя много надосадит никониянин... так мне

жаль станет. *Авв. Кн. бесед, 148, 1675 г.*); *Нечего много говорить!* (Попросту рещи: велик-де грех сотворил [Каин], нет мне прощения; нечево много говорить, пропал-де, да все тут. *Авв. Письма, 252–253, 1676 г.*); *Говорить о том полно* (Верный разумеет, что делается в земли нашей за нестроение церковное. Говорить о том полно; в день века познано будет всеми; потерпим до тех мест. *Авв. Ж., 57, 1672 г.*). Показательно, что, с одной стороны, такие выражения обладают известной разговорностью, а с другой – носят фактически риторический характер.

Семантические авторские единицы

Большой интерес вызывают не только лексические и фразеологические авторские единицы, но и семантические окказионализмы. Во-первых, потому, что такие нестандартные случаи иногда являются знаками будущих активных семантических процессов, а во-вторых, потому, что это интересно с точки зрения предлагаемых лексикографических решений.

К семантическим авторским единицам могут быть отнесены:

а) незафиксированные в других памятниках письменности этого периода значения и оттенки значения не единичных лексем (например, в произведениях Аввакума отмечена просторечная семантика глаголов *заглядывать* ‘бывать где-л., посещать кого-л., что-л.’ (Та же собака заглядывает и в нашу бедную Россию. *Авв. Письма, 202, 1676 г.*); *забить* ‘просунуть куда-л.’ (А говорит [священник Лазарь после урезания языка], яко и прежде, играет надо мною: «шупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось не откушу!» *Авв. Ж., 107 (сноска 1), 1673 г.*);

б) уникальные употребления слова (например, ситуативная метонимия, когда обозначение целой ситуации сводится к предметному компоненту значения слова: см. в сочинениях Аввакума *дрова* ‘о смертной казни через сожжение’: Ныне нам от никониян огонь и дрова, земля и топор, и нож, и виселица; тамо ангельския песни и слово-слобие, хвала и радость и честь и вечное возрадование. *Авв. Кн. бесед, 142, 1669–1675 гг.*).

Иногда такие условно авторские употребления встречаются в сочинениях Ивана Грозного, протопопа Аввакума и больше нигде, т.е. наблюдается тенденция выраженного авторского начала, состоящая в том, что выдающиеся люди своего времени (выдающиеся по очень

разным заслугам и разделенные более чем веком) оказываются схожи в своих языковых пристрастиях и вкусах, фактически в своем стиле, что, возможно, обусловлено неординарным языковым даром и того и другого, т.е. именно принадлежностью к «солистам», а не к хору, к Авторам. Их авторское новаторство и заключалось в том, что текст имел ярко выраженную личностную окраску.

Например, только в произведениях Аввакума и Ивана Грозного прилагательное *жестокый* развивает семантику 'проявляющийся в полную силу': Се и корабли, толице суще велици, от жестоких ветров заточяеми, обращаются малым кормильцем, яко же аще стремление правящему хоцет: тако и язык мал уд есть, и вельми хвалитца. *Посл. Ив. Грозного, 21, 1564 г.* А егда я был в Сибири, – туды еще ехал, – и жил в Тобольске, привели ко мне бешанова, Феодором звали. Жесток же был бес в нем. *Авв. Ж., 115, 1675 г.*

В ряде случаев условно авторские семантические единицы сигнализируют об активных в языке впоследствии процессах. Например, в произведениях Ивана Грозного и затем у Аввакума встречаем интересный случай синекдохи. Переносов по типу синекдохи в обиходном русском языке Московской Руси достаточно много, и они традиционны (см.: А онис и гвоздика, шаврань и кардамон, и изюмные и винные ягоды... на все стороны лопатами мечут. *Сказ. о роск. житии, XVII в.*), но из одушевленных существительных перенос по типу синекдохи хорошо известен только в отношении обозначений зверей и практически никогда людей. А среди авторских семантических единиц наблюдается синекдоха одушевленных существительных-обозначений названий жителей, когда единственное число используется в собирательном значении с семантикой реальной множественности. См.: *герман* 'жители Германии', *ед. в знач. собир.* (Посылали [Курбский и его единомышленники Глинского] ...гермона воевати, и от того времени от попа Сильвестра и от Олексея и от вас какова отягчения словесная пострадах. *Посл. Ив. Грозного, 48, 1564 г.*), *поляк* 'жители Польши', *ед. в знач. собир.* (оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу. *Авв. Ж., 94, 1675 г.* (ср. уже в языке национального периода у А.С. Пушкина: *швед, русский колет, рубит, режет*).

Приемы лексикографической интерпретации авторского материала в историческом словаре

Сочинения протопопа Аввакума, письма Ивана Грозного включены в корпус источников СОРЯ как характерные памятники своего времени, язык которых иллюстрирует взаимодействие различных пластов лексики, оформление стилистического расслоения лексического состава в начальный период сложения национального русского языка. Авторский материал в толковом историческом словаре едва ли требует специальных приемов лексикографической интерпретации и специальных особых помет. Но при этом перед авторами исторического словаря стоит задача с помощью метаязыка словаря грамотно описать авторский материал и при необходимости показать его своеобразие.

а) Толкования.

Особая нагрузка при лексикографировании авторского материала падает на толкования. Вообще говоря, в исторической лексикографии, основанной на ограниченном лексическом материале, принципиально выведение семантики из имеющихся документированных фиксаций, а не реконструкция гипотетического, абстрактного общего значения и не обобщение до некоего системного, языкового значения. Применительно к авторскому материалу этот принцип еще более актуален и важен. В ряде случаев условно авторским единицам приходится давать очень контекстное, т.е. следующее из цитаты, толкование. См.:

БЕГУН, м. (1) *Вероотступник*. Стоящи же в церкви яко изумлени и неми, и глуши, и слепи слышавше не слышат и видяше не разумеют, ни болезнуют о разрушении церковного устава. Все бегуны, все потаковники, все своя си ищут, а не яже суть Божия. *Авв. Письма*, 232, 1677 г.

ЖАРИТЬ... 2. *кого*. *Подвергать смертной казни через сожжение*. И прочих наших на Москве жарили да пекли: Исаяю сожгли, и после Авраамия сожгли, и иных поборников церковных многое множество погублено, их же число Бог изочтет. *Авв. Ж.*, 108, 1675 г. *Кормят, кормят, да в лоб палкою, да и на огонь жарить*. *Авв. Письма*, 224, 1673 г.

БЕДА... || *Все противное Богу, греховное*. И в твоём брюхе том не меньше робенка бабья наложено беды тоя – ягод миндальных, и

ренсково, и романей, и водок различных с вином процеженных налил: как и подпоясать. *Авв. Кн. бесед., 134, 1672 г.*

При том что СОРЯ – словарь языка определенного периода, а не авторский словарь и даже не словарь одного произведения или одного жанра, иногда материал настолько самобытен и так выделяется на общезыковом фоне, что в толкование включается указание на авторское использование этого слова. См.:

ИСПЕЧЬСЯ, сов. (1) *В сочинениях Аввакума. О человеке. Будучи сожженным, послужить истинной вере. – образно. Аще и все тело огню предашь, и мы хлеб сладок святей Троицы испечемся. Авв. Письма, 301, 1676 г.*

ГОРЮН, м. (3) *Человек, у которого в жизни много горя (в знач. 1), бед; горемыка. В сочинениях Аввакума: кто причиняет горе, беды; презираемые и ненавидимые никониане. Излиял Бог на царство фиял гнева своего! Да не узнались горюны однако,— церковью мятут. Авв. Ж., 69, 1675 г. Помилуй их, Христос, бедных! Потеряли, горюны, Христа-Бога, поработилися страstem сего века. Авв. Письма, 243, 1673 г. Накудесил много [царь Алексей Михайлович], горюн, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня... ища станы святых, како бо их поглотить и во ад с собою свести. Авв. Кн. толк., 158, 1675 г. Я, заплакав, благословил ево [Козьму], горюна; больши тово нечева мне делать с ним; ведает то Бог, что будет ему. Авв. Ж., 94, 1675 г.*

Концепт горя вообще очень важен для понимания образной системы произведений протопопа Аввакума, что находит отражение и в лексическом строе его произведений: лексема *горе* 15 раз встречается в тексте «Жития протопопа Аввакума», входя в первые по частотности 150 знаменательных слов этого произведения, активно используются и однокоренные лексемы (*горький, горько, горести, горюн, горюша, горемыка*). Однокоренные слова *горюн* и *горюша* – условно авторские лексические единицы, они известны только в произведениях Аввакума, но их семантика совершенно различна: слово *горюша* имеет значение ‘тот, у кого много горя’ и относится к бедствующим соратникам Аввакума и его близким, являясь синонимом слова *горемыка* (Спаси Бог, что не забываешь [Маремьяна Феодоровна] бедных протопопицы с детьми. Посажена горюша так же в

землю, что и мы, с Иваном и Прокопием. *Авв. Письма, 239, 1670 г.*), а слово *горюн* обычно характеризует в произведениях Аввакума его преследователей.

Толкования должны быть исторически достоверны и соответствовать функционированию лексем в конкретных текстах. Так, для произведений Аввакума типично использование общеупотребительных лексем (без изменения их значений) для характеристики Никона и никониан, и эта особенность авторского словоупотребления отражается в словарной статье СОРЯ в виде употребления с соответствующим толкованием:

ЕРЕТИК... – *О никонианах с точки зрения старообрядцев. Овых еретики пожигают, а инии, распальшеса любовию и плакав о благоверии, не дождався еретического осуждения, сами во огонь дерзнувше. Авв. Письма, 234, 1677 г.*

ЖИДЫ и ЖИДОВЕ, *мн.*; **жид** и **жидовин**, *ед.* ... – *с определением. Никониане с точки зрения старообрядцев. А нынешние жиды, в огонь сажая правоверных христиан, тоже ругаяся говорят: аще-де праведен и свят, и он-де не сгорит! Авв. Кн. толк., 150, 1676 г. Не смейся враг, новой жидовин, распенше Христа! Авв. Письма, 225, 1670-е гг.*

ЗИМА... – *в образном контексте. О церковной политике Никона. Аз же ей [жене] подробну известих: Жена, что сотворю? зима еретическая на дворе; говорить ли мне или молчать? — связали вы меня! Авв. Ж., 87, 1675 г.*

б) Функционально-стилистические пометы.

Привлекать внимание к нестандартным значениям, нетиповым переносам, случаям особого функционирования могут такие функционально-стилистические пометы, как *перен.*, *образно*, *в сравн.*

Помета *перен.*, оформляющая значения, образованные с помощью переноса наименования и отражающие живой образ, используется авторами СОРЯ постоянно и достаточно системно, но в ходе работы над лексикографическим проектом произошла некоторая трансформация принципа постановки этой пометы. В первых выпусках СОРЯ эта помета оформляла и значение, и оттенок, и употребление, но при постановке после употребления фактически дублировала помету *образно*, потому что и в том и в другом случае указывалось на использование лексемы в иносказательном контексте. В по-

следующих выпусках СОРЯ помета *перен.* оформляет только значение, реже оттенок значения, в то время как при употреблении ставятся пометы *образно* или *в образном контексте*. Кроме того, помета *перен.* выполняет функции и пометы *метон.*, оформляя в последних выпусках СОРЯ типовые переносы наименования как метафорического, так и метонимического характера. С точки зрения семасиологии метафора и метонимия – равнозначные по статусу типы переноса наименования, в результате которых возникает переносное значение, а тот факт, что помета *перен.* оформляет метафорические переносы, – это только исторически сложившаяся лексикографическая традиция.

Таким образом, помета *перен.* ставится при нестандартных переносах значения (метафорических и метонимических). Авторские семантические единицы как раз нетиповые, и помета *перен.* (при значении и при оттенке значения) часто их оформляет:

БОЛЕЗНЕННЫЙ... 5. *перен.* *Горячо ратующий, ревностный.* – о чем. А с кем молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет. Феодор же ревнив гораздо был и зело о деле Божии болезнен; всяко тшится разорити и обличати неправду. *Авв. Ж., 100, 1675 г.*

ДЫШАТЬ... 2. *перен.* *Жить, существовать.* Свет моя [боярыня Ф. П. Морозова], еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя? *Авв. Письма, 215, 1670 г.* Мы же, оставшии, еще дышуще, о всех сих [убиенных] поминание творим жертвою, со слезами. *Авв. Кн. бесед, 126, 1675 г.*

ГОРЕТЬ... 6. *перен.* *Испытывать сильное чувство.* – кому чем. Все помыслы злыя отринь и единому Богу гори душею. *Авв. Письма, 209, 1670 г.* || о ком, о чем. *Переживать, сильно беспокоиться.* Тако и я: аще и отдален от вас, но с вами горю купно о Христе Иисусе, господе нашем. *Авв. Письма, 224, 1675 г.*

ЖЕЛЕЗНЫЙ... 5. *перен.* *Полученный в результате повреждения металлическими предметами. ... – Об истертости кандалами.* И рукава прислали [Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова] рабам своим от чепей с ошейников железом истертые, а с Марьины шеи полотенцо железное же. *Авв. Письма, 300, 1676 г.*

Пометы *образно* и *в образном контексте* оформляют случаи особого употребления, функционирования слова, когда особая се-

мантика еще не формируется, но имеет место особое применение слова, часто это символические контексты:

ДРЕВО... 1. Многолетнее растение с твердым стволом и ветвями, образующими крону... – образно. А иной вор за голову невесту Христову [церковь] ухватил и венец богоукрашенный сорвал, еже есть древо жизни и спасения, древо бессмертия, древо разума. *Авв. Кн. бесед, 145, 1675 г.*

ЖЕЗЛ... 2. Посох, палка для опоры... – образно. Вы [Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова] и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! *Авв. Письма, 216, 1674 г.*

При показе авторских употреблений очень важна демонстрация слова в его функционировании в тексте, поэтому в словаре отмечается употребление слова в исходном значении в сравнении. Сравнения очень важны в текстах протопопа Аввакума и, как правило, являются метафоричными [12. С. 6–7], «сравнения у Аввакума передают обширную гамму разнообразных оттенков настроения, позволяют автору Жития соотнести поступки своих врагов, сподвижников и свои собственные с высокими образцами, которые дает священная история, противопоставить свои деяния «злокозненным» действиям никониан» [21. С. 323]. Пометы – *в сравн.*, если слово является стержневым словом сравнения, и – *в составе сравн.*, если слово входит в формулу сравнения, не будучи стержневым, позволяют обратить внимание на семы, на которых основано уподобление. Таким образом, в корпусе словарной статьи показываются, в частности, яркие, очень образные (часто анималистические) сравнения Аввакума:

ГОЛУБИЦА – *в сравн.* Маремьяна Феодоровна, свет моя, еще ль ты жива, голубка? Яко голубица посреде крагуев [‘ястребов’] ныряешь и так и сяк, изрядное и избранное дитячко церковное и мое. *Авв. Письма, 238, 1670 г.*

БЫК... – *в составе сравн.* Что в землю ту глядишь, что бык истурился? *Авв. Письма, 253, 1672 г.*

в) Эмоционально-экспрессивная характеристика.

Интересный вопрос – показ в словаре авторской эмоции. При том что постановка стилистических помет крайне сложна в истори-

ческих словарях, вопрос этот неизбежно встает, в частности в отношении авторского материала, часто экспрессивного: «Все повествование пронизано субъективным отношением Аввакума к многочисленным людям и событиям, о которых он рассказывает... Аввакум оценивает своих единомышленников и врагов, их речи и поступки, самого себя, свои деяния и речи, используя для этого стройную систему разнообразных языковых средств, среди которых словообразовательные, морфологические, синтаксические, фразеологические» [21. С. 321, 323]. Чтобы передать экспрессивный характер лексем, в словаре могут быть использованы эмоционально-экспрессивные пометы общего характера (в случаях словообразовательной производности в сочетании с отсылочным толкованием):

ДРУЖЕЦ, *м.* (1) *Ласк.* → **друг**. – *В обращении.* Ну, дружец мой, не сердитуй жо! Правду тебе говорю. Кто ково любит, тот о том печется и о нем промышляет пред Богом и человеки. *Авв. Ж., 208, 1675 г.*

ГЛАЗИЩЕ, *с.* (1) *обычно мн. Экспр.* → **глаз 1**. Глупая, безумная, безобразная [Ф. П. Морозова], выколи глазища те свои челноком, что и Мастридия. Оно лутче со едином оком внити в живот, нежели две оце имуще ввержену быти в геену. *Авв. Письма, 208, 1675 г.*

При толковании глаголов интенсивной семантики, которые часты в сочинениях Аввакума и во многом определяют его стиль, интенсивность действия может быть передана описательным толкованием:

БРЯКНУТЬ, *сов.* (1) *кого, обо что. С силой бросить, вызвав шум.* Как справился Андрей и брякнул чернова о камень лбом, так белоризцем радость веляя и веселие. *Авв. Письма, 280, 70-е гг. XVII в.*

г) Энциклопедические сведения.

Иногда авторское значение или окказиональное употребление слова нуждается в историческом пояснении и дополнительных исторических или иных энциклопедических сведениях. Такая энциклопедическая информация может быть отражена в толковании слова:

□ **Земское**, с. *Земщина* – основная часть территории Московского государства, которая при Иване Грозном не вошла в особый царский удел (*опричнину*). Ино ж тово не ведая, якии же скурвины дети, як же и ты [Хоткевич], глаголют, а у государя нашего опричнины и земского нет; вся его царская держава в его царской дещице. *Посл. Ив. Грозного, 271, 1567 г.*

Но чаще дополнительная информация оформляется в виде специального экстралингвистического комментария, помещаемого в словарной статье в квадратных скобках:

ДУДА... – *образно*. Мы великий государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси нашего царского повеления слова – нашего княжества Литовского дворянину думному и князю Александру Ивановичу Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то все дудино племя!). *Посл. Ив. Грозного, 202, 1577 г.* [По мнению А. М. Панченко, речь идет о семье Родионовичей Квашниных: Василии Дуде Родионовиче Квашнине, Иване Пищале Квашнине, Степане Самаре Квашнине, Прокопии Разладе Квашине, Якове Квашнине – правнуках московского боярина Ивана Родионовича Квашнина, возглавлявшего один из полков во время сражения на Куликовом поле (Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984).]

Выводы

На настоящий момент в отечественной лексикографии нет писательских словарей, описывающих материал донационального периода. Эту нишу занимают словари (разного типа) отдельных памятников. При этом, как кажется, историческая писательская лексикография, описывающая языковой материал до XVIII в., могла бы существовать, и научный интерес представляет исследование в лексикографическом виде произведений отдельных авторов.

Работа по составлению СОРЯ вплотную подводит нас как авторов к идее создания словаря языка протопопа Аввакума. Представляется, что это мог бы быть особый тип словаря, сочетающий принципы толкового исторического и авторского словаря, с обязательным включением частотно-грамматических сведений, а также текстологического и литературоведческого комментария.

Авторское слово в историческом словаре, действительно, выделяется в общем языковом массиве; обращают на себя внимание не-

типичные, засвидетельствованные только в произведениях конкретного автора лексемы, фразеологизмы, семантические единицы. С учетом определенной фрагментарности исторических свидетельств такие явления могут быть охарактеризованы как условно авторские, и оправданно создание писательского словаря, интерпретирующего их с учетом языка конкретного периода. В толковом историческом словаре эти элементы едва ли требуют специальных лексикографических помет, но правильное использование метаязыка словаря и определенных приемов должно помогать читателю исторического словаря увидеть своеобразие авторского слова. Так, в СО-РЯ цифра-показатель частотности указывает на единичность фиксации и сигнализирует об уникальной авторской лексике, выделяются авторские употребления, образные контексты, использование слова в сравнениях. Особое внимание уделено толкованиям и показу функционирования лексемы. Таким образом, при сохранении общей системы и применении принципов словаря составители стараются продемонстрировать читателю самобытность авторского материала на широком фоне языка эпохи.

Литература

1. Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 465 с.
2. Карпова О.М. О двух типах словарей в мировой писательской лексикографии (исторический и стилистический словари языка писателя) // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. – 2007. – Вып. 522. – С. 110–115.
3. Карпова О.М. Словари языка писателей в английском и русском языках // Английская филология в переводческом и сопоставительном аспектах. – СПб., 1995. – С. 97–101.
4. Словарь языка М.В. Ломоносова / гл. ред. Н.Н. Казанский. – Вып. 1–5. – СПб.: Нестор-История, 2010–2011.
5. Риторика М.В. Ломоносова: проект словаря / науч. ред. П.Е. Бухаркин, С.С. Волков, Е.М. Матвеев. – СПб.: Геликон-Плюс, 2013. – 132 с.
6. Лихачев Д.С. Великий путь: Становление русской литературы XI–XVII веков. – М.: Современник, 1987. – 301 с.
7. Schmidt A. Shakespeare lexicon. – London; Berlin: Reimer Williams & Norgate, 1886.
8. Творогов О.В. Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словник). – Киев: Наукова думка, 1984. – 218 с.
9. Лексика и фразеология «Моления» Даниила Заточника / Б.Л. Богородский, А.С. Герд, Е.М. Иссерлин и др.; идея: Б.А. Ларин; отв. ред. Е.М. Иссерлин. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 232 с.

10. *Словарь «Моления» Даниила Заточника* / подгот. к переизд. А.С. Герд, С.Св. Волков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 236 с.
11. *Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»*: в 6 вып. – Л.: АН СССР, 1965–1984.
12. *Герасимова Н.М.* Художественное своеобразие «Жития» протопопа Аввакума: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 16 с.
13. *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* – Вып. 1–6. – СПб.: Наука, 2004–2014.
14. *Астахина Л.Ю.* История картотеки: Словарь русского языка XI–XVII вв.: справ. выпуск / Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2001. – С. 7–58.
15. *Ларин Б.А.* Заметки о «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» / публ. и примеч. С.С. Волкова // Вопросы теории и истории языка: сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – СПб., 1993. – С. 5–9.
16. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – 255 с.
17. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики: Наблюдения над стилем жития протоп. Аввакума [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/critics/vvt-195-.htm> (дата обращения: 14.07.2016). – С. 195–293.
18. *Ларин Б.А.* Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. – М.: Наука, 1977. – С. 125–149.
19. *Зиновьева Е.И.* Очерки по фразеологии обиходного русского языка Московской Руси 16–17 вв. – СПб.: Изд-во Осипова, 2012. – 148 с.
20. *Ларин Б.А.* Инструкция Псковского областного словаря. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – 23 с.
21. *Меркулова М.В.* Речевая структура образа автора в «Житии» протопопа Аввакума // Тр. Отдела древнерусской литературы, т. 32. – Л., 1977. – С. 319–331.

Список сокращений названий источников

- Авв. Ж.* – Житие протопопа Аввакума // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1960. – С. 53–122.
- Авв. Кн. бесед* – А в в а к у м. Книга бесед // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1960. – С. 123–148.
- Авв. Кн. толк.* – А в в а к у м. Книга толкований // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1960. – С. 149–174.
- Авв. Письма* – А в в а к у м. Письма // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия. – М., 1960. – С. 185–294.
- ДТП II* – Дела Тайного приказа. – Кн. 3, – СПб., 1904 (РИБ. Т. 23). – 953 с.
- Посл. Ив. Грозного* – Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1951. – 741 с.
- Сказ. роск. житии* – Сказание о роскошном житии и веселии // Русская демократическая сатира XVII в. / подгот. текстов В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1954. – С. 39–42.

Сл. Смол. – Региональный исторический словарь 2-й половины XVI–XVIII в.: По памятникам письменности Смоленского края / отв. ред. Е. Н. Борисова. – Смоленск: СГПУ, 2000.

THE AUTHOR'S WORD IN A HISTORICAL DICTIONARY

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 67–90.

DOI: 10.17223/22274200/10/5

Elena V. Generalova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: elena-generalova@yandex.ru

Keywords: historical lexicography, historical lexicology, author lexicography, Russian of 16th–17th centuries, lexis, phraseology, semantics, writings of the Archpriest Avvakum.

Currently in Russian lexicography there are no author dictionaries describing material of the pre-national period. This niche is occupied by dictionaries of separate texts. At the same time, apparently, historical author lexicography describing language material till the 18th century could exist, and research in the lexicographic form of works of certain authors presents academic interest.

Author's material in a historical dictionary is separated in the general language volume by the following criteria: a) statistical criterion, b) criterion of expressiveness: emergence of a unique unit with a set author's purpose of a certain impact on the addressee is the formation of the author's factor. Taking into account a certain fragmentariness of historical evidence, such material can be characterized as conditionally author's, and creation of an author dictionary interpreting material on a wide background of the language of a specific period is justified. The lexicon of a historical dictionary the following conditionally author's elements can be allocated: a) lexical units; b) phraseological units; c) semantic units. In an explanatory historical dictionary these data hardly require special lexicographic marks, but the correct use of the metalanguage of the dictionary and certain techniques shall help the reader of a historical dictionary to see the originality of the author's material.

In the article, based on the work experience with a similar material in *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries], an explanatory historical dictionary of the Russian Middle Ages, some ways of describing such facts in a lexicographic form are considered. The frequency indicator figure specifies the singularity of fixing and signals about the unique author's material. In case of describing the author's material interpretations are of great importance: in some cases conditionally author's units are given very contextual, i.e. following from a quote, interpretation, and sometimes material stands out against the common-language background so that interpretation includes specifying the author's use of this word. To draw attention to non-standard meanings, non-standard transfers, to cases of special functioning some special functional and stylistic marks are used. To transfer the expressive nature of lexemes, emotional and expressive marks of general nature (in cases of derivation in combination with referential interpretation) and descriptive interpretation to express the intensity of action can be used in the dictionary. The author's meaning or the occasional use of a word can need a historical explanation and additional historical or other encyclopedic data which are most often arranged in the form of a special extralinguistic commentary. Thus, when preserving the general system and using the principles of the dictionary authors try to show to the reader the specific author's material against the background of the language of an epoch.

References

1. Shestakova, L.L. (2011) *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremennost'* [Russian author lexicography: theory, history, modernity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. Karpova, O.M. (2007) O dvukh tipakh slovarey v mirovoy pisatel'skoy leksikografii (istoricheskiy i stilisticheskiy slovari yazyka pisatelya) [On two types of dictionaries in the world writer lexicography (Historical and stylistic writer's language dictionaries)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya Yazykoznanie*. 522. pp. 110–115.
3. Karpova, O.M. (1995) [Dictionaries of writers' language in English and Russian]. *Angliyskaya filologiya v perevodcheskom i sopostavitel'nom aspektakh* [English philology in the translation and comparative aspects]. Proceedings of the conference. St. Petersburg. pp. 97–101.
4. Kazanskiy, N.N. (ed.) (2010–2011) *Slovar' yazyka M.V. Lomonosova* [Dictionary of M.V. Lomonosov's language]. Vols 1–5. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Bukharkin, P.E., Volkov, S.S. & Matveev, E.M. (eds) (2013) *Ritorika M.V. Lomonosova: proekt slovarya* [The rhetoric of M.V. Lomonosov]. St. Petersburg: Gelikon-Plyus.
6. Likhachev, D.S. (1987) *Velikiy put': Stanovlenie russkoy literatury XI–XVII vekov* [The Great Way: the development of Russian literature in the 11th–17th centuries]. Moscow: Sovremennik.
7. Schmidt, A. (1886) *Shakespeare lexicon*. London; Berlin: Reimer Williams & Norgate.
8. Tvorogov, O.V. (1984) *Leksicheskiy sostav "Povesti vremennykh let" (slovoukazateli i chastotnyy slovník)* [The lexical structure of The Primary Chronicle (word index and frequency glossary)]. Kiev: Naukova dumka.
9. Isserlin, E.M. (ed.) (1981) *Leksika i frazeologiya "Moleniya" Daniila Zatochnika* [The vocabulary and phraseology of the Supplication of Daniel the Exile]. Leningrad: Leningrad State University.
10. Gerd, A.S. & Volkov, S.Sv. (eds) (2007) *Slovar' "Moleniya" Daniila Zatochnika* [Dictionary of the Supplication of Daniel the Exile]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
11. Bogorodskiy, B.L. et al. (eds) (1965–1984) *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve": v 6 vypuskakh* [Dictionary of the Tale of Igor's Campaign: in 6 volumes]. Leningrad: USSR AS.
12. Gerasimova, N.M. (1986) *Khudozhestvennoe svoebrazie "Zhitiya" protopopa Avvakuma* [Artistic originality of The Life of the Archpriest Avvakum]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
13. Mzhel'skaya, O.S. et al. (eds) (2004–2014) *Slovar' obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv.* [Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. Vols 1–6. St. Petersburg: Nauka.
14. Astakhina, L.Yu. (2001) Istoriya kartoteki [History of the catalogue]. In: *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Spravochnyy vypusk* [Dictionary of Russian of the 11th–17th centuries. Reference issue]. Moscow: Nauka.
15. Larin, B.A. (1993) Zametki o "Slovar'e obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi" [Notes on the Dictionary of the everyday Russian language of Moscow]

Rus]. In: *Voprosy teorii i istorii yazyka: Sb. st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.A. Larina* [Theory and history of the language: on the 100th anniversary of the birth of B.A. Larin]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

16. Bogatova, G.A. (1984) *Istoriya slova kak ob"ekt russkoy istoricheskoy leksikografii* [The history of the word as an object of Russian historical lexicography]. Moscow: Nauka.

17. Vinogradov, V.V. (1923) *O zadachakh stilistiki. Nablyudeniya nad stilem zhitiya protop. Avvakuma* [On the tasks of stylistics. Observations on The Life of the Archpriest Avvakum]. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/avvakum/critics/vrr-195-.htm>. (Accessed: 14th July 2016).

18. Larin, B.A. (1977) *Ocherki po frazeologii* [Essays on phraseology]. In: Larin, B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshchee yazykoznanie* [History of the Russian language and general linguistics]. Moscow: Nauka.

19. Zinov'eva, E.I. (2012) *Ocherki po frazeologii obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi 16-17 vv.* [Essays on the phraseology of the everyday Russian language Moscow Rus of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: izd-vo Osipova.

20. Larin, B.A. (1961) *Instruktsiya Pskovskogo oblastnogo slovarya* [Instructions of the Pskov regional dictionary]. Leningrad: Leningrad State University.

21. Merkulova, M.V. (1977) *Rehevaya struktura obraza avtora v "Zhitii" protopopa Avvakuma* [The speech structure of the image of the author in The Life of the Archpriest Avvakum]. *Tr. Otd. drevnerusskoy literatury*. XXXII. pp. 319–331.

И.В. Лукьянова

ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТОЛКОВЫХ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЕЙ ФИТОНИМОВ

В статье рассматриваются информативные возможности толковых словарей диалектной фитонимики на примере сопоставления «Словаря народных названий растений Урала» и «Словаря фитонимов Среднего Приобья». Анализируются макро- и микроструктура, принципы организации словарей, содержание заглавной зоны, зоны толкования и иллюстративной зоны, в том числе с источниковедческих позиций. Изучаются возможности использования словарей для лингвистических исследований различной аспектualiзации.

Ключевые слова: диалектная фитонимика, названия растений, толковый словарь, словарная статья, диалектная лексикография.

В крестьянском укладе жизни человек органично вписан в мир окружающей природы. Сезонный календарь, погодные явления, ландшафты, животные и растения стали частью ежедневного бытия, а значит, объектами внимательного изучения и осмысления в рамках наивной картины мира. Значительным ее фрагментом является комплекс знаний и верований, связанных с растительным царством, который репрезентируется в диалектной фитонимике.

Большое разнообразие растений, многовариантность их использования в повседневном быту сельских жителей, включенность в народные сакральные практики и фольклорные мотивы определяют богатство лексико-семантической группы фитонимов в общем составе лексики говоров.

Так как фитонимическая лексика достаточно древняя система, в процессе длительного функционирования сформировались многочисленные синонимические (дублетные) и полисемические ряды, произошло обогащение диалектов названиями растений из литературного языка и ботанической номенклатуры.

Живое воплощение народной материальной и духовной культуры, народной речевой культуры, названия растений достаточно давно привлекли внимание исследователей этнографов и лингвистов-диалектологов. В частности, в томской диалектологической школе целенаправленное выявление и сбор диалектных фитонимов осуще-

ствлялись с 50-х гг. XX в. [1. Т. 1. С. 4]. Записанные во время диалектологических экспедиций названия растений вошли в ряд диалектных словарей, издающихся исследователями школы с 1964 г. Интерес к функционирующим в говорах названиям растений был проявлен и уральскими диалектологами, которые осуществляли запись фитонимов в процессе исследования всей диалектной лексики региона.

При этом опытные лексикографы отмечают, что фитонимическая лексика является одной из самых сложных тематических групп лексики для сбора [2. С. 16]. Сложность представляет идентификация растения в целях поиска соответствия в научной ботанической номенклатуре и точного соотнесения с обозначаемым в словарной статье. Непростыми являются и сами условия сбора материала в короткий сезон цветения растений, когда проще их опознавать и информантам, и исследователям. Достаточно трудно выявить парадигматические отношения между лексическими единицами: дублетных, формального варьирования и полисемии. Тем не менее все эти сложности были преодолены, собран уникальный обширный материал функционирующих в говорах названий растений. Объем материала предполагал возможность подготовки дифференцированных словарей народных фитонимов.

Первый системный словарь народных названий растений вышел в 2000 г. в Екатеринбурге и охватывал уральские говоры [3]. Автор словаря Н.И. Коновалова представила в своей работе более 1000 наименований дикорастущих трав, собранных в 35 районах и областях Урала. По мнению составителя словаря, названия дикорастущих трав наиболее интересны для исследователей, во-первых, как «дающие наиболее полную информацию о процессах естественной номинации растений», а во-вторых, как составляющие «самый значительный пласт фитонимической лексики (около 80% всех названий растений)» [3. С. 4].

В 2006 г. увидел свет первый том «Словаря фитонимов Среднего Приобья» [1] В.Г. Арьяновой, в 2007–2008 гг. вышли второй и третий тома этого словаря, масштабы работы над которым трудно переоценить. В полном синхронном толковом словаре представлены 760 словарных статей, которые содержат 3780 фитонимов, собранных в течение нескольких десятилетий коллективом томских диалектологов и лично автором словаря в полевых условиях в старожильческих селах среднеобского бассейна Томской и Кемеровской

областей. Среднеобские старожильческие говоры на сегодня являются наиболее изученными говорами страны [4. С. 31]. В.Г. Арьяновой была проделана большая работа не только по полевому сбору материала, но и по расшифровке и обработке более 40 000 магнитофонных записей, а также систематизации растений и соотнесению их с ботанической научной номенклатурой (русское и латинское наименования). В состав словарного материала вошли диалектные фитонимы, диалектные варианты общерусских названий растений, общерусские названия, функционирующие в среднеобских говорах и обозначающие дикорастущие, включая деревья, кустарники, травы, грибы, ягоды и культурные растения, в том числе комнатные и названия сортов. В рецензии на вышедший первый том словаря Г.В. Калиткина отметила: «Многие из тех, кто откроет этот словарь, наверное, никогда не слышали и половины названий, собранных в нем, и не обращали внимания на те растения, которые являются неказистыми повсеместными обитателями закоулков дворов, обочин дорог, лесных опушек и лугов и создают для всех нас не просто среду обитания, а неповторимую малую родину» [5. С. 127].

На сегодняшний день эти два труда являются единственными толковыми словарями диалектной фитонимики и наиболее полно представляют эту лексико-семантическую группу. Как уже отмечалось, лексико-семантическая группа названий растений по причине своего богатства и многообразия, тесной связи с крестьянской культурой является привлекательным материалом для лингвистических исследований различной аспектуализации. Толковые словари функционирующих в говорах фитонимов представляют собой ценные источники материала для этих исследований. Чтобы оценить информативные возможности «Словаря народных названий растений Урала» и «Словаря фитонимов Среднего Приобья», рассмотрим предложенные авторами принципы структурирования словарного материала и организацию словарных статей, опираясь на опыт лексикографического анализа томской диалектологической школы (О.И. Блинова [2], Т.А. Демешкина [4], М.Э. Гайсина [6], Е.В. Иванцова [7] и др.).

Словари в целом имеют одинаковую макроструктуру: алфавитный порядок расположения словарных единиц, схожая система помет и наличие контекста, представляющего собой записи живой речи диалектоносителей. Существенное различие анализируемых лек-

сикографических трудов состоит в принципах структурирования словарного материала.

Н.И. Коновалова в качестве заглавных единиц приводит в алфавитном порядке народные названия растений с указанием их ботанического русского и латинского эквивалентов, а также синонимов (дублетов). Далее в словнике с соблюдением одного из основных лексикографических принципов – экономности – уже упоминавшиеся синонимы идут с отсылкой к первой по алфавиту словарной статье.

АГРАФЕНА-КУПАЛЬНИЦА, -ы, ж., ед. //лютик//**черное зелье**. *Ranunculus acris*. Лютик едкий. **ЛЮТИК**, -а, -у, м. 1. См. Купавка. 2. См. **Аграфена-купальница**. **ЧЕРНОЕ ЗЕЛЬЕ**, -я, ср., ед.ч. См. **Аграфена-купальница**.

Кроме народных фитонимов, соотнесенных с конкретным ботаническим видом, приведены:

– названия, означаемое растение которых не удалось идентифицировать, например: **МАТОЧНИК**, -а, -у, м. ед.ч. ? Полевое травянистое растение с синими цветками, собранными в кисти.

– собирательные названия, например: **АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК**, -а, -у, м. Название различных травянистых растений с красным цветом.

В словаре В.Г. Арьяновой реализован иной принцип структурирования и подачи материала. Заглавной единицей словарной статьи является русское научное название растения, далее идет эквивалентное латинское наименование ботанической номенклатуры, затем приведены все зафиксированные в говоре фитонимы, соотнесенные с данным растением, включая формальные варианты (фонетические и грамматические).

КАЛУЖНИЦА БОЛОТНАЯ. *Caltha palustris* L.

Болотник, болотница, бабунки, калужница, куриная слепота, курослеп, лопуха, лягушатник, лягушачий цветок, лягушачье мыло, лягушачьи слёзы (един.), лягушачья трава, лягушечна трава, лягушечник, лягушечья трава, лягушник, серебрянка, чугуночки.

В некоторых случаях у составителя словаря возникли вопросы о точности лексического значения словарной единицы, такие единицы приведены со знаком ?, например:

БЕГОНИЯ? BEGONIA?

Морская капуста, морская капустка.

Оба принципа организации словарного материала имеют свои достоинства. В частности, уральский словарь благодаря своей структуре, ориентированной на народные названия растений, позволяет исследователю сразу отметить все парадигматические отношения, в которых находятся лексические единицы словника – как синонимические, так и полисемические. В приведенном выше примере мы видим как случаи функционирования синонимов (дублетов), так и случаи многозначности фитонимов. Ср.:

АГРАФЕНА-КУПАЛЬНИЦА, -ы, ж., ед. //лютик//черное зелье. *Ranunculus acris*. Лютик едкий.

Представлен синонимический ряд (аграфена-купальница, лютик, черное зелье):

ЛЮТИК, -а, -у, м. 1. См. Купавка 2. См. Аграфена-купальница.

Представлено явление полисемии (Лютик = купавка = аграфена-купальница).

Некоторым ограничением для удобного пользования словарем можно считать необходимость произвести дополнительные изыскания в рамках словаря, чтобы идентифицировать, о каком растении идет речь в статьях отсылочного типа.

Принцип подачи словарного материала в Среднеобском словаре – опора на научное название, что определяет точное понимание того, какое растение называют приведенные фитонимы, а также дает полное представление обо всей парадигме синонимов (дублетов) и вариантов, функционирующих в системе говора и соотнесенных с данным растением. Однако для выявления полисемических отношений пользователю словаря необходимо провести сопоставление словарного материала, что несколько ограничивает наглядное описание всех типов взаимоотношений лексических единиц.

Поскольку «анализ информативных возможностей словарей связан обычно с учётом всего лексикографического пространства словарной статьи, со всеми её зонами» [2. С. 15], далее рассмотрим подробнее микроструктуру словарей диалектных названий растений.

Словарная статья в обоих трудах состоит из трех зон: заглавной зоны, зоны толкования и иллюстративной зоны.

Принцип выбора заглавной единицы был рассмотрен выше, обратимся теперь к организации заглавной зоны словарной статьи в целом. В «Словаре народных названий растений Урала», как уже упоминалось, заглавной единицей является народное название растения: слово, словосочетание или устойчивое словосочетание.

АВЕРЬЯНКА (*Valeriana officinalis*, Валерьяна лекарственная), АДАМОВА ГОЛОВА (*Echinops spaeroccephalus*, Мордовник шаро-головой), ЖЕЛТАЯ РОМАШКА (*Anthemis tinctoria*, Пупавка кра- сильная), ТРАВА ДЕВЯТИ БРАТЬЕВ (*Adonis sibiricus*, Горлицев сибирский). В случае если ударение в фитониме не совпадает с лите- ратурным произношением или слово отсутствует в литературном языке, оно также указывается в заглавной единице.

АРЖА'НЕ'Ц (1. Пырей. 2. *Alopecurus geniculatis*, Лисехвост колен- чатый).

Далее приводятся:

1. Грамматические пометы: окончания словоформ родительного и дательного падежей для мужского рода, родительного для женско- го, род (либо знак ?, если употребление рода не установлено), число (если функционирует в форме одного числа).

ОСЛОВОННИК, -а, -у, м., ед.ч. См. Багульник.

2. Через знак // следуют синонимы (дублиеты).

ЗАМАШНАЯ ТРАВА, -ы, ж., ед.ч. //конопля// **посконь**// **поско- нуха**.

3. Латинское и ботаническое наименования растения, в случае если оно идентифицировано составителем, либо знак ?, если оно ост- алось невыявленным.

УМ-ДА-РАЗУМ, -а, м., ед.ч. // умная трава. *Luzula pallescens* Bless. Ожика бледная. КА'МФОРНАЯ ТРАВА, -ы, ж., ед.ч. ? Луго- вое травянистое растение....

4. Стилистические пометы: уменьш., ласкат., шутол., пренебр., одобр., неодобр., эмоц.-оцен., экспр.

КРАСАВКА, -и, ж., ед.ч. //сонная одурь//**экспр.-оцен.** бешеная трава.

В «Словаре фитонимов Среднего Приобья» заглавная зона словарной статьи выглядит следующим образом:

1. Заглавная единица, представленная русским и латинским научным названием растения.

Некоторые фитонимы, обозначающие плодово-ягодные растения, имеют помету **РП** (растение и плоды), в этих словарных статьях приведены и названия самого растения и его плодов. В случаях, если в говоре используются разные названия для самого растения и его плодов, приведены словарные статьи с пометой **Р** для растения и с пометой **П** для плодов.

БРУСНИКА. *Vaccinium vitis idaea* L. РП
Брусника, брусника, брусница, брусничка (ласк.), брусничник.
БОЯРЫШНИК КРОВАВО-КРАСНЫЙ. Р.
Боярошник, боярышник.

2. Далее приведены все диалектные фитонимы, обозначающие данное растение, в алфавитном порядке с указанием ударения.

ГОРОШЕК ОДНОПАРНЫЙ. *Vicia unijuga* A. Вг.
Вязель, горохольник, ползун.

3. Грамматические пометы. В отличие от уральского словаря, в среднеобском этот тип помет используется редко. Обозначен род, если он формально не выражен, и число в случае употребления в ед. и мн. ч.

ГРАВИЛАТ ПРЯМОЙ, Собачка, чаще мн. собачки.

4. Стилистические пометы. В словаре отмечены случаи ласкательного (ласк.), презрительного (презрит.), снисходительного (снисходит.), увеличительного (увелич.), уменьшительно-ласкательного (уменьш.-ласк.), уменьшительно-пренебрежительного (уменьш.-пренебрежит.), экспрессивного (экспр.) употребления фи-

тонимов. Особой пометой (устар.) маркировано также устаревание отдельных единиц.

ЗВЕЗДЧАТКА-МОКРИЦА <...> мокруша (**пренебрежит.**), ГВОЗДИКА-ТРАВЯНКА <...> гвоздичечка (**уменьш.-ласк.**).

5. Выделение случаев единичного употребления фитонима пометой един.

ДОННИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ <...> ворчун (**един.**).

В целом заглавная зона четко структурирована и очень удобна для восприятия читателя.

Резюмируя описание заглавной зоны словарей, следует отметить, что лексико-семантическая группа названий растений представлена объемно и во всем многообразии парадигматических отношений: вариантности, синонимии и полисемии – и тем самым дает обширный материал для исследований в области диалектной лексикологии. Пометы содержат репрезентативный материал для исследований, связанных с такими коннотативными аспектами лексического значения, как явления экспрессивности, эмотивной оценки. Отметим важность наличия пометы «един.» в словаре В.Г. Арьяновой. Например, в исследовании, выявляющем в изучаемом говоре закономерности языковых процессов, подобная помета является основанием для исключения фитонима из выборки, так как единичное употребление может быть персональным новообразованием информанта и не функционировать в говоре в целом.

Ценная информация содержится в зоне толкования, где описывается собственно денотат. Зона толкования в обоих словарях преимущественно описательного типа. В «Словаре фитонимов Среднего Приобья» она содержит идентификатор разновидности растения: дерево, кустарник, полукустарник, травянистое растение, гриб; краткую ботаническую характеристику и описание внешнего вида. Используемые при этом ботанические термины приведены в справочнике при первом томе словаря.

Иногда дается информация о месте произрастания:

ВАХТА ТРЕХЛИСТНАЯ. *Menyanthes trifoliata* L.

Вахта, трехлипка, трехлистка, трехлистник, трехлистница, трилистка, трилистник, трихоль, троелипка, троелист, троелиста, троелистк, троелистник.

Многолетнее травянистое растение с толстым ползучим корневищем, от которого отходит несколько тройчатых листьев на длинных черешках, и безлистным стеблем, несущим на верхушке кисть бледно-розовых колокольчатых цветков. Произрастает на болотистых лугах, по берегам рек и озер, часто в воде.

Дефиниции выращиваемых человеком растений включают определения «культурное», «декоративное», «выращиваемое в комнатах», «садовое», «комнатное», «сорт».

ПЕТУНИЯ. *Petunia* Juss.

Петуния, петунка, петунь, петулька, петунья, петуня.

Комнатное и садовое травянистое растение с ветвистыми стеблями, супротивными овальными или заостренными листьями, крупными, различной окраски цветками, похожими на граммофон.

Идентификаторы и определения существенно облегчают работу исследователю, который планирует из обширной лексико-семантической группы названий растений выбрать для целей исследования определенные тематические группы, например названия деревьев, названия ягод и грибов, названия трав, названия дикорастущих или, наоборот, культурных растений, сортов, и при этом не обладает достаточными ботаническими познаниями для самостоятельной идентификации. Емкое, но полное описание в дефиниции внешнего вида растения, а в некоторых случаях и дополнительная информация о месте его произрастания, вкусе, запахе, времени цветения, свойствах («ядовитое», «колючее», «влаголюбивое», «насекомоядное») позволяет получить предварительное представление о возможных признаках, послуживших основанием для наименования растения. Например:

ОСОТ ПОЛЕВОЙ. *Sonchus arvensis* L.

Зонтичка (един.), моложай, молокай, молокоан, молокоанник, молосник, молочавник, молочай, молочайник, молочник.

Многолетнее травянистое растение <...>. Сок растения белый млечный.

Благодаря упоминанию в зоне толкования о таком свойстве растения, как белый цвет сока, внутренняя форма практически всех диалектных фитонимов, обозначающих данное растение, является

прозрачной – «сок растения белого цвета, напоминающий молоко», кроме фитонима с единичным употреблением «зонтичка».

При этом некоторым ограничением для использования зоны толкования в целях ономаσιологического или мотивологического исследования является насыщенность дефиниции ботанической терминологией, что часто затрудняет получение представления о внешнем виде растения без обращения к ботаническим иллюстрированным справочникам.

В словаре Н.И. Коноваловой необходимости в идентификаторах не возникает, так как словарный материал представлен только травянистой дикорастущей флорой. Как и в «Словаре фитонимов Среднего Приобья», зона толкования в «Словаре народных названий растений Урала» включает кратко представленную, но достаточно обширную информацию о растении, которая сформулирована языком, менее насыщенным ботанической терминологией. По мнению автора, «значение характеризуется через различные признаки реалии с таким расчетом, чтобы набор дифференциальных признаков был достаточным для определения фитонима» [3. С. 6–7]. В соответствии с этим принципом большинство словарных статей содержат информацию:

1. О месте произрастания: либо краткую («луговое», «водное», «лесное», «болотное», «полевое» и т.п.), либо более развернутую:

МЕДУНКА <...> *Растет в лесу, на полянах и тенистых лугах.*

2. О внешнем виде (габитусе) растения:

БЕЛЫЙ СОН <...>. *Сорное растение с опушенным стеблем и листьями, многочисленными желтоватыми цветками, собранными в метельчатые корзиночки.*

3. О времени цветения:

КРАСНОГОЛОВНИК <...>. *Цветет в конце июня–июле.*

4. О способах применения или воздействии на человека/животных:

ЛОПУХ <...>. *Используется при лечении волос, для изготовления репейного масла, при ревматических болях.*

БЛЕВОТНИК <...>. *Большие количества этого хвоща вызывают у скота болезнь «шатун», когда животные быстро худеют и могут погибнуть от истощения.*

Кроме того, в части словарных статей приводятся данные о запахе или вкусе растения:

КАШКА <...>. *Имеет приятный запах, медонос.*

КИСЛИЦА <...>. *Трава имеет кислый вкус и используется для приготовления щей.*

Безусловно, такой подход к содержанию дефиниции максимально информативен для исследований диалектной фитонимики в ономаσιологическом, мотивологическом и других аспектах, ориентированных на изучение связей «реалия – слово».

Как в любых словарных трудах, фиксирующих и сохраняющих богатство устной народной речи, в словарях народных названий растений ценнейшей частью являются контексты употребления фитонимов, или иллюстративная зона. Если зоны толкования в обоих словарях достаточно сходны, то в области иллюстративных зон, как и в заглавных, наблюдаются существенные различия.

Н.И. Коновалова ставит перед собой как составителем словаря задачу «представить в иллюстративном материале комплекс компонентов значения слова (интегральных и дифференцированных), необходимых и достаточных для раскрытия фитонимической номинации» [3. С. 12]. При этом автор выделяет 5 типов контекстов: поясняющий, уточняющий, совмещающий, отождествляющий и противопоставляющий [3. С. 10–11]. Поясняющий контекст предполагает прямое объяснение информантом, почему растение получило такое название, либо указание на мотивировочный признак. Это, пожалуй, наиболее часто встречающийся в словаре тип контекста, причем значительная часть приведенных высказываний являются метатекстами.

ГОЛОВОЛОМ <...>. *Головолом под полезны маскируетца, а от его голову ломит (3, Челяб.).* **ЗЛАТОВЛАСКА** <...>. *У ее так интересно: на одном кусту золотистый цветок и тут же головка с волосикам, потому и златовласка (3, Ирб.).* **СЛИЗУН** <...>. *Слизун, потому што после дожа скользки таки листики, склизки (1, Туринск.).*

Уточняющий контекст используется для толкования родовых понятий или собирательных названий.

ПУШОК <...>. Дык, пушок ведь не одна трава, разны пушистики так зовут: одуванчик, кашки, кто козью морду тожо пушком зовут, разны (3, Пригородн.).

Совмещающий (включает в один ряд несколько наименований одного класса, по мнению информанта) и отождествляющий (использование эквивалентов) контексты встречаются гораздо реже.

ДУРБЕНЬ <...>. Дурбень всякий на болотине растет: комыш да осока, да резунес (1, Каменск.).

ПОСКОНУХА <...>. Молодежь ее коноплей зовут, а мы по старинке – посконухой (1, Пышм.).

Также используется противопоставляющий контекст, в котором упоминаются противоположные по значению фитонимы.

ДУРБЕНЬ <...>. Хорошу траву, как в корм или куды, лапочкой, лапушкой зовем, а ежли никудышина, та дурбень, чепуха разна, с этой дурбенью нече не сладишь (2, Талиц.).

Уточняющий, совмещающий и противопоставляющий контексты дают исследователю представление о парадигматических отношениях в диалектной фитонимике. В контекстах представлены небольшие фрагменты диалектной речи, от 1 до 3 высказываний, в том числе незаконченных, словосочетания, сопровождающиеся географическими пометами, указывающими на ареал распространения фитонима и содержащие цифровую помету, обозначающую возрастную группу информанта (1 – старшее поколение, 2 – среднее, 3 – молодое).

Кроме контекстов иллюстративная часть некоторых словарных статей содержит дополнительный материал из различных источников, характеризующий культурологический аспект названия растения. В основном это растения, связанные с сакральными обрядами и мифологическими представлениями, а также имеющие глубоко укоренившуюся практику лечебного применения.

АДАМОВА ГОЛОВА <...>. *«Адамову голову надо положить в церковь под престол и дать полежать там 40 дней. Цветок этот обладает самыми разнообразными и универсальными свойствами: кто хочет высоко лезть – бери эту траву, и с ней никакого ужаса нет, и земля кажется близка, давай эту траву беременной женщине – и она легко родит и т.п. (Г. Попов)».* Приведено составителем словаря по изданию: Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.

ДЕВЯТИЛЬНИК <...>. *«Корень имя ему деветильник белой, растет на дугах, не во всяких местах; а годен той корень: будет у какого человека бывает зубная болезнь и от того пухнут десны, и того корени взять малую часть и на зубах держать, не по одно время, и тот корень зубную болезнь исцеляет; а сыскано того корени не много (М.Д. Торэн)».* Приведено составителем словаря по изданию: Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.

Таким образом, автор успешно решает задачу раскрытия в иллюстративной части этимологической и номинационной истории фитонима, тщательно выбирая контексты и дополняя их информацией о мифологических, фольклорных и лечебных традициях, связанных с растением. Эта информация позволяет использовать иллюстративную зону словаря как источник исследований, стоящих на стыке языка, культуры и этнографии.

«Словарь фитонимов Среднего Приобья», в отличие от «Словаря народных названий растений Урала», содержит в каждой словарной статье обширные контексты. Большинство приведенных контекстов ранее не публиковались в других словарях среднеобских говоров [1. Т. 1. С. 7].

Иллюстративная зона словаря дополняет лаконичную характеристику растения, приведенную в зоне толкования. Автор предоставляет диалектоносителям право подробно рассказывать о растении – описывать его внешний вид и места, где оно растет, делиться опытом его применения в быту и народной медицине, размышлять над происхождением названия и знакомить читателя с легендами и поверьями об особенных свойствах трав.

ВОДОСБОР сибирский <...>. *Водосбор разноцветный. Похож на колокольчики. Белые, фиолетовые, сиреневые. Кустистый, кустиком. Листья на стояке округленные, как пальчики (В-Кет.*

Б. Яр.). ВОЛОДУШКА золотистая <...>. Володушка, её от печени пьют, очень хорошая от печени (Кож. Мог.). ПОЛЫНЬ горькая <...>. ...Ещё вдовьей травой называют. Потому что горький он. Говорят, что в нём все людские страдания и находятся. Ещё мне бабушка говаривала, что можной этой травкой от нечистой силы уберечься. Будто бы отгоняет она и лешего, и русалок запахом своим (Чайн. Бунд.).

Судя по выбору диалектного материала, В.Г. Арьянова при формировании иллюстративной части не ставила целью раскрыть номинационную историю фитонима, хотя во многих контекстах и присутствуют метатексты, отражающие рефлекссию информантов в ответ на вопрос: «Почему так называется это растение?».

МАТЬ-И-МАЧЕХА обыкновенная <...>. Лист широкий и с одной стороны гладкий, а с другой – шершавый, поэтому её так и называют – мать-и-мачеха (Яшк. Полом.). ...У нас маменька всегда про её говорила, что с одной стороны мягкая, как мама, а с другой жёсткая, как мачеха, вот и название такое замудрёное (Асино).

МУХОМОР красный <...>. Мухомор – это гриб. А почему он так называется? От его мухи так дохнут. Только завези домой да сахарку посыпь чуть-чуть. У-у! Он пятнышками беленькими. Красный. (Том. Н-Рожд.). Мух травили, мухоморник называется. (Мар. Подьел.).

Целью автора было показать, насколько важное место занимают растения в жизни крестьян, какое значение они имеют во всей их повседневной жизни и духовной культуре. Как отмечалось В.Г. Арьяновой, «материалы дают возможность познакомиться с фрагментами материальной и духовной культуры крестьян, с их миропониманием, этическими, эстетическими и нравственными позициями и установками и ценностями» [6. С. 90]. Упоминания о растениях встречаются в рассказах о бытовых заботах, в воспоминаниях о нелегких пережитых событиях, в рассуждениях о болезнях и способах избавления от них, в приметах, поверьях, легендах, передаваемых из поколения в поколение. Вся эта богатая культура взаимоотношений человека и растительного мира находит отражение в иллюстративном материале словаря.

ЗВЕРОБОЙ обыкновенный <...>. *Зверобой ... в лесу растёт, где кедра, ели, сосны... На Иванов день девки из него венки плели, а потом смотрели, скоко с венка сока-то, и гадали, будущее пророчили. Мама наша его в дому весила, говорила, что всё зло прогоняет и домовых всяких. Его заваривали с крапивницей вместе и волосы полоскали, от него они росли лучшие и крепше. Ещё хорошо зимой, от морозишь нос или уши, горячим заваром помажешь, и краснота проходила (Бакч. Порот.).*

КАНДЫК сибирский <...>. *Ну ещё кандык сибирский. Оно цветёт и распускается весной ранней. Цветки на колокольчики похожи, крупные. Мы его ели, когда маленькие были. И в войну его шибко ели. Измельчённые луковичы ели, а потом в муку его растирали (Шег. Мельн.).*

НИВЯНКА обыкновенная. Ромашка <...>. *Ромашка тоже её... можно ворожить: «Любит – не любит, плюнет – поцелует, к сердцу прижмёт – к черту пошлёт» (Яик. Сур.). Ромашку у нас сенокосником зовут. Она цветёт – траву косить надо (Том. Каф.).*

ПАПОРОТНИК мужской <...>. *Но есть примета, что папоротник цветёт раз в году на Иванов день в двенадцать часов ночи. Ну вот иди, караул его там... Если скараулишь, поймал цветок, значит, разрежь руку и туды его запрятывай, и беги оттуда, не оглядывайся, ни с кем не разговаривай... (Том. Алекс.).*

ПОЛЫНЬ-ЧЕРНОБЫЛЬНИК <...>. *Чернобыльник, главное, вокруг дома растёт, в картошке... Я вот так вот шишечек наберу, пупочек один оставляю. Старость есть старость, то раздумаешься, то одна, альбомы смотрю и плачу, жизнь-то прошла, а жизнь-то интересная была, тоскуешь о прежнем. Выпьешь этого растора, и как-то спокойней становится (Том. Бер.).*

ХВОЩ полевой. Пестики <...>. *А пестики такие невысокие растения, листья ёлочкой, стебель как хвощ, а плод длинненький, плотный, зелёный. Не очень вкусный, а голод заставлял есть. Толкли эти пестики и лепёшки из них делали (Ас. Фил.).*

ЧЕРЕДА трёхраздельная <...>. *Черета росла. Она растёт по низким местам. А в огороде как сорняк. Очень плодovitая. Ну и заготавливали её на зиму, детей купали от желтухи или если на теле сыпь, то тоже помогало. Срезали только верхнюю часть. В бане воду запаривали, мылись этой водой, чтобы тело было чистое (В-Кет. Б. Яр.).*

Объемный иллюстративный материал словарных статей может быть полезен исследователям, работающим в рамках как структурного подхода в лингвистике, так и антропоцентрического. Как и уральский словарь, среднеобский будет актуален для лингвокультурологов, этнолингвистов, а также исследователей в области новой, формирующейся дисциплины – когнитивной диалектологии [8. С. 270]. Например, часть контекстов содержит замечания диалектоносителей об употреблении фитонима, в которых информанты отмечают «по-научному», «по-деревенски», «народное название», «по-литературному», «по-врачебному», «по-медицински», «по-нашему» и т.п. Эти метатексты наглядно иллюстрируют функционирование в говоре базовой когнитивной категории «свойственность-чуждость» [8. С. 273].

КИПРЕЙ узколистный <...>. *Кипрей, народное название иван-чай (Перв. Куян).* ПИЖМА обыкновенная <...>. *Она только по-медицински пижма называется, а по-нашему она девятильник (Том. Бат.). По-нашему девятильник, а по-вашему сказать, пижма, по-врачебному пижма. (Том. Бат.).*

Обобщая итоги анализа словарей диалектных названий в качестве источников лингвистических исследований, отметим, что заглавная зона словарных статей максимально полезна для исследований фитонимики как лексической парадигмы. Зона толкования дает ценный материал для исследований в ономаσιологическом и мотивологическом аспектах. Иллюстративная зона дополняет зону толкования информацией о связи объекта растительного мира и именующего его слова, а также предоставляет широкие возможности для антропоцентрично ориентированных исследований лингвокультурологического, этнолингвистического и когнитивного плана. Безусловно, оба словаря представляют собой информативный источник не только языкового, но и культурологического, этнографического материала для междисциплинарных исследований.

Литература

1. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. – Т. 1–3. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008.
2. Блинова О.И. «Словарь фитонимов Среднего Приобья» как источник диалектной мотивологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2008. – №2(3). – С. 14–23.

3. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, НУДО «Межотраслевой образовательный центр», 2000. – 233 с.
4. Демешкина Т.А. Лексикографическое направление в томской диалектологической школе: Итоги и перспективы // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – № 3 (15). – С. 31–37.
5. Калиткина Г.В. Рец. на кн.: Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1: А–К. 2006. 144 с. // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2007. – № 1. – С. 125–132.
6. Гайсина М.Э. Интерпретационная зона «Словаря синонимов сибирского говора» // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 1 (3). – С. 34–44.
7. Иванцова Е.В. Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике // Вопр. лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 5–18.
8. Арьянова В.Г., Арьянова А.В. Мир современных крестьян (по материалам «Словаря фитонимов Среднего Приобья») // Вопр. лексикографии. – 2012. – № 2. – С. 90–97.
9. Демешкина Т.А. Векторы развития современной русской диалектологии // Актуальные проблемы обучения русскому языку. XI. – Брно, 2014. – С. 268–278.

INFORMATIVE POTENTIAL OF DIALECT PHYTONYMY EXPLANATORY DICTIONARIES

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp. 91–109.

DOI: 10.17223/22274200/10/6

Irina V. Lukyanova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).
E-mail: irluk11@gmail.com

Keywords: dialect phytomy, popular plant names, dialect lexicography, explanatory dictionary.

The article reviews the informative potential of Russian dialect phytonym dictionaries for linguistic research in different aspects.

Peasants harmoniously existed in the world of wild nature, which is under their active consideration in the frames of a naive worldview. A big fragment of this worldview is a complex of knowledge and beliefs connected with the world of plants, which is represented in dialect phytomy.

The lexical-semantic group of plant names is an interesting material for linguistic research in different aspects because of its variety, richness and connection with folk culture. Explanatory dictionaries of phytonyms that function in dictionaries are a valuable material for such research.

Today, there are two explanatory dictionaries of dialect plant names in Russia: *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of folk Urals plant names] (publ. in 2000, more than 1,000 names of wild plants) and *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of the Middle Ob phytonyms] (publ. in 2006–2008, 3,780 plant names).

The article reviews in detail the informative potential of these dictionaries as a source for linguistic research on the macro- (general structure) and micro-level (structure of a vocabulary entry) of the dictionaries.

The article marks that these dictionaries present the lexical-semantic group of plant names in a big volume and in many paradigmatic relations: variations, synonymy and

polysemy. Thus, the dictionaries give substantial material for research in dialect lexicology. Each lexical unit is characterised phonetically, lexically, grammatically and stylistically. The marks include representative material for research connected with the connotative aspects of lexical meaning.

Generally, the dictionaries have similar structures, but different principles of organising an entry. In the article the advantages and restrictions of both types of structure are discussed.

The vocabulary entry in both dictionaries consists of three zones: the headword zone, the definition zone and the illustrative zone. All zones are described in the article, their informative potential is characterised.

Summarising the results of the overview of these dictionaries as source for research, the author notes that the headword zone is maximally useful for the research of dialect phytonymy as a lexical paradigm. The definition zone is useful for onomasiological and motivological research. The illustrative zone completes the definition zone with information about connection between the object (plant) and the naming word; it also gives broad opportunities for linguocultural, ethnolinguistic and cognitive research. Definitely, both dictionaries are useful for multidisciplinary research as a voluminous source of cultural and ethnographic material.

References

1. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya* [Dictionary of the Middle Ob phytonyms]. Vols 1–3. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
2. Blinova, O.I. (2008) “Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya” kak istochnik dialektnoy motivologii [Dictionary of the Middle Ob phytonyms as a source of dialect motivology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2(3). pp. 14–23.
3. Konovalova, N.I. (2000) *Slovar' narodnykh nazvaniy rasteniy Urala* [Dictionary of folk Urals plant names]. Ekaterinburg: Mezhotraslevoy obrazovatel'nyy tsentr.
4. Demeshkina, T.A. (2011) Lexicographic studies of Tomsk Dialect School. Results and prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (15). pp. 31–37. (In Russian).
5. Kalitkina, G.V. (2007) Rets. na kn.: Ar'yanova V.G. *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya*. T. 1: A–K. 2006. 144 s. [Book Review: Ar'yanova, V.G. (2006) Dictionary of the Middle Ob phytonyms. Vol. 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1. pp. 125–132.
6. Gaysina, M.E. (2013) Interpretative zone of entry of the Dictionary of Siberian Dialect Synonyms. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (3). pp. 34–44. (In Russian).
7. Ivantsova, E.V. (2013) Lexicographical representation of an individual's speech: type of dictionary and its use in dictionary practice. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2 (4). pp. 5–18. (In Russian).

8. Ar'yanova, V.G. & Ar'yanova, A.V. (2012) World of modern peasants (by the Dictionary of Phytonyms of the Middle Priobie). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 2. pp. 90–97. (In Russian).

9. Demeshkina, T.A. (2014) [Vectors of development of modern Russian dialectology]. *Aktual'nye problemy obucheniya russkomu yazyku* [Topical issues of learning the Russian language]. Proceedings of the XI international conference. Brno: Masarykova univerzita Pedagogická fakulta Brno. pp. 268–278. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 801.3

DOI: 10.17223/22274200/10/7

Рецензия на книгу:
Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкай Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с. – (Фундаментальные словари).

Большой универсальный словарь русского языка – первый российский словарь мирового уровня, встающий в один ряд с всемирно известными универсальными изданиями Oxford University Press,

Longman (Pearson Education) и Duden и не имеющий аналогов в современной русской лексикографии. Это результат многолетнего труда авторского коллектива под руководством доктора филологических наук, профессора В.В. Морковкина.

В Словаре представлено в алфавитном порядке около 30 000 наиболее употребительных слов всех частей речи, составляющих лексическое ядро русского языка. Впервые при каждом слове приводятся сведения, отражающие практически все его лингвистические свойства: написание, ударение, особенности произношения, грамматические формы, значения с указанием их активности или пассивности, сочетаемость, синонимы, антонимы, паронимы, употребление в составе фразеологизмов, культурологическая и страноведческая информация. Рассматривается морфемный состав слова, дается словообразовательная структура, перечисляются производные от него лексические единицы, приводится этимология. Словарь предназначен для преподавателей русского языка как родного, а также как иностранного, отечественных и зарубежных специалистов в области русистики, а также школьников, студентов и всех интересующихся нормативным употреблением русских слов.

Сегодня одной из наиболее актуальных тенденций общей и учебной лексикографии следует, вероятно, считать стремление к предъявлению в словарном произведении комплексной, или многоаспектной, информации о слове. Даже те словарные продукты,

которые ставят перед собой цель отражения конкретной языковой категории, имеют такое количество профильных и непрофильных параметров описания, что не могут считаться аспектными словарями в собственном смысле слова (ср., например, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под рук. Ю.Д. Апресяна). Эпоха словарной аспектизации, особенно характерной для последней четверти XX в., на наших глазах сменяется эпохой комплексности. Свидетельством тому является не только появление большого количества коммерческих словарных проектов, имеющих в своём названии слово «универсальный» и достаточно механически сочетающих разноплановую информацию о слове, но и концептуализация новых, поистине неординарных и высокопрофессиональных подходов к лексикографированию языковых единиц.

Среди таких подходов следует отметить в первую очередь синергетический подход, идея которого была выдвинута В.В. Морковкиным. Под синергетическим учёный понимает лексикографирование, «которое основано на таком предъявлении и распределении информации о **различных свойствах рассматриваемых в словаре языковых единиц**, при котором предъявляемые сведения, целесообразно **сопрягаясь** и по возможности **усиливая** друг друга, обеспечивают достижение максимального **стереоскопического объяснительного эффекта**» [1. С. 466]. Первым опытом синергетического лексикографирования можно считать «Лексическую основу русского языка» [2], в которой лексическое ядро описывается с точки зрения и его идеографического расслоения, и его синонимической, антонимической, омонимической, паронимической, фразеологической ценности, и его этимологической, ортологической и страноведческой специфики. Однако разноаспектная информация о слове, представленная в «ЛОРЯ», дана там распределённо, вследствие чего объёмный портрет слова не явлен *de visu*, а выступает конструктом ума рефлексирующего пользователя.

Новое качество лексикографической синергии достигнуто в «Большом универсальном словаре русского языка» (БУС), который содержит галерею интегрированных портретов наиболее важных русских слов. Указанный словарь не имеет аналогов ни в отечественной, ни в мировой лексикографии и демонстрирует целый комплекс беспрецедентных лексикографических решений и процедур. Поскольку серьёзное обсуждение всех предложенных в БУС новаций потребует не десять и даже не двадцать страниц печатного тек-

ста, обратимся здесь к исчислению и краткому комментированию лишь основных из них.

Наиболее рельефной особенностью обсуждаемого лексикографического произведения является, разумеется, его **всеохватность**. (Заметим попутно, что на протяжении многих лет в качестве рабочего названия словаря выступало словосочетание «Всеохватный объяснительный словарь русского языка».) Всеохватность в концептуальных рамках БУС понимается в русле интенсивного лексикографирования, т.е. такого, которое ставит во главу угла не количество заголовочных единиц в словаре, а глубину их лингвистической проработки. Показателем данной глубины могут служить параметры описания слова, которых в рассматриваемом словаре насчитывается порядка семнадцати, ср. орфоэпический, акцентологический, грамматический, семантический, парадигматический (синонимы, антонимы, таронимы, т.е. слова, которые могут смешиваться в речи по причине смысловой и / или формальной смежности, эквонимы, т.е. тематически соотносимые слова одного уровня обобщения), функционально-стилистический, эмоционально-экспрессивный, сочетаемостный, фразеологический, страноведческий, морфемный, деривационный, этимологический параметры и некот. др.

Так, из словарной статьи слова *кролик* мы можем узнать: 1) его ударение и грамматическую характеристику; 2) совокупность значений слова и стилистическую маркированность каждого ЛСВ; 3) синонимы слова в каждом лексико-семантическом воплощении; 4) типичную сочетаемость; 5) фразеологические единицы, включающие это слово; 6) морфемную структуру слова; 7) его словообразовательные производные; 8) информацию о его этимологии (см. словарную статью ниже).

КР'ОЛИК, -а, м., од., I в.

1.0. Похожее на зайца животное отряда грызунов; самец этого животного.

Маленький (белый, дикий, домашний...) **кролик**. Клетка... с **кроликами**. Разводить... **кроликов**. См. *тжж.* з'аяц 1.0. □ Кролики любят капусту и морковь. ● 1.1. Тушка или мясо этого животного как продукт питания; еда, приготовленная из такого мяса, а тжж. порция такой еды. ★ *Син.* <крольч'атина>. *Рагу из кролика*. ● 1.2. *зд. ед.* мех этого животного. *Шапка из кролика*. ● 2.0. с прописной буквы, *употр. при слове «год»*, *зд. ед.* символ четвертого года двенадцатилетнего цикла древнего восточного календаря. ★ *Син.* З'аяц,

Кот. *Родиться в год Кролика. Прошлый год был годом Кролика.*

● 2.1. разг., с прописной буквы. Человек, к-рый родился в год, обозначенный таким символом, находится под его влиянием и обладает определёнными, отличными от людей других знаков, качествами.

★ **Син.** З'аяц, Кот. *Это правда, что у тебя жена – К.?– Ну, К., а что?*

◇ **Под'опытный кр'олик** *неодобр.* – о том, на ком что-л. проверяется, испытывается. **Бр'атцы-кр'олики** *разг.* – шутовое или фамильярное обращение к собеседникам, к окружающим.

|| **Морф.** кр'олик-Ø. **Дер.** женск. **крольч'|их(а)** ж. (к знач. 1.0.), детск. **крольч'|онок** м. (к знач. 1.0.), суц. **крольч'|ат-ин(а)** ж. – , **крольч'|ат-ник** м. – , **кролик-о-в'од** м. – ; *прил.* **кр'олик|ов(ый)** (к знач. 1.2.), **кр'олич|ий** – . **Этим.** ← польск. królik << król – ‘король’ << калька ср.-в.-нем. küniklin – ‘королёк’ << лат. cuniculus – ‘кролик’ (латинское слово по созвучию было воспринято германцами как уменьш. ф. Küniglin от König – ‘король’) [3. С. 467–468].

Синергичность лексикографического описания является следствием того, что в его основу легла синергичная по своему существу концепция лексического значения слова. БУС является если и не первым, то по крайней мере наиболее полным и, если можно так выразиться, вершинным практическим воплощением предложенного В.В. Морковкиным информационного понимания значения слова. В соответствии с ним значением называется «сопряжённая с соответствующей материальной оболочкой информация, которой необходимо обладать для того, чтобы правильно употреблять слово в собственной речи и безошибочно понимать его в речевых произведениях других» [4. С. 19]. Указанная информационная трактовка воплотилась в триипостасной модели лексического значения, в рамках которой слово имеет абсолютную ценность (семантика), относительную ценность (парадигматика в широком смысле слова) и сочетательную ценность (синтагматика) [Там же. С. 19–23]. На раскрытие каждого ценностного блока в Словаре работает комплекс словарных зон. Так, абсолютная ценность освещается прежде всего в толковании ЛСВ, а также в страноведческой (в том случае, если в ней помещена культурологическая справка) и отчасти мотивационной зоне словарной статьи, поскольку этимология не только указывает на происхождение единицы, но в некоторых случаях способна существенно прояснить её смысл, например:

ЦЕЛОВАТЬ ← *праслав.* *cělovati << cěъ – ‘целый; здоровый; невредимый’ (т.е. первоначально слово значило ‘желать кому-л. возвратиться из похода, с охоты и т.п. целым и невредимым’) [З. С. 1368].

Обнаружение относительной ценности слова осуществляется посредством приведения в известность, во-первых, непосредственных соседей единицы по лексической системе (синонимов, антонимов, таронимов); во-вторых, стилистических и эмоционально-экспрессивных помет; в-третьих, иерархически упорядоченного перечня лексических значений слова (эпидигматического гнезда); в-четвёртых, информации о словообразовательном гнезде и, наконец, в-пятых, статистической характеристики слова. Последняя выступает в Словаре чаще всего в качестве дополнительного инструмента дифференциации синонимов, например:

УСН'УТЬ <...> ★ *Син.* засн'уть *употр. чаще* [1314], **КАК БУДТО¹**, *сз.* <...> ★ *Син.* будто¹ *употр. реже, словно¹ употр. реже, <точно², как будто бы, будто бы>, как² употр. реже* [З. С. 405].

Наконец, сочетательная ценность слова получает характеристику в сочетаемостной (что очевидно), фразеологической и страноведческой (в том случае, если в ней приводятся прецедентные высказывания) зонах словарной статьи.

Антропоцентрическая устремлённость Словаря и учёт потребностей пользователей, изучающих русский язык как иностранный, привели к появлению совершенно оригинального параметра лексикографического описания единицы, который может быть назван ориентацией на вид речевой деятельности. В соответствии с ним словник произведения делится на активный, т.е. такой, который состоит из единиц, предназначенных как для рецепции, так и для продукции речи (вводятся абзацным отступом), и пассивный, т.е. такой, который включает единицы, используемые преимущественно для рецепции (вводятся полужирным кружком). Функциональная особенность пассивных единиц словника предопределила вполне обоснованную редукцию их описания в области сочетаемости – последняя раскрывается с помощью иллюстративных речений (словосочетаний и предложений). Поскольку оценке по данному параметру подвергается не слово целиком, а каждый его ЛСВ, читатель может

видеть «видоречевой срез» слова, который часто не совпадает со срезом семантическим. Например:

РАЗВ'ОД • 1.0. *Р. школьников по классам.* • 1.1. *Р. часовых.* • 2.0. *Сотни туристов собираются на Неве смотреть на р. мостов.* 3.0. *Родители уже пять лет в разводе* [Там же. С. 980]. Обращение к хорошо известному методике, но недостаточно освоенному лексикографией параметру ориентации на вид речевой деятельности позволило авторам БУС создать первый на русском языковом материале активно-пассивный словарь (ср. в связи с этим недавно вышедший «Активный словарь русского языка» под рук. Ю.Д. Апресяна).

Безусловным прорывом в области описания грамматических свойств лексической единицы является использованная в БУС присловарная грамматическая характеристика, сущность которой состоит в приведении в зоне словарных приложений регулярных парадигм словоизменения, связанных с заголовочными единицами удобной индексацией, доступной пользователю без специальной лингвистической подготовки. Любые акцентологические или собственно морфологические отклонения от представленной в присловарной зоне парадигмы находят отражение в присловной, т.е. расположенной непосредственно в словарной статье, грамматической характеристике, ср.:

ЖЁСТК|ИЙ, *кратк. ф.: м. жёсток, ж. жестк'а и доп. жёстка, сравн. I жёстче, превосх. I употр. редко, кач., IV б* [Там же. С. 301].

ИД|Т|И, *ид|'у, -ёт, -'ут, прош.: м. шёл, ж. шл|а, прич. действ. прош. ш'едш|ий, деепр. ид'я и устар. и разг. 'идучи, несов., V а; пойд|'и, пойд|'у, -ёт, -'ут, прош.: м. пошёл, ж. пошл|а, повел. пойд'и и разг. под'и, прич. действ. прош. пош'едш|ий, деепр. пойд'я, сов., V а; неперех* [Там же. С. 369].

Процедура деления грамматической информации о слове на регулярную и нерегулярную представляется удачным примером рационализации лексикографического описания, который, ко всему прочему, имеет мощный аналоговый потенциал, поскольку позволяет применить лежащий в его основе принцип по отношению к иным аспектам словарного описания (фонетическому, словообразовательному, семантическому и др.).

Среди частных лексикографических находок в области описания грамматики слова можно отметить указание *зд[есь]*, которое вводит особенность слова, присущую ему в данном конкретном значении, например:

«**ДАЛЁКИЙ** <...> • 4.1. *зд. кратк. ф., в знач. сказ.* Такой, крый совсем не похож на кого-что-л. <...> *Скоро она поняла, как далёк её избранник от того сказочного героя, которого она создала в своём воображении* [З. С. 223],

а также указание на грамматическую ограниченность единиц, фигурирующих в сочетаемостной зоне, напр., «**Хорошо** сделать что-л. (подготовить кого-что-л., работать *несов.*, учиться *зд. несов.*, вести *несов.* себя, выглядеть *несов.*, одеваться *обычно несов.*, п'ахнуть *несов.*, сказать, выразиться, назвать кого-что-л., воспитать кого-л., выучить кого-что-л. ...)» [З. С. 1358]. Это же указание используется и при стилистической характеристике заголовочных единиц и слов, сочетающихся с ними, ср.:

«**ОБЛЕГЧИТЬ** [хч] <...> • 3.1. Сделать менее тяжёлым, изменить к лучшему, а ткж. *зд. разг.* избавить от какой-л. проблемы, какого-л. затруднения» [Там же. С. 644].

ГОЛОС¹ <...> подсчитывать (суммировать *сов. и несов.*, покупать *зд. неодобр.*, продавать *зд. неодобр.*, отнимать у кого-л., отбирать у кого-л., завоёвывать...) **голоса**... [Там же. С. 200].

Говоря об отражении стилистического качества входящих в словарный массив единиц, нельзя не обратить внимания на фактическое удвоение в БУС традиционного функционального статуса слова, которое позволяет уловить более тонкие стилистические обертоны. Данное удвоение состоит в том, что всякий стилистический страт распадается на субстрат насыщенной и субстрат ненасыщенной маркированности. Первый вводится известными всякому пометами вроде *разг.*, *прост.*, *устар.*, *книжн.* и др., последний – посредством добавления к указанным пометам специальной пометы *с оттенком*. Таким образом, в Словаре можно встретить собственно разговорные единицы и единицы с оттенком разговорности, официальные слова и слова с оттенком официальности, книжные лексемы и лексемы с оттенком книжности и проч. Например:

РАЗУМ'ЕЕТСЯ¹, *вв. сл., с оттенком книжн.* 1.0. Употр. для подчёркнутого выражения твёрдой уверенности говорящего в достоверности, истинности высказывания [Там же. С. 989].

ЛЕГКОМ'ЫСЛЕННЫЙ [хк; н] <...> Л. человек (девушка, девица *разг.*, молодой человек, парень *разг.*, дама, особа *с оттенком ирон.*, создание, политик, молодёжь *ж.* ...) [3. С. 485].

Одним из первоочередных преимуществ БУС следует считать также глубину отражения лексической многозначности. В настоящий момент можно без преувеличения констатировать тот факт, что не существует другого такого словарного произведения, в котором полисемия раскрывается столь тщательно и последовательно. Беспрецедентно полное освещение лексической неоднозначности стало возможным благодаря двум ключевым положениям авторской лексикологической концепции: 1) все слова языка – актуально или потенциально – многозначны; 2) доминирующим методом обнаружения многозначности единицы является анализ его дистрибуции. Опора на сформулированные позиции сделала возможными обнаружение и фиксацию в БУС тончайших, практически неощутимых смысловых сдвигов метонимической природы, которые не находят отражения ни в одном другом наличествующем словаре русского языка, например:

БОРЩ <...> Жидкое кушанье, род супа из сваренных в воде или в бульоне свёклы (она придаёт кушанью красный цвет), капусты, а также других продуктов и приправ (мяса, картошки, помидоров, моркови, сладкого перца, лука и др.); **ёмкость с таким кушаньем, а ткж. порция такого кушанья** [Там же. С. 65].

Ср. контекстную реализацию трёх приведённых значений: *сварить борщ; поставить борщ в холодильник; пробить борщ на кассе*. Для адекватного представления многомерной природы лексической многозначности создатели БУС избирают ступенчатую систему нумерации значений (в лексикографии впервые применена в «ЛОРЯ» [2]), которая позволяет с помощью прикрепленного к ЛСВ составного индекса (1.0., 1.1., 1.2., 1.2.1., 1.2.1.1. и т.п.) показать отношения непосредственной производности между значениями слова.

Кроме того, на страницах БУС наконец достигнуто компромиссное и, как кажется, вполне удовлетворительное разрешение, казалось бы, неразрешимой проблемы лексикографической интерпретации

разошедшейся полисемии и функциональной омонимии. В соответствии с ним вышедшая за пределы многозначного слова единица предъясняется дважды – сначала в лоне многозначного слова в сопровождении специального значка, затем в отдельной словарной статье (если её коммуникативная значимость достаточно высока) или в словообразовательной зоне производящей единицы (если её коммуникативная значимость относительно низка). Ср.:

БОЛЬН'ОЙ¹ <...> • 1.1. → *сущ.* **больн'ой**² (см. ||)». «**БОЛЬН|ОЙ**² <...> Большой человек [3. С. 62].

Новаторским является и приведение в БУС страноведческой информации о слове, которая доселе являлась объектом лишь профильного лингвострановедческого лексикографирования (в отличие, например, от фразеологической ценности, традиционно раскрываемой в объяснительном и, в частности, толковом словаре). Представленные в обсуждаемом произведении страноведческие сведения, по видимому, можно разделить на три большие группы. Первая группа включает в себя сведения в меньшей степени языковые и в большей степени энциклопедические, например:

КРЕПОСТЬ <...> • **Брестская крепость** – крепость в черте г. Брест (Белоруссия, построена в 1833–1838 гг.), малочисленный гарнизон к-рой в самом начале Великой Отечественной войны (с 22 июня по 20-е числа июля 1941 г.) героически оборонялся (не хватало боеприпасов, продовольствия, воды) против полностью окруживших её немецких войск; в 1965 г. ей было присвоено звание «Крепость-герой» [Там же. С. 463].

Вторая группа содержит культурологическую информацию и знакомит читателя с традициями и обычаями русского народа, например:

ВОД'А <...> • **Свят'ая вод'а** – вода, освящённая в церкви (особенно в день Богоявления – 19 января) и приобретающая в результате особую духовную и очистительную силу; ею пользуются в таинстве Крещения, при освящении храмов и любых бытовых предметов, при окроплении верующих во время крестных ходов и молебнов; её можно также взять в храме и принести в свой дом, где ею

причащаются (пьют обязательно натошак) для предотвращения и излечения болезней и всякой немощи □ Святая вода может стоять в сосуде много лет и не портиться [Там же. С. 120].

Наконец, третья группа сведений является в полном смысле слова языковой и соотносится с разного рода прецедентными именами и высказываниями, например:

'ОСЕНЬ <...> ● **Б'олдинская 'осень** *книжн.* – об особо активном и плодотворном периоде в творческой деятельности кого-л. (первоначально об осени 1830 г., к-рую А.С. Пушкин провёл в деревне Болдино, где он создал многие свои шедевры) [З. С. 698].

Лексикографическую необычность БУС можно усмотреть и в приведении такой информации о слове, которая, хотя и не является новой для словарного дела и так или иначе находит отражение в традиционных толковых словарях, на фоне последних характеризуется полнотой, граничащей с исчерпанностью. Среди таких решений следует отметить, в частности, массивное отражение сочетаемости, которое по своей глубине не только сопоставимо с её отражением в профильном словаре, но и превосходит его. Отражённые в БУС сочетаемостные ряды имеют двоякую упорядоченность – с учётом грамматической модели и с ориентацией на наиболее употребительные лексические единицы, реализующие данную модель. Например:

ИГР'УШК|А <...> Заводная (мягкая, резиновая, пластмассовая, электронная, механическая <...>) **игрушка**; ёлочные <...> **игрушки**. **Игрушки** для мальчиков (для девочек, для дошкольников <...>). **Игрушка** с моторчиком (с колокольчиком, с музыкой ...). Магазин (отдел, набор ...) **игрушек**. Шкаф (ящик ...) **для игрушек**. Коробка (ящик, шкаф ...) **с игрушками**. Сделать (подарить кому-л., дать кому-л. <...>) **игрушку**; разбрасывать (собирать, убрать куда-л. <...>) **игрушки**. Служить кому-л. ... **игрушкой**. Играть *зд. несов.* ... **в игрушки**. **Игрушка** сломалась (потерялась ...) [Там же. С. 368].

В этом смысле можно утверждать, что в настоящее время БУС является самым полным словарём сочетаемости русских слов.

Следует особо отметить сосредоточенность авторов на собственной сочетаемости слов, т.е. такой, которая отражает специфику

именно его словоупотребления. Для введения в словарную статью несобственной сочетаемости используется помета *См. также*, которая, как и присловарная грамматическая характеристика, воплощает стремление к рационализации описания посредством использования языковой регулярности. Такой же полнотой характеризуется освещение словообразовательной ценности слова, которое осуществляется в трёх направлениях: характеристики морфемной структуры, исчисления основных производных и указания на производящее (если оно имеется).

Этимологической справке о лексических единицах присущи две основные черты, отличающие её от аналогичных комментариев в иных словарях. Первая состоит в раскрытии происхождения всех непроизводных слов – как заимствованных, так и исконных, ср.:

ЛЮБИТЬ <...> *Этим.* ← *праслав.* *ljubiti << *lubъ – ‘милый, приятный’ << *и.-е. корень* *leubh- – ‘быть возбуждённым; испытывать жажду, хотеть’ [З. С. 507].

Вторая заключается в осознанной направленности на экспликацию внутренней формы слова, т.е. того признака, который послужил признаком номинации, например:

МЕДВЕДЬ <...> *Этим.* ← *праслав.* *medvĕdъ << *medъ – ‘мёд’ + *ĕd-ъ – ‘еда; пища’, т.е. буквальное значение – ‘поедатель мёда’ (эвфемизм, возникший у славян на почве табу взамен индоевропейского *(a)rk’sos, ср. *греч.* arktos, *лат.* ursus) [Там же. С. 520].

Думается, что выход в свет «Большого универсального словаря русского языка», без всяких преувеличений, знаменует новую эру в истории лексикографии, так как данный словарный труд есть не только бесценный клад информации о слове, но и конструкторское произведение, отвечающее требованиям структурности, целостности и внутренней гармоничности. Словарь предстаёт перед читателем как тщательно продуманное инженерное сооружение, соразмерное зданию лексической системы. Благодаря системному видению языка и навыкам лингвистического моделирования авторам удаётся развернуть перед читателем многомерное пространство, в котором неуловимая и вечно движущаяся языковая материя застывает в минутном оцепенении, приоткрывая свои тайны.

Литература

1. Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгресса МАПРЯЛ, Варна, 17–23 сентября 2007 г. – София, 2007. – Т. 2: Проблемы фразеологии: Русская лексикография: тенденции развития. – С. 465–474.
2. *Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь* / В.В. Морковкин, Н.О. Бёме, И.А. Дорогонова, Т.Ф. Иванова, И.Д. Успенская; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1984. – 1168 с.
3. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. – М.: Словари XXI века: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
4. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. – М., 1990. – 72 с.

А.И. Ольховская

BOOK REVIEW: MORKOVKIN, V.V., BOGACHEVA, G.F. & LUTSKAYA, N.M. (2016) *BOL'SHOY UNIVERSAL'NIY SLOVAR' RUSSKOGO YAZYKA* [THE BIG UNIVERSAL DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE].

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2016, 2(10), pp.110–121.

DOI: 10.17223/22274200/10/7

Aleksandra I. Olkhovskaya, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

References

1. Morkovkin, V.V. (2007) [Synergistic lexicographing: the concept and technology]. *Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire* [The world of the Russian word and the Russian word in the world]. Proceedings of the XI MAPRYAL Congress. Varna. 17–23 September 2007. Vol. 2. Sofia. pp. 465–474. (In Russian).
2. Morkovkin, V.V. (ed.) (1984) *Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: Kompleksnyy uchebnyy slovar'* [Lexical basis of the Russian language: a comprehensive learner's dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Morkovkin, V.V., Bogacheva, G.F. & Lutsкая, N.M. (2016) *Bol'shoi universal'nyi slovar' russkogo yazyka* [The big universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovarei XXI veka; AST-PRESS ShKOLA.
4. Morkovkin, V.V. (1990) *Osnovy teorii uchebnoy leksikografii* [The basis of the theory of educational lexicography]. Philology Dr. Diss. Moscow.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОБУНОВА Мария Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Курского государственного университета.
E-mail: bobunova61@mail.ru

ВАЩЕНКО Дарья Юрьевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. отдела славянского языкознания Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва).
E-mail: daranis@mail.ru

ГЕНЕРАЛОВА Елена Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: elena-generalova@yandex.ru

ГРЕКОВА Марина Владимировна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: marinagrekova@gmail.com

ЛУКЪЯНОВА Ирина Владимировна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета.
E-mail: irluk11@gmail.com

ОЛЬХОВСКАЯ Александра Игоревна – канд. филол. наук, вед. науч. сотр. проектной научно-исследовательской лаборатории инновационных средств обучения русскому языку, ассистент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва).
E-mail: aleksandra_olhovskaya@mail.ru

САВИНА Ольга Юрьевна – ст. преподаватель кафедры немецкой филологии Тюменского государственного университета.
E-mail: osawina@gmail.com

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вопросы лексикографии» выходит 2 раза в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 41276 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2227-4200).

Полнотекстовые версии вышедших номеров размещаются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/lex>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Факс 8(382-2)52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

RUSSIAN JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2016. № 2 (10)

Редактор *Т.В. Зелева*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Оригинал-макет *Г.П. Орловой*
Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное
Учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 14.2016 г. Формат 60x84^{1/16}.

Печ. л. 8,0; усл. печ. л. 7,1; уч.-изд. л. 6,9.

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет 30.12.2016 г. Заказ 2270. Цена свободная

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru